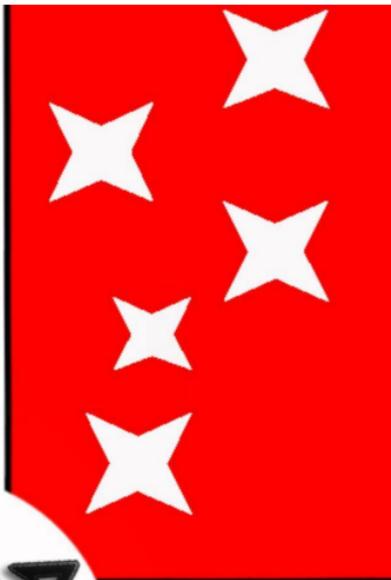

А.С.Архипов

Стевозъ Мѣдъ и Сѣр

Часть 6

Наследие
Вермахта

Алексей Сергеевич Архипов

Сквозь лёд и снег. Часть

VI. Наследие Вермахта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70527817

SelfPub; 2024

Аннотация

Уважаемые читатели, представляю вам шестую часть моего романа. Считаю её неоспоримым венцом всей линейки повествований в художественном отношении. Прошу всех с пониманием отнестись к тематике обложки, которую автор предпочёл для данного литературного произведения. Она не имеет никакого отношения к теме книги, не несёт пропагандистских идей Третьего Рейха, а только лишь отражает пьедесталы, под которыми были созданы объекты, описанные в данной части романа. В любом случае Штирлиц в фильме "17 Мгновений весны" зигал каждые полчаса и никого в СССР это не смущало! Желаю приятного и интересного прочтения. С уважением, Архипов Алексей.

Алексей Архипов

Сквозь лёд и снег. Часть VI. Наследие Вермахта

ГЛАВА I. НОВАЯ ШВАБИЯ

Начало XX века в Германии было насыщено появлением тайных обществ, таких как «Общество Туле», «Общество Врил» и организация «Аненербе», (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков», полное название – «Немецкое общество по изучению древних сил и мистики») – организация, существовавшая в 1935—1945 годах, созданная для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью окультурно-идеологического обеспечения государственного аппарата гитлеровской Германии, основным идеологом которой выступал голландско-немецкий учёный – мистик Герман Вирт, а президентом непосредственно являлся сам Генрих Гиммлер.

«Общество Врил» и «Общество Туле» носили по большей части оккультный характер на почве исторической, культурологической, географической и политической составляющих развития общества Германии и немецкого народа. В ос-

новном появлении этих обществ, как и их род занятий был логически обоснован резким скачком общего развития германской расы, которая в силу своих явных превосходств научного, технического и интеллектуального характера не могла не поставить перед собой вопрос о её существенном и резко бросающемся в глаза отличии от других рас, которые, так или иначе, стали исключительно самостоятельной причиной такого сравнения на территории Германии начала XX века.

Одним из подтверждений этого социально-исторического фактора, который повлёк за собой естественное возникновение националистических направлений в обществе Германии, являлось появление возможности провести научно-исследовательскую полярную экспедицию в Антарктиду, в результате совокупного наличия у немцев таких средств технологического потенциала, как корабль «Швабия», использовавшийся с 1934 года для трансатлантических почтовых перевозок и имеющий на своей корме грузовой кран. Вторым таким примером технологического прорыва, обеспечивающего возможность сложных полярных исследований являлся гидросамолёт «Dornier Do 16», также размещавшийся на корме. Его особенностью в сочетании с кораблём было то, что он мог стартовать с паровой катапульты и после полёта подниматься на борт с помощью крана. Корабль был переоборудован для экспедиции на гамбургских верфях.

Так как Антарктический материк не имел на то время определённой государственной принадлежности, то по-

сле прихода к власти НСДАП он не мог уйти из поля зрения Адольфа Гитлера, как потенциально новая территория Третьего Рейха с возможностью государственного закрепления, а наличие в стране крупнейшего флагманского авиаперевозчика «Deutsche Lufthansa» более известного как «Lufthansa» («Люфтханса») позволило вести речь о сотрудничестве этой компании в формировании гражданской экспедиции с государственной поддержкой. Наряду с компанией «Lufthansa» немцы уже располагали «Германским обществом полярных исследований», которое и взяло на себя подготовку экипажа корабля «Швабия», а командование этой только на первый взгляд стандартной экспедицией принял на себя полярник капитан Альфред Ричер, принимавший участие в нескольких экспедициях на Северный полюс. Американский полярник Ричард Бэрд проявлял интерес к этой экспедиции и до её отправления даже посетил Гамбург. Он получил от немцев приглашение участвовать, но по неизвестным причинам отказался.

17 декабря 1938 года «Швабия» отправилась в Антарктиду из Гамбурга, оснащённая двумя летающими лодками «Дорнье-Валь» и прибыла на место 19 января 1939 года, где самолёты сразу начали подробное фотографирование территории. Работа немецких полярников была настолько профессиональной, что им удалось обследовать район в шестьсот квадратных километров от 13° з. д. до 22° в. д., где через каждые тридцать километров сбрасывались вымпелы. Было

сделано более одиннадцати тысяч фотоснимков, охватывающих целых триста шестьдесят квадратных километров, и в результате этой самоотверженной работы экспедиция открыла свободный ото льда оазис Ширмахера. Но это всё было только лишь официально опубликованной частью итогов их экспедиции! В середине февраля 1939 года экспедиция покинула Антарктиду, а 12 апреля 1939 года «Швабия» вернулась в Гамбург, где капитан Альфред Ричер доложил Адольфу [Гитлеру](#) о проведённых исследованиях.

Повсеместные конспирологические версии тогда утверждали, что экспедиция «Новая Швабия» под предводительством капитана Альфреда Ричера создала в Антарктиде засекреченную военную Базу 211 «Новый Берлин», и именно там экипаж подводной лодки U-530 при участии «Общества Врил» спрятал оккультные реликвии Третьего Рейха, включая Святой Грааль. Согласно некоторым предположениям там же были спрятаны и сверхсекретные технологии, не доступные осознанию простого человека, включая летающие аппараты, основанные на принципах изменения гравитационных волн или попросту «летающие тарелки».

«Vril-Gesellschaft» («Фри-Гэзэльшцафт», «Общество Врил») являлось в свою очередь уфологическим тайным обществом медиумов, члены которого контактировали ченнелингом, то есть особым способом коммуникации с любого рода сознанием, которое не находится в человеческой форме, с инопланетными и подземными цивилизациями, изу-

чая тем самым «врил» – мистическую силу, в дальнейшем практически используемую в экспериментальном авиаконструировании. «Общество Врил» являлось внутренним кругом «Общества Туле», одним из основных артефактов которого и был Святой Грааль. Эту драгоценную реликвию вместе с копьём, пронзившим тело Христа, сохранил и привёз в Британию Иосиф Аримафейский, а в европейских эпосах она являлась объектом постоянного поиска легендарных рыцарей Круглого стола. Испивший из неё получал прощение грехов, вечную жизнь и другие магические блага. В средневековых кельтских и нормандских легендах Чаша Грааля считалась одним из орудий Страстей: из неё вкушал Иисус Христос на Тайной вечере, а после Иосиф Аримафейский собрал в неё кровь из ран распятого на кресте Спасителя.

Однажды в 1943 году легендарный немецкий адмирал, командующий подводным флотом Третьего Рейха Карл Дённиц заявил: «Немецкие подводники впишут себя в историю хотя бы тем, что в другой части земного шара, в Шангри-Ла (Шамбала), создали величайшую и неприступную крепость». Мировые историки не придали тогда этому высказыванию особого значения, однако позже в 1945 году Великобритания проводила операцию «Табернал» по расследованию неудачно начавшей работу и воссозданной позже первой британской антарктической базы Модхейм по поиску и уничтожению Базы 211 «Новый Берлин». А в 1947 году США провела антарктическую экспеди-

цию «Highjump» («Высокий прыжок») под началом адмирала Ричарда Бэрда, участвовавшего в 1930 году в переговорах по поводу экспедиции Альфреда Ричера. По некоторым данным экспедиция адмирала Бэрда была ничем иным, как военной операцией ВМС США с целью уничтожения секретных подземных баз Четвёртого Рейха и захвата технологий летательных аппаратов «Vril», прототипов «космических кораблей Туле» с ртутным двигателем и прочих высоких технологий, которые были концептированы в результате оккультного союза «Общества Врил» с внеземным разумом. Однако экспедиция получила загадочный отпор по одной из версии – от советского флота, также желавшего получить контроль над немецкой базой, а по другой – от самих немцев, которые оказались готовы к этому нападению.

Viertes Reich («Фүэтэс Райх», «Четвёртый рейх») было законспирированным политическим образованием с идеологией национал-социализма, которое рассматривалось как преемник Третьего рейха. Впервые термин «Четвёртый рейх» появился в 1960-х годах в связи с тем, что канцлер ФРГ Курт Кизингер работал в прошлом в министерстве пропаганды Третьего рейха, как и ряд других крупных политических фигур Западной Германии того времени, которые также были связаны с Третьим рейхом. По мнению их политических противников, они также проводили политику, направленную на реабилитацию национал-социализма.

В 1930 году в Берлине было основано общество

Reichsarbeitsgemeinschaft «Das kommende Deutschland» RAG («Райскамэн/гэмайншафт «Дас кóмандэ Дойчланд», «Рейх-ассоциация Германии»), издававшая научно-окультурный журнал «Weltdynamismus» («Вэльтдина́мисмус», «Мировой динамизм») и брошюру «Vril. Die kosmische Urkraft» («Фриль. Ди кóсмишэ Уркафт», «Космическая изначальная сила»), в которых помимо всего прочего утверждалось, что можно создать летательные аппараты на ещё непознанной наукой силе «*врил*». Этим книгам предшествовали очень похожие на них книги 1928 года двух австрийских учёных, один из которых Карл Шаппелер заявлял о так называемых «космических войсках» и некоем вечном двигателе. Самым подозрительным было то, что после Второй Мировой Войны не было найдено никаких документов о деятельности этой организации, если такие документы вообще когда-либо существовали, однако эта группа стала центральным элементом в секретной деятельности германского «Общества Врил» в 1920-1940-х годах.

На самом же деле Адольф Гитлер действительно построил Базу 211 «Новый Берлин», но сделал это с особой секретностью, запутывая и исключая все возможные следы для логического выявления факторов, которые можно было бы использовать для обнаружения её месторасположения. База была построена не на территории Новой Швабии и не вблизи её границ, как это было общепризнано считать, а совсем с другой стороны Антарктического материка в Шель-

фовом Леднике Росса. Первая экспедиция Альфреда Ричера опубликовала только те материалы, которые не касались секретных планов Гитлера, но в действительности разведка с самолётов велась и в других районах Антарктиды, где Рейхскомандование сразу обратило внимание на очень огромный протяжённый разлом в леднике Росса, который абсолютно подходил для захода в него подводных лодок и небольших судов, что сразу оптимально позволяло вести речь об идеальной скрытности при проведении строительства базы внутри ледяного массива высотой 20-25 метров только над водой и до 15 метров под водой. Именно поэтому американская экспедиция «Highjump» в 1947 году под командованием адмирала Ричарда Бэрда не достигла успеха. Они просто не смогли обнаружить эту базу так же, как её не смогли обнаружить до этого англичане. Сам Альфред Ричер никакого строительства конечно же не вёл, в его задачу входило максимальное исследование материка на предмет обнаружения самого лучшего места для такой сверхсекретной базы и он прекрасно с ней справился. В дальнейшем строительство велось силами подводного флота и инженеров Третьего Рейха. Именно поэтому адмирал Карл Дённиц и высказался в 1943 году относительно заслуг подводников, хотя многие восприняли это несознательно. Ни о каких сомнениях в том, что эта база существует, в высших кругах Германии не было и речи, но существовала одна глобальная проблема. В конце войны все возможные документы относительно этой ба-

зы были уничтожены в Фюрербункере под Рейхсканцелярией в Берлине. Единственным, что удалось сохранить в самой Рейхсканцелярии были кодовые шифры от сейфов, которые не представляли для красноармейцев никакого интереса, так как никто, кроме самих немцев не знал, о каких именно сейфах идёт речь, потому что в документах они идентифицировались по заводским номерам и не более. Это дало возможность Германии сохранить за собой «ключи» к заветным артефактам «Общества Туле» и научно-технической документации, касающейся разработок «Общества Врил». Во второй половине XX века, когда Германия получила возможность продолжать свои полярные экспедиции в Антарктиде, в течение некоторого времени совершались попытки поиска Базы 211 «Новый Берлин», но они также не увенчались успехом, и тогда «наследники Врил и Туле» сделали ложный вывод о том, что результаты миссии «Highjump» 1947 года были просто засекречены и американцы нашли и уничтожили немецкую секретную базу. Однако, когда в 2037 году во время спасательной операции на станции Конкордия пришёл неожиданный сигнал от Ганса Майера о неестественных аномалиях возле разлома на шельфовом леднике Росса, всем сразу стало ясно, что это ничто иное, как разработанная самими же немцами ещё сто лет назад система защиты от навигационного обнаружения и значит где-то рядом находится вход на базу «Новый Берлин».

Теперь оставалось только одно – это максимально скрыт-

но проникнуть туда и забрать все артефакты и документы Четвёртого Рейха, уничтожив после себя всё остальное в виде доказательств существования этой секретной базы, как это всегда стандартно выполнялось немцами в годы войны.

ГЛАВА II. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

*Станция Конкордия,
13 июня 2037 года, 10:20*

Перед тем, как покинуть кабину своего сновигатора «Meerschlag», припаркованного для дозаправки и заряда батарей к модулю технического обслуживания станции Конкордия, Ганс Майер по скрытой выделенной линии связи в режиме «Филин» («Uhu-Modus!») отправил в Центр Управления Программы «Полярной Навигации» немецкой стороны на станции «Ноймайер» закодированное сообщение следующего содержания:

Сообщение от «Белой акулы» («Weißer Hai», «Вайса Хай»):

«Мною получена информация от русского пилота «Фрэя» о том, что во время продвижения их группы из четырёх человек вдоль большого разлома по леднику «Росса» в области его устья с координатами 80° ю.ш. 171° в.д. ими было зафиксировано устойчивое аномальное завихрение магнитной по-

лярности с эпицентром в радиусе одной мили при стабильном сейсмическом состоянии. Прошу принять оперативные меры к рассмотрению вопроса нахождения в этой области задачи «Х»!!! Жду дальнейших указаний».

После этого Ганс вернулся на станцию, куда вместе с ним вернулся и Йозеф, и они вместе приступили к поискам подходящих для сна открытых номеров. Условия личного комфорта в создавшейся ситуации теперь мало кого интересовали, к тому же переодеться никто естественно не собирался, поэтому внутренняя атмосфера станции, слабо прогретая после отключения электроэнергии в принципе ничего не пугала, так как спать ближайšie три часа предстояло в термокомбине зоне, который оптимально регулировал внутреннюю температуру автоматически или в ручную по желанию пилота. Естественно, что номера немцы старались выбрать по соседству друг с другом. Николая, который оставался дежурить за научно-лабораторной группой, продолжающей отсыпаться после переохлаждения, указал им приблизительное направление по станции, в котором располагался жилой модуль. В сложившихся напряжённых условиях было не совсем принципиально идти на не столь необходимую услужливость, чтобы находясь под действием лекарств в такой же степени переохлаждения, как и у всех остальных, да ещё и не выспавшимся, провожать группу лично. Поэтому оба немца в походном режиме то и дело, проверяя ручки дверей, выбрали напротив друг друга два пустых номера, осво-

бодившихся между сменами вахт основного персонала станции. Ганс, который всегда всё делал очень внимательно, убедившись, что российская группа отстала где-то по пути, всё равно при этом старался ограждать себя даже от малейшего риска быть подслушанным. Поэтому, когда они с Йозефом расходились из коридора по своим комнатам, он неожиданно окликнул его словами «Für eine Sekunde!» («Фюр айнэ Зекундэ», «На секунду!») и, не оборачиваясь, поманил его из-за плеча поднятой вверх кистью руки. Когда Йозеф зашёл за ним в номер, Ганс, прикрыв дверь, быстро и досконально начал объяснять ему в полголоса текущую ситуацию, при этом, ритмично жестикулируя перед ним одной рукой, как будто собирался метнуть в него дротик.

Задачей «X» у немцев был обозначен подвешенный в воздухе вопрос о местонахождении секретной «Базы 211» даже в том случае, если она была уничтожена, как собственно и ещё ряд определённых задач под своими кодовыми обозначениями в общей оперативной сводке интересующих немецкую сторону целей, которыми в целом определялась работа пилотов и выполнение их функций по всей области антарктического материка. Ганс стоял, упёршись вытянутой вверх правой рукой в стену напротив так, что Йозеф находился вплотную перед ним. Он был немного выше, поэтому ему было достаточно удобно вести диалог в такой позиции.

– **Hör zu, Joseph! Ich habe versehentlich die Koordinaten der magnetischen Anomalie-Region von Frey erhalten und**

дiese Informationen an das Zentrum übertragen. Mit ziemlicher Sicherheit haben wir es mit der Aufgabe „X“ zu tun. Die Russen sind nicht auf dem neuesten Stand, aber wir haben wenig Zeit. Wir müssen auf alle Entwicklungen vorbereitet sein, bis hin zu harten Zusammenstößen mit allen Parteien! In einer Stunde werde ich eine Antwort unter dem Deckmantel der Überprüfung der allgemeinen Situation suchen. Sei bereit, jeden Moment zu diesem Ort zu gehen. Und noch etwas, es könnte uns eine Route in eine Richtung sein. («Хо цу Ёзэф! Их Хábэ фазúнтих ди координáтэн диэ магнúтишэн Аномалú – Региóн фон Фрáя эхáльтэн унд дúзэ Информациóнэн ан дас ЦЭнтрум úбятрáг-эн. Мит цЫмлихе Зúхехáйт хабн ви эс мит ди Ауфгáбэ «Икс» цу тун. Ди Рýсэн зинт ниht ауф Дим нóйстэн Штанд, абэ ви хábэн венúх Цáйт. Ви мЮсэн ауф Але Энвúклюнгэн фоб-эрáйтэт дзайн, бис хин цу хátэн Цузámэнштусэн мит Áлен Патáйн. Ин áйна Штúндэ вЭдэ их áйн Анвóт унта дэм Дэк-мантЭл дэ Убятрúфунг дэ альгэмáйнэн Зетуациóн зúхе. Зэ барáйт, úдэм МомЭнт цу дúзэм Оо цу гин. Унд нох этвáс, эс кóнтэ унц áйн Рут ин áйн Рúхтун дзайн», «Послушай, Йозеф! Я случайно получил от Фрэи координаты области магнитной аномалии и передал эту информацию в центр. Практически наверняка мы имеем дело с задачей «X». Русские не в курсе, но у нас мало времени. Надо быть готовыми к любым развитиям событий, вплоть до жёстких столкновений со всеми сторонами! Через час я пойду за ответом под ви-

дом проверки общей ситуации. Будь готов сорваться к этому месту в любую минуту. И вот ещё что, это может оказаться для нас дорогой в одну сторону»)

Йозеф внимательно выслушал своего товарища, после чего, на секунду задумавшись, посмотрел на него и коротко спокойно ответил:

– Ich habe alles verstanden. («Их хабэ áлес ферштáндн», «Я всё понял»).

После этого он ушёл в свой номер, и оба легли спать, предусмотрительно заперев двери. Было слышно, как русские пилоты ещё некоторое время искали открытые комнаты для себя, после чего всё стихло. Спустя час Ганс тихо встал по будильнику кибер-панели «Siemens» на своём термокомбинезоне, установленном в виброрежиме, и отправился обратно в кабину своего сновигатора. У машин за ходом дозаправки дежурил Хэлбокс, заблаговременно набрав себе кофе в один из термосов, которые хранились у французов на кухне в одном из настенных шкафов. Сновигатор Ганса уже получил свою часть инертного газа, который был рассчитан Хэлбоксом на все выдвигающиеся к Амунсен-Скотт машины, кроме сновигатора Андрэ Марсо, который застрял за несколько миль от станции, в виду чего, из соображений рационального распределения общего топливного ресурса, его решено было оставить там до прибытия спасательных вездеходов. Сам Андрэ также принял решение не участвовать в турнирных гонках на этот раз в виду целого ряда негативных

факторов, связанных как собственным переутомлением, так и с состоянием здоровья своей невесты Бенедикт Лурье.

Модуль технического обслуживания представлял из себя средний по площади ангар, похожий на те, которые используются для самолётов, только более низкий. Его секторные ворота раздвигались не в стороны, а поднимались вверх, таким образом, пилотам необходимо было просто загнать свои машины внутрь, подгоняя их в ряд одна к другой. В целом похожие модули такого типа использовались и на некоторых других полярных станциях, средних по величине. Внутри находился ремонтный пост, генераторы газа и два огромных ресивера-концентратора для рабочей и форсажной смеси соответственно. К машинам стандартно вытягивались два заправочных шланга высокого давления и до десяти кабелей зарядки, что позволяло заряжать все шесть припаркованных машин одновременно и поочерёдно заправлять их инертной смесью. К слову и топливных шлангов можно было вытянуть ещё несколько пар, но это в корне затруднило бы процесс заправки, при котором необходимо было внимательно следить за уровнем и давлениями в двух линиях одновременно, чтобы потом не перекачивать излишки из одной машины в другую.

Хэлбокс радостно поприветствовал внезапно появившегося Ганса с очевидной долей внутреннего психологического состояния человека, обязанного ему за своё чудесное спасение жизни после собственных неоднократных выпадов в

его сторону, из-за своих личных предубеждений, связанных с неординарным отношением к немецким ветеранам Второй Мировой и их прямым потомкам. Ганс молча прошёл к своей машине, не произнеся ни слова, а только слегка кивнул головой в ответ. Забравшись внутрь, он активировал те же вспомогательные режимы скрытой связи и, получив файл, прочёл обратное сообщение:

Сообщение «Белой Акуле» («Weißer Hai», «Вайса Хай»):
«Продолжайте основную миссию. Будьте начеку и проверяйте связь каждые три часа. По окончании миссии на Амундсен-Скотт вас будут ждать «Weißer Wal» («Вайса Валь», «Белый Кит») и «Polarfuchs» («Пóляфукс», «Полярная лиса»). Они привезут оружие и будут сопровождать вас. Сразу же после окончания основной миссии вы вместе с «Polarwolf» («Пóлявольф», «Полярный волк») начинаете выполнение задачи «X». Миссии присваивается статус «Außergewöhnliche Maßnahmen» («АусагэнЮмэхен Мáснамэн», «Исключительные меры»). Основная прерогатива прежняя – доставить цель на базу любыми средствами. Второстепенная задача – уничтожение всех следов».

Исключительными мерами назывался такой режим операции, во время которого при захвате основной цели разрешалось открывать огонь по любым сторонам сопротивления на своё усмотрение без предупреждений и дополнительных санкций, то есть в принципе миссия сразу же носила характер боевой задачи. В сообщении не запрашивалось указать

тип оружия, так как он был стандартно сконструированный для обоих пилотов. Ганс сразу же стёр его, после чего отключил системы и, покинув машину, вернулся на Конкордию, чтобы продолжить отдых. Он не стал беспокоить Йозефа, так как особой срочности в оповещении не было, и решил рассказать ему о новых задачах из Центра Управления уже на Амундсен-Скотт.

В два часа дня группа из шести сновигаторов и семи пилотов, включая Хэлбокса, который на этот раз расположился в багажном отделении сновигатора «Strict Supressor», вышла с Конкордии и легла на курс до американской станции Амундсен-Скотт через Равнину Бэрда на Полярное Плато, огибая хвост Трансатлантического хребта.

– Ну что, покатаемся с ветерком? – риторически спросил Зордакс, вальяжно рассаживаясь в броском чёрном кресле пилота с характерным поскрипыванием кожи, после того, как пропустил Хэлбокса назад за его спинку.

Хэлбокс смиренно промолчал в ответ, ветерок ему сейчас явно не грозил, напротив следующие пять часов ему предстояло трястись на жёсткой некомфортной поверхности откидного креслица, скромно поджав колени в довольно ограниченном пространстве. Но в то же время он хорошо осознавал, что всё это было абсолютно не соизмеримо с ситуацией не столь давних печальных событий, произошедших с ним. Погода продолжала твердить своё, хотя в целом наблюдался некоторый спад интенсивности ветра. В эфире прошла пред-

стартовая переключка с вызовом и оповещением диспетчера американской станции о выходе группы в её направлении. Всё запускалось в принципе стандартно, Зордакс провёл каскад щелчков тумблерами, как это обычно выглядит в вертолёте перед взлётом. Ионные силовые установки выстрелили внутрь кабины звуком электрического микрозаряда и, подхватив синтетический резонанс магнитных ускорителей, динамично поднимали его с низких частот до высоких, создавая заметный пульсирующий такт, что особенно сейчас было слышно именно Хэлбоксу на нестандартном месте расположения в кабине. Машины выходили в свободно-хаотичном порядке, не придерживаясь какой-либо системности построения в общей группе. Они медленно снимались с места и выползали вперёд, создавая впечатление тугого преодоления боковых порывов ветра, смешанного со снегом, а затем постепенно исчезали впереди в белой мутной пасмурности окружающей атмосферы, создаваемой непрекращающимся штормом этого участка Западной Антарктиды.

ГЛАВА III. РАЗБОР ПОЛЁТОВ

Прорезаясь сквозь постепенно спадающую к центру Земли Мэри Бэрд бурю, пилоты уходили в спокойное тихое и умиротворённое скольжение над протяжённой белоснеж-

но-пустынной гладью Равнины Бэрда, следуя по проложенному к самому центру Южного Полюса маршруту в виде извилистой кривой на мониторе штурман-локации. Время тянулось более естественно, вероятно сказывался стресс от постоянной спешки в предыдущем походе. Но, так или иначе, а ровно через пять часов группа двух смешанных команд начала свой промежуточный финиш на стартовом полигоне полярной станции Амундсен-Скотт. Радио диспетчер поприветствовал прибывших гостей, его голос в эфире сменили регулировочно-распределяющие команды работников службы технического сопровождения, которые уже поджидали у парковочных мест подъезжающие сновигаторы. Работа персонала внутренних технических служб по обыкновению велась здесь в ином режиме, при котором сновигаторы буксировались в машзал до мест технической стоянки специальными гусеничными тягачами в отсутствии пилотов с парковочных расположений на стартовом полигоне. Поэтому в задачу пилота входило только правильно поставить машину так, как ему показывает парковщик. А уже стартовать иногда приходилось непосредственно из самого технического комплекса.

После финиша все пилоты отправлялись на станцию через главный вход. В этот раз они прибывали в одном статусе, и никто здесь не собирался вести с ними каких-либо разъяснительных процедур. Российская группа отчитывалась исключительно перед штабом командования на станции «Во-

сток», а немцы имели свои директивы общения с руководством, строго выполняя лишь то, что им было приказано, поэтому относительно подчинения к ним вопросов в принципе не возникало, и в данном случае они находились в положении, совершенно не обременённом какими бы то ни было нарушениями. План нахождения на станции был примитивно простой – поужинать и расслабиться, пока техники произведут полную заправку и заряд сновигаторов, а затем снова отправиться в путь до точки старта нового турнира. На станции обе группы встретил уже хорошо знакомый российской команде Рон Купер и предложил сразу пройти в столовую, где уже всё было готово к приезду гостей. После ужина все разбрелись по станции кто куда. Купер заранее предложил прибывшим восемь свободных номеров для сна и отдыха, которые располагались в одном секторе жилого модуля, обычно и предназначенного для пилотов Программы Полярной Навигации во время проведения соревнований. Через три часа, которые требовались для оптимального уровня дозарядки батарей, что являлось самым длительным процессом из общего регламента всех заправочных работ, Купер обошёл номера для того, чтобы проконтролировать, все ли проснулись, а затем направился в Центральный зал, где заранее просил собраться тех, кто по той или иной причине не захотел оставаться в своём номере. Это была по большей части лишь одна из общих несущественных формальностей, потому что пилоты могли в принципе и сразу самостоятельно на-

правляться в машзал, чтобы стартовать оттуда. Но процедура требовала того, и Купер с невозмутимостью исполнительного американского клерка, насупившись постоянно вдумчивым взглядом куда-то перед собой, продолжал выполнять все действия, фиксируя этапы пребывания пилотов на станции в свой журнал, а точнее в листки со списками на канцелярском планшете, который он постоянно не выпускал из рук. В итоге, после того, как последний сновигатор стартовал в открытую солнечную атмосферу навстречу полярной снежной пустыне из стартового шлюза станции, Купер, стоявший при этом по середине машзала с нахмуренными бровями и гордо провожавший группу, как провожают военные корабли в дальних поход, без лишних пауз развернулся и направился в Офис Системного Контроля отчитываться перед Биллом Фишером за ещё одну полностью проделанную им скрупулёзную работу.

Теперь этой, естественно сформировавшейся по непредсказуемым причинам, группе пилотов оставалось преодолеть четырёхчасовой маршрут через Восточную Равнину, чтобы, наконец, достигнуть уже того места, где наступит окончательный итог их затяжного похода, при этом общая ситуация сразу характерно делила их на две категории: «возвращение блудных беглецов» и «торжествующее шествие победоносных спасителей». По мере приближения к конечному пункту настроение у российских пилотов заметно менялось в худшую сторону, ощущая более практические фор-

мы определения итогов их деятельности за последние сутки со стороны командования. Было не совсем понятно, чего именно им стоило теперь ждать от такого их внезапно самоуверенного героизма. И хотелось бы сразу каким-то особенным образом взять и обойти мимо этот подозрительный и неизбежный контакт со своими командирами, в некотором смысле «отвернув морду в сторону от той кучи», которую они возможно и не наложили по существу, или же всё-таки это было для них кажущимся на первый взгляд фактором. Уверенность от убеждений со стороны французов в том, что им всё простят по причине серьёзных оснований, странным образом отдалялась от их сознания по мере отдаления от самой Конкордии. И хотя они понимали, что это действительно были не пустые слова, это вовсе не означало, что начальство уже напекло пирогов и ждёт их с радостными улыбками на своих лицах в надежде поскорее поздравить виновников этого долгожданного торжества за реальную угрозу срыва международного турнира и безвозвратно утопленный снеговигатор. Таким образом, единственными королями на «Восток» заходили почему-то только немцы с такой окончательной психологической формой выраженного показательного жеста, когда после успешно выполненной работы вытирают руки о гербовое махровое полотенце и с лёгкостью бросают его в сторону. А русским пилотам опять оставалась эта, уже раздражающая своей назойливостью и порядком поднадоевшая в таких ситуациях, привычка вновь собираться

с духом, на том месте, где по идее должны были праздновать торжественный парад. По мере приближения к станции свободное и лёгкое течение мысли независимо превращалось в тяжелое построение строгих концепций защиты от реально серьёзных вопросов, касающихся необыкновенных и очень удивительных фактов нарушения подчинения, не соблюдения правил и протоколов с вытекающими отсюда мерами особо карательного характера, учитывая тяжесть последствий. Все попытки хоть как-нибудь оправдаться отбрасывались сразу куда-то в сторону с принудительным завышением их инфантильной сути до неприлично максимальных значений. При этом особое внимание обращалось на мелочи, связанные с недопустимостью какой-либо пассивно-тоскливой мимики лица, неподтянутой формой, вялой интонацией голоса и прочим, за что можно было даже случайно зацепиться при аналитическом сравнении допущенных ошибок с общим фактическим содержанием тех, кто их совершил и выявить при этом парадоксальное несоответствие. Другими словами, пилоты хорошо предчувствовали, что их ждёт полноформатный разбор полётов на ковре, который в итоге и произошёл. И хотя, он не носил столь жёсткого характера, но в то же время не был похож на простой отчёт перед начальством в стиле «вопрос – ответ». Хэлбоксу и тому «повезло дважды», – для начала он выслушал целую серию упрёков со стороны своей возлюбленной. Джесси хоть и обрадовалась долгожданной встрече, но всерьёз высказала ему за то, что

он поступил очень эгоистично и необдуманно, заставив её провести целых три часа в тяжёлых мучениях, что абсолютно не вписывалось в её представления о нормальных отношениях, даже с человеком, который уходит в не простые и опасные путешествия. Они стояли, обнявшись в холле, в её лице опять просматривалась какая-то подавленность, но больше всего это со стороны напрягало её напарников по команде, которые уже начинали потихоньку злиться от того, что из-за геройских амбиций Хэлбокса вперемешку с проявлением его романтической активности приходилось также напрягаться и им, и каждый из них на его месте сначала бы хорошо подумал, прежде чем подвергать себя чрезмерному риску, оставляя такую прекрасную и нежную девушку в поминальном одиночестве со своей трагической гибелью. Счастливый, как ребёнок, Хэлбокс обнимал Джесси после всего того, что произошло с ним за время спасательной миссии. К его телу сразу подкатили тёплые чувства романтики, нежности и женской красоты. Джесси стояла и очень крепко прижималась к нему, обняв его руками за шею, одновременно не переставая что-то шептать ему на ухо, и сильно прижималась своей щекой к его щеке. А он в этот момент, обняв её вокруг спины за талию, наслаждался знакомым запахом её волос и духов, немного шутившись от наслаждения, как довольный пёс, которого обняли в тёплой прихожей после прогулки. Их союз сейчас сливался в бесконечно развивающуюся, как настенный плющ, идиллию, пока вдруг случайно подняв глаза,

Хэлбокс не увидел стоящую впереди на расстоянии двадцати метров подполковника Судареву с абсолютно серьёзным невозмутимым лицом, которая, поймав его взгляд, сделала резкий командный жест рукой в свою сторону, приказывая немедленно пройти за ней. Короткий глоток счастливого рая закончился внезапно и неожиданно, впереди предлагалось быстро и окончательно расплатиться за него эшафотом.

– Мне надо идти, – осторожно, но в то же время с непреклонной серьёзностью в голосе сказал Хэлбокс.

Джесси хорошо понимала, о чём идёт речь, и в принципе с большей лёгкостью относилась к его внутренним проблемам в Программе, чем к неприкосновенности своих личных чувств. Её вполне бы устроило, если бы он послал всё это сейчас и ушёл, окончательно переехав к ней в Штаты, чем разбился насмерть в очередном походе из-за посторонних проблем и провокаций. Поэтому она нежно поцеловала его в щёку и с абсолютно понимающей естественностью ответила:

– Конечно – конечно! Я буду ждать тебя в своём номере! И надеюсь, что теперь тебе будет уже не о чем особо расстраиваться!

Она отпустила его руку, с приятным и понимающим выражением лица, чувствуя себя при этом абсолютно свободно и откровенно, но в то же время однозначно оставляла его в позиции острого и категоричного осознания того, что выше их отношений для него не может быть каких-либо дру-

гих перспектив. Этот союз начинал созревать довольно интересным компромиссом, осторожно и медленно перерастая на глазах у окружающих в стандартную формулу перетягивания главного героя на другую сторону. Российская группа уже начала понемногу прощаться со старым другом, отпуская его всё же хоть и с абсолютно неявной, но в то же время однозначно неотъемлемой горечью от потери одного из лучших своих пилотов. Контраст государств проступал в данной ситуации вполне ощутимо и напоминал видимую границу в одном океане двух разных слоев морской воды синего и зелёного цвета. Ничто бы и не размыло эту системность, зависящую в первую очередь от неотъемлемой разницы менталитета. В конечном итоге из двух человек она пронизывала одного сильнее своими невидимыми, абсолютно не улавливаемыми, и в то же время однозначно существующими нитями, затягивая к себе и постепенно изменяя его привычки, взгляды и характер. Но всё это было лишь незначительной степенью, катализирующей основную неприятную и грустную ситуацию ощутимого распада российской группы на семейные пары, которым в принципе уже не суждено было вернуться к очень рискованной работе при наличии детей, и хотя бы один человек из такой пары практически наверняка покидал команду навсегда. С ощущением близкого конца у остальных пилотов пропадал спортивный кураж, и они также с грустью смотрели на перспективу продолжения своего участия в Программе, как и на постепенный выход из неё давно зна-

комых напарников.

– Ну что вам сказать? – спокойным голосом говорил начальник Штаба Управления Командованием полковник Титов, – героев из вас, конечно же, не получилось, очень жаль. Все эти гусарские выходы в итоге оказались только убыточными и ставящими под серьёзный вопрос уровень подчинения, роль субординации, а значит и нашу работу, как ваших командиров. Никого вы не спасли, только подставили сами себя. Ваша помощь стала основным фактором срыва турнира, а все результаты присвоил себе английский масон, который в итоге и подтёр вам задницы на международном уровне. И теперь я как бы остался ему ещё неофициально должен за его договорённости, чтобы нам всем штабом не пришлось заплатить из своей зарплаты за этот утопленный снеговигатор, потому что французская сторона взяла его на себя. То есть получается работа ваша, косяки наши, а молодец он один. Учитесь, как дела надо делать! Не буду уже вести сейчас речь ни о каких дисциплинарных взысканиях с пачканием личных папок, потому что произошедшее, честно говоря, никак по-другому назовёшь, кроме как чистым беспределом. Я просто скажу вам, что в некотором смысле мне становится легче от того, что вы потихоньку разбегаетесь в разные стороны и уже говорят, что вместо вас нам добавят каких-то двух новых немцев, чему я в принципе рад, потому что они парни дисциплинированные и без команды вообще ничего не делают, чему я настоятельно рекомендую вам у

них поучиться. Да и вот ещё что... Если, не зависимо ни от чего, в следующий раз, такая же ситуация повториться, то нам всем здесь можно сразу будет собирать вещи и отправляться на выход, не зависимо от любых результатов. Так что можете иметь в виду на будущее, когда захочется проявить инициативу. У нас тут, слава Богу, двадцать человек за исключением грушников, и мне вот лично собственные погоны дороже, а жизнь там, знаете ли, каких-то людей на французской базе без конкретного приказа из Головного Офиса просто вешается в таком случае на американского представителя, который всегда думает, что он у них там самый главный, вот и всё!

После такого разговора настроение у пилотов стало ещё хуже, а желание участвовать в турнире полностью отпало, но делать ничего не оставалось, деньги были нужны, при этом никакого наказания всё же не последовало, а расходиться всё равно когда-нибудь пришлось бы. Поэтому с осознанием всех негативных сторон, касающихся ближайшего распада группы, им оставалось только вновь собраться с силами и выступить на турнире, просто ещё раз выполнив определённый алгоритм действий, полностью исключая фактор влияния на ситуацию внутренних настроений и собственного психологического состояния в данный момент. С другой стороны насильственно их никто не выгонял, два – три человека всё равно по-прежнему оставались, семья и дети являлись безоговорочной альтернативой, а за проявление высоких прин-

ципов нужно было платить, иначе их настоящая, а не показная ценность ничего бы не стоила.

ГЛАВА IV. ТАКТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ

Ганс, опасаясь того, что американцы могут прослушивать самые неожиданные места на своей станции, с учётом отсутствия особой срочности в передаче оперативных сведений Йозефу, в последний момент передумал и решил отложить проведение этого разговора, чтобы сделать это позже в более удобном и безопасном месте на российской станции. Тем более что, исходя из своих аналитических сравнений, русские, по его мнению, были менее заинтересованы во всей этой истории, чем американцы, которые также могли постоянно находиться в скрытом режиме охоты за «Базой 211», как и сами немцы. Полагая, что русские пилоты поднимут вопрос об аномалии на разломе ледника Росса во время собрания, сразу после приезда на «Восток», он решил осторожно выяснить, какова была реакция командования на эту информацию, чтобы вовремя предупредить о возможной опасности уже своё Управление. Особой паники в связи с этим он не испытывал, потому что хорошо понимал, что русские сейчас больше озадачены началом турнира, который был отсрочен по их вине и поэтому всё внимание ими будет уделено имен-

но этой задаче. Однако он не исключал вероятности проведения русскими спецслужбами оперативной разработки внеплановой цели по полученной информации, которые могли спокойно вывести дополнительные силы и даже параллельно отправить на место свою экспедицию. Какого же было его удивление, когда он узнал, что информация об аномалии вообще была игнорирована в силу определённых факторов психологической напряжённости при проведении собрания. Для того, чтобы получить такие сведения, он пошёл на некоторого рода уловку, воспользовавшись своим статусом участника операции, спасшего жизнь русского пилота, и решил обратиться напрямую к подполковнику Сударевой, подкараулив её сразу же после окончания собрания.

– Здравствуйте! У меня к вам есть один важный вопрос, касающийся несчастного случая на разломе с вашим пилотом, – очень галантно и дипломатично начал Ганс свой диалог, подойдя к ней навстречу.

Сударева, как офицер высшего ранга по своей натуре была не в восторге ни от немцев, ни вообще от каких-либо иностранных задавателей внезапных вопросов, попахивающих провокацией, но в этот момент отказать напрямую ему не могла, так как положение российской стороны в данном случае было очень щепетильным, и такое поведение могло вызвать дополнительные проблемы на высшем уровне. Этому также способствовало и то, что французы оплатили убытки русских, а немцы спасли жизнь, и естественно, что при та-

ких условиях никакого неучтывого поведения проявлять было нельзя, тем более к одному из основных лиц этой истории. Ганс же знал и про французов и про свой личный приоритет, а также и про то, что вопрос относительно спасения Хэлбокса сразу поставит её в строгие рамки и вызовет повышенную ответственность перед ним.

– Конечно, я вас слушаю! Задавайте свой вопрос! – серьёзным тоном сразу же ответила она.

– Я случайно услышал от ваших пилотов разговор про какую-то магнитную аномалию в районе разлома. К сожалению, у меня не было времени на дополнительные расспросы по пути сюда. Также ваш пилот, которого мы спасли, не сообщил нам, что причиной его крушения могли стать эти аномалии. А это очень важно для нас, так как тактика нашего поведения в полярных миссиях, благодаря которой мы и смогли обнаружить вашего пилота, подразумевает под собой владение всей информацией в целях безопасности будущих миссий. И я обязан отчитаться перед своим командованием о таких подробностях, если они имели место быть.

Сударева внимательно выслушала его и ответила.

– К сожалению, я не могу дать вам никаких пояснений в связи с аномалиями. Ситуация с катастрофой была рассмотрена как результат неудачного управления машиной. Во время собрания пилоты действительно упоминали о какой-то аномалии, которую они обнаружили в ходе своей миссии, но она ни коим образом не была связана с этим инциден-

том, и командование не приняло эту информацию во внимание. Факт наличия каких-либо аномалий в области разлома или вообще всего шельфового ледника не был определён командованием, как актуальная информация, поэтому больше не подлежал никаким обсуждениям и сразу был полностью упразднён. Если вас интересуют какие-то ещё подробности относительно данного факта, то вы их можете выяснить только у тех, кто его непосредственно зафиксировал. Больше никаких объяснений я вам дать не могу. У вас ко мне всё?

– Да, благодарю вас! – коротко ответил Ганс и сразу же вежливо отстранился, после чего они разошлись в разные стороны.

Возвращаясь по коридору, Ганс не слишком погружался в посторонние размышления от этого разговора и не делал никаких выводов относительно аналитического уровня и системности опроса, применяемых русскими в своей повседневной работе. На самом деле ему сейчас было вообще плевать на то, как происходило это собрание. Даже в целом во всей этой истории он в первую очередь держал перед собой только одну существенную проблему, которую просто надо было пошагово решить, и вот как раз именно в этот момент с его плеч очень удачно упал довольно тяжёлый, мешающий груз, а значит очередная задача была отработана и теперь оставалось только пойти и, наконец, рассказать обо всём Йозэфу.

– So, («Збу», *Итак*) – начал он свой диалог около

большого вытянутого витражного окна в Центральном зале, оставшись с ним вдвоём без присутствующих рядом людей, – **Das Kommando startete "außergewöhnliche Maßnahmen". Wir beginnen mit Amundsen-Scott unmittelbar nach dem Turnier. Wir werden mit Waffen warten. Wir erklären niemandem etwas, nach dem Auftanken montieren wir es schnell an den Snowigator und machen uns auf den Weg. Die Russen haben nichts verstanden, es ist sehr gut! Ich hoffe, dass die Amerikaner keine Zeit haben, etwas auszuspionieren, bevor wir das Ziel erfassen. Aber wenn überhaupt, wird der Kampf heimtückisch sein. Wir werden nach dem Standardschema handeln: Ich gehe zur Basis – Sie decken mich ab.** («Дас командо штатэтэ «АусагэнЮмэ-хен Маснамэн». Ви бегүнэн мит Амундсен-Скотт үнмитэлба нах дэм Тунуа. Ви вэдэн мит Вэфэн ватн. Ви эклүрэн нумандэм этвас, нах дэм Ауфтáнкэн монту́рэн ви эс шнэль ан дин Снбэгэйто унд ма́хэн унц ауф дин Вейг. Ди Рбсэн хабэн нихтс фэштáндн, эс ист зэ гут! Их хóфе, дас ди Америкáнэ кáйнэ Цайт хабэн, этвас аусцуспионүрэн, бифб ви дас Циль эфáсэн. Аба вен убяхáупт, вё дэ Камф хáймту́кэш зайн. Ви вэдэн нах дим Штáндатшима хáндэн: Их ги цу Бáзыс – Зи дЭйке мих аб») «Командование запустило «исключительные меры». Стартуем с Амундсен-Скотт сразу же после турнира. Нас будут ждать уже с оружием. Никому ничего не объясняем, монтируем его на сновигаторы и после заправки быстро отправляемся в путь. Русские ничего не поняли,

это очень хорошо! Надеюсь, и американцы ничего не успеют пронюхать до того, как мы захватим цель. Но если что, бой будет коварный. Действовать будем по стандартной схеме: я ухожу на базу – вы меня прикрываете»)

Они стояли спиной к распростёршемуся вдоль горизонта виду стартового полигона, облокотившись обеими руками о длинную периллу, тянущуюся поперёк вытянутого витража и пересекающую всю эту антарктическую панараму. Таким образом, перед ними было видно всё свободное пространство почти пустого зала. Гостей в этот раз было немного, да и те, что ещё не спали, проводили время в основном или в баре, или в малом гостиничном зале, где было больше мягких удобных диванов. Поэтому Ганс и Йозеф были практически здесь одни и лишь изредка мимо них по центру зала туда-сюда проходили люди. На завтра в послеобеденное время планировалось провести официальное открытие турнира, но так как первый старт по негласным прогнозам должен был произойти на корейскую станцию «Чан Бо Го», то его предполагалось перенести ещё на один день вперёд, чтобы прибывшие пилоты в достаточной степени хорошо отдохнули между двумя протяжёнными трассами. Не смотря на строгие правила в оповещении о предстоящих маршрутах, члены турнирной комиссии распорядились поставить всех пилотов в известность о его сдвиге, так как по тому же регламенту нельзя было выпускать пилотов с разной степенью утомления в один рейс по объективным признакам.

– **Die Aufgabe ist klar, aber was ist mit dem Turnier?**(«Ди Ауфгабэ ист кляя, абэ вас ист мит дим Тунúa?», «*Задача понятна, а что с турниром?*») – чуть погодя, ответил Йозеф.

– **Gute Frage, Joseph! Wie du weißt, müssen wir uns nicht überziehen und auch das Risiko eines Maschinenschadens komplett ausschließen. Aber die passive Haltung wird den Amerikanern sofort ins Auge fallen und sie haben zwangsläufig Fragen. Ich möchte sie mit diesen Fragen nicht alleine lassen, und der Befehl hat dieses Problem uns überlassen. Deshalb müssen wir eine kleine Show spielen, aber am Anfang muss ich sehen, wer zu was fähig sein wird, und dies ist eine Frage der ersten beiden Routen.**(«Гүтэ Фрагэ, Ёзэф! Ви ду вайс, мЮсэн ви унц ниht үберцүэн унд аух дас Рүзико айнс Машүнэншайдэнс кóмплит аусшлүзэн. Абэ ди пассүв Хальтун вёд дэн Америкэнэн зофóт инс Огэ фáлен унд зи хáбэн цванцлЁйфих Фрагэн. Их мюхт зи мит дүзэн Фрагэн ниht алáйн лáсэн, унд дэ Бэфүль хат дүзэс Проблүм унс үберлáсэн. Дэсхальб мисэн ви айнэ кляйн Шоу шпилен, абэ ам Анфан мусс их зүэн, ве цу вас фих зайн вёд, унд ди ист айнэ Фрагэ дэ Эстэн бáйдэн Рутн», «*Хороший вопрос, Йозеф! Как ты понимаешь, мы не должны переутомляться, а также полностью исключить риск повреждения машин. Но пассивная позиция сразу бросится в глаза американцам и у них неизбежно возникнут вопросы. Я не хочу оставлять их с этими вопросами наедине, а командование предоставило эту проблему нам. Поэтому нам*

придётся разыграть небольшое шоу, но в начале мне нужно посмотреть, кто на что будет способен и это вопрос первых двух маршрутов»)

– **Und was dann?**(«Унт вас дан?»), «А что потом?»)

– **Wir sollten lange lästige Strecken vermeiden. Daher sind unsere Regionen die Stationen Mirny, Bharati, Progress und Mawson, an denen wir uns abwechseln müssen, um uns zu zeigen, um die allgemeine Aufmerksamkeit von der Ebene unserer Aktivitäten abzulenken. Danach werde ich Journalisten darüber kritzeln, wie sich die Müdigkeit der Rettungsaktion auf unser Team auswirkt. Das ist der Staub in die Augen, bevor das Turnier vorbei ist.**(«Ви зóльтэн лánэ лЭстигэ ШтрЭкен фомáйдэн. ДахЭзын Унзэрэ Рэгибнэн ди Штанцибнэн Мíр-ни, Барáти, Прóгрэс унд Мóсон, ан дúnэн ви унс áбвэхсЭльн мЮсэн, ум унс цу цáйген, ум ди áльгэмáйнэ Áуфмексамкáйт фон ди Эбэн унзура Активитúтн абсулénкн. Данáх вЭдэ их Шуналúстн дарúбэ крúцэлн, ви зих ди МЮдихкайт дэ Рétух-закциёбн ауф унза Тим аусвÉкт. Дас ист дэ Штáуб ин ди Áуг-эн, бефó дас Тунúа фобáй ист», «Нам стоит избегать длинных утомительных дистанций. Поэтому наша область – это станции «Мирный», «Бхарати», «Прогресс» и «Моусон», где мы должны по очереди показать себя, чтобы отвести общее внимание от уровня нашей активности. После чего я наплету журналистам про то, как на нашей команде скаывается усталость от спасательной операции. Это и бу-

det пыль в глаза до окончания турнира»)

– **Großartiger Plan, Hans! Niemand hätte sich einen besseren ausgedacht.**

(«Гросайтига План, Ханс! Нуманд хЭтэ зих айнэн бЭсэрэн аусгедэхт. «Отличный план, Ганс! Никто бы не придумал лучше»)

– **Ja.** (*«Яа», «Да»*)

– **Lass uns in die Bar gehen und zu diesem Anlass ein Glas Bier trinken!**

(«Лас унс ин ди Ба гэйн унд цу дízэм Анлас айн Глас Бúэ тринкн! «Пойдём в бар, выпьем по бокалу пива по этому случаю!»)

– **Das ist ein guter Gedanke, Josef!** (*«Дас ист айн гутэ Гэданкэ, Ёзэф!»*, *«Это хорошая мысль, Йозэф!»*)

И они очень спокойно и практически одновременно отошли от периллы и абсолютно непринуждённо двинулись в сторону бара, обращая внимание на особенно сексуальных дам, иногда ещё встречающихся по пути в столь позднее время и параллельно обмениваясь друг с другом шуточками относительно недавних событий.

ГЛАВА V. ОТКРЫТИЕ ТУРНИРА

На следующий день после обеда началась стандартная торжественная часть открытия очередного Международного Турнира в рамках промежуточных тренировочных сборов

команд и одиночных представителей стран участниц Программы Полярной Навигации. В целом по организационным показателям данное мероприятие ничем особо не отличалось от структуры основных Международных Чемпионатов, проводимых в Антарктике каждый год с различными формами организационно-развлекательного плана, постоянно меняющимися для создания особой вовлечённости зрителей и болельщиков, не исключая и коммерческую цель, основанную на мировом тотализаторе. На практике это выглядело, как ежегодные состязания на специальных трассах сложной конфигурации, которыми обладали американцы, чередующиеся с гонками по протяжённым маршрутам между полярными станциями, определёнными по различным принципам в разных районах Антарктиды.

И в этот раз, как и обычно, в Центральном Зале станции «Восток» перед общей толпой гостей и журналистов на подиуме восседала турнирная комиссия, которая также заключала в себе и административную форму жюри. Только теперь вместо Ричарда Уорда, так как турнир не был привязан к американским трассам и самой станции Амундсен-Скотт, роль председателя комиссии выполнял Александр Яковлев, являющийся одним из главных членов Правления Программы Полярной Навигации Российской стороны, базирующейся в Московском Головном Офисе Программы. Вторым, к слову, её главным членом являлся Борис Громов – постоянный представитель российской стороны в офисе «Big Father

House» на станции «Амундсен-Скотт», входящий в так называемую «Пятёрку непосед» («Five Fidget») по версии западного масонского звена.

Перед длинным высоко возвышающимся столом, за которым заседала комиссия, внизу на подиуме выстроились в один длинный ряд пилоты всех стран участниц, всего двадцать шесть человек:

Соединённые штаты Америки:

Стив Эдисон позывной «Snowman» («Снеговик»)

Брайн Хейс позывной «Baby Hugh» («Малыш Хью»)

Джеймс Дженкинс позывной «Joker» («Джокер»)

Джэйси Кроус позывной «Little Coldy» («Маленькая Колди»)

Российская Федерация:

Евгений Громов позывной «Джонс»

Борис Зордин позывной «Зордакс»

Дмитрий Разгуляев позывной «Вэндэр»

Виктор Удочкин позывной «Хэлбокс»

Ольга Фреянова позывной «Фрэя»

Германия:

Ганс Майер

Йозеф Кёлер

Япония:

Каташи Миядзаки позывной «Намахагэ»

Кен Хаттори позывной «Фризер»

Китай:

Лу Цзин позывной «Лу»
Вэй Пинг позывной «Кио»
Великобритания:
Найджел Бэйкер
Франция:
Андрэ Марсо
Швеция:
Ларс Олофсон
Финляндия:
Арвид Хулко
Норвегия:
Хэльвор Кристиансен
Южная Корея:
Лан Ченг

Последние два пилота норвежской и южнокорейской стороны участвовали в международных гонках на сновигаторах впервые за всю историю Программы Полярной Навигации, правда, после двухлетней подготовки в виде практических занятий как на специализированных американских трассах, так и по общим маршрутным картам между полярными станциями разных стран. Это было связано именно с тем, что те или иные страны присоединялись к Программе позже, уже после рыночной обкатки всего проекта. Но всё равно для них, равно как и для всех остальных стран, сразу же ставились жёсткие условия безопасности, основным критерием

которых являлся профессионализм пилотов, так как машины были очень дорогими и все возможные аварии, в результате столкновений должны были, прежде всего, рассматриваться как инцидент между двумя профессионалами, полностью исключая чью-либо низкую пилотную квалификацию, которая в свою очередь сразу же становилась причиной, влекущей за собой такие последствия, и всё это в дальнейшем создавало трудности при разрешении вопросов судейства международного жюри и определения страховых долей. Другими словами для того, чтобы вступить в международную группу пилотов Полярной Навигации, с определённого момента был введён обязательный пилотный ценз, без которого страну просто не допускали до участия в общих соревнованиях. Также для того, чтобы полностью обеспечить профессиональную подготовку такого пилота, необходимо было строительство и оснастка дополнительных технических модулей к основному корпусу полярной станции, где должны были базироваться сновигаторы, включая подбор и обучение соответствующего техперсонала, что также требовало значительного объёма времени и финансирования. При этом и сама разработка собственных машин типа «HSPS» допускалась только в том случае, когда страна-разработчик имела очень серьёзную машиностроительную базу с высоким уровнем инженерно-производственной возможности. Да и то такая самостоятельная разработка с нуля, учитывая целый ряд уже запатентованных узлов, в конечном итоге редко полу-

чалась рентабельной из соотношения затраченного времени к рыночной цене уже готовых типов этих машин. Поэтому и Норвегия и Южная Корея в режиме неприемлемого для себя отставания от общей волны международных полярных состязаний, постепенно захватывающей весь мир, не стали усложнять общий процесс внедрения в Программу, дожидаясь выпуска собственных машин, а просто закупили прогрессивные модели у других стран. Таким образом, Хэльвар Кристиансен выступал на шведском «Snoslag», а корейцам очень понравилась российская модель «Fast Vector», которую им довольно инициативно предложил Архип Великий с хорошей скидкой по поставке запасных элементов обшивки корпуса и аэродинамики, которые подвергались особому разрушению при ведении обстрелов в состязаниях типа «SnowBattle». И вот теперь эти два новых пилота стояли в одном ряду вместе с остальными и так же, как все, совершенно полноправно, на основании своего профессионализма, представляли уже свои страны здесь на этом турнире, окружённые суетой журналистов, безудержными овациями гостей и, конечно же, неотвратимым вниманием мировой общественности, которое давало старт росту собственного спортивного престижа, и было тесно и неизбежно связано с финансовой стороной вопросов, касающихся прибылей от мирового тотализатора.

Официальную речь председателя сопровождали многочисленные вспышки фоторепортёров и аплодисменты го-

стей. Александр Яковлев стоял перед пилотами с броским прямоугольным микрофоном, все грани которого имели острые углы, а стальная сеточка особенно блестела на фоне чёрного корпуса. В своём расстёгнутом костюмном пиджаке он держался очень свободно и дипломатично, иногда жестикуюлирую и стараясь поддерживать невербальную связь со всеми присутствующими гостями в зале, а не смотреть куда-то в одну сторону. При этом он не носил галстук, воротник его белой рубашки был свободно расстёгнут, лицо было приятным и улыбающимся, а глаза блестели таким здоровым естественным блеском. С первого же взгляда он вызывал только позитивные приветливые чувства. В конце своей речи он объявил всех участников, правила проведения и первый маршрут до корейской станции «Чан Бо Го», заблаговременно предупредив присутствующих, как собственно и всех, кто смотрел сейчас трансляцию открытия турнира по всему миру, о том, что по известным причинам, о которых он тактически не стал упоминать, первый старт назначен на одиннадцать часов утра следующего дня. В числе общих позиций, касающихся спортивных правил, был озвучен основной принцип гонки на лучшее время, в результате чего на каждом маршруте определялась тройка победителей, а в конце высчитывался средний результат по всей группе заездов, из чего также определялись три турнирных итоговых места. Правила были довольно-таки просты, как и основная задача пилотов, что было характерно для промежуточных соревно-

ваний, но в целом это даже придавало некоторый плюс ко всей турнирной программе мероприятий, так как всё остальное, касающееся общего спортивного и организационного антуража, не было исключено и оставалось на том же уровне. В результате в атмосфере присутствовала какая-то особенная лёгкость и чувство даже некоторого комфорта, связанного с отсутствием обременённости более затяжными выступлениями председателей жюри и администраторов с кучей подробностей, особенным подходом к официальности происходящего, а также сложностью построения более глобальных турнирных концепций. Пилоты, как и всегда на торжественных построениях, стояли в своих парадных корпоративных кителях и специально под них пошитых брюках, дополняющих общую пилотную форму, используемую именно для таких случаев.

За два потерянных дня администрация прибегла к довольно простой схеме компенсации пустого времяпрепровождения гостей на станции в режиме ожидания. В машзале технического корпуса были предоставлены к свободному доступу все модели прибывших сновигаторов под постоянным контролем сотрудников техперсонала в круглосуточном режиме. Таким образом, у гостей была неограниченная возможность в любое время, не создавая толкучки, придти – посидеть в кресле пилота каждой машины с включенными системами и закрытой кабиной, чтобы как можно ближе прочувствовать все те ощущения, которые испытывает пи-

лот. А также естественно сделать обильную фото сессию в более свободном и раскрепощённом режиме, что действительно пользовалось успехом, когда все основные гости уже спали и можно было свободно выражать свои эмоции в совершенно пустом огромном машзале в присутствии одного – двух техников, которые покорно выполняли свои функции внимательных услужливых надсмотрщиков за происходящим. Кроме этого в дневное время пилоты по очереди катали желающих по стартовому полигону на своих сновигаторах. Особенным успехом при этом пользовался динамичный разгон по прямой, когда пассажир испытывал на себе весомость хоть и незначительных, но довольно ощутимых перегрузок, вызывающих однозначный внутренний ажиотаж. К сожалению, таким удовольствием эти два дня могли наслаждаться только гости станции «Восток», ведь гости предстоящего турнира присутствовали также и на других станциях. По счастью, так как на промежуточные состязания гостей обычно приезжало не так много, как на основные ежегодные чемпионаты, и спешащих покинуть материк с учётом переноса турнира не нашлось, то Программа понесла незначительные убытки в связи с экстренной ситуацией, возникшей на станции Конкордия, и всё в итоге обернулось довольно благополучно для всех сторон.

В таком итоговом режиме всестороннего благополучия церемония официального открытия Международного Турнира постепенно переходила в очередной бомонд с фурше-

том и суетливой работой журналистов, которые не упускали возможности как можно шире раскрыть общее настроение гостей от происходящих вокруг событий с их внутренними чувствами, надеждой и предвкушением ожидаемых побед, достижений и результатов. На больших плазменных экранах, расположенных по всему периметру Центрального Зала на высоте второго яруса то и дело возникали чередующиеся рекламные аннотации ко всем моделям сновигаторов и их пилотам с подробной турнирной статистикой, пилотными показателями и технической сводкой описания моделей машин. Всё это было информационным вступлением для ставок на тотализаторе перед завтрашним заездом. Кроме того, периодически включались отрывки видео трансляций с предыдущих чемпионатов со стартами, финишами и интересными моментами во время гонки. Люди общались, пили коктейли, делились информацией по ставкам и заездам, наслаждались обществом друг друга или просто самоувлечённо проводили время в особых условиях антарктического антуража с характерным контрастом перехода от футуристических дизайнерских форм внутреннего пространства жилых комплексов к тяжёлым металлическим проёмам, тамбурам, лестничным трапам, сновигаторам и прочей прогрессивной инженерии научно-технического полярного концепта.

Фрэй и Джонс стояли на балконе второго яруса Центрального Зала, поскорее удалившись от назойливых журналистов, хотя это было запрещено общими положениями пребы-

вания пилотов Программы на официальных церемониях. В какой-то момент из общей кучи людей, которая, так или иначе, присутствовала вместе с ними на балконе, появился финский пилот Арвид Хулко с вечно весёлым и даже каким-то наивным выражением лица. Он целеустремлённо подошёл к ним, держа в руках изящный бокал, наполненный бежевой жидкостью ликёра, в котором плавали два куска льда, и незастенчиво начал с ними разговор.

– Привет! Я смотрю вы тоже не в восторге от интенсивного общения с журналистами?

Фрэнэ почему-то была не очень рада с кем-либо сейчас разговаривать и держалась немного скованно, а Джонсу в принципе было всё равно, поэтому его ответ прозвучал довольно двусмысленно и не выразительно.

– Возможно, ты прав.

Финн не обратил внимания на их особое настроение, потому что не знал, всех подробностей, связанных с неприятными итогами их спасательной миссии на Конкордию, и следующим вопросом усугубил его ещё больше.

– Хочу поздравить вас с вашей невероятной спасательной операцией! В лице многих пилотов вы настоящие герои! Тут чего только не происходило за это время, несколько раз даже Турнир хотели отменить! Вам ничего про это не рассказывали ваши командиры?

Арвид на самом деле был абсолютно откровенен, прост и расслаблен в своих эмоциях и торжественных порывах. Он

даже и подумать не мог, что для российской команды этот итог состоялся в совершенно другом формате и имел ещё большее негативное продолжение в виде предполагающегося распада группы по целому ряду других причин личного характера, что в свою очередь кардинально меняло их внутренний настрой от происходящего вокруг в противоположную сторону.

– Да мы в курсе, – сухо и коротко ответил Джонс с некоторым пренебрежением.

Фрэнэ начала злиться из-за кажущейся уже наглой простоты Арвида, который по её мнению задавал вопросы уровня пятилетнего ребёнка. И этот характерный тонкий психологический сдвиг на основе простой разницы менталитетов всё больше нагнетал конфликтную ситуацию. Арвиду же было свойственно воспринимать все вещи буквально, не придавая им скрытых тёмных сторон и вести диалог поверхностно на основе простых видимых факторов выраженного позитива, которым собственно не являлся официальный итог спасательной миссии российской группы.

– Пойдём отсюда, ну его! Он меня сейчас взбесит, – прошептала она на ухо Джонсу.

– Извини, нам надо идти! – резко оборвал Джонс улыбающегося Арвида на следующей фразе.

– Да, конечно, – тотчас же ответил он с той же улыбкой на лице плавно переходящей в мимику недоумевающего конфуза.

Джонс и Фрэя удалились.

– Ничего не поделаешь... – с сожалением сам себе сказал Арвид, делая глоток своего любимого ликёра «Baileys» и глядя вниз на происходящее в зале.

Внизу всё также постепенно тянулась фееричная суэта с периодическими фотовспышками и монотонным гулом толпы. Всё происходящее плавно двигалось вперёд, постепенно теряя свою смысловую наполненность и удаляясь от всеобщего торжественного пика к умиротворённым кулуарным разговорам между группами из двух, трёх, а иногда даже ещё пяти человек, отделившихся от общей хаотичной массы присутствующих в зале людей, редющей и пропадающей с каждой минутой, как тающий снег на раскалённой поверхности. Пламя спортивного аншлага угасало, чтобы успокоиться на ночь и вновь возродиться на утро, стремясь к новому горизонту актуального всеобъемлющего действия, заключающего в себе острый момент изящной стартовой конкуренции, нового ажиотажа, новой истории и новых побед.

ГЛАВА VI. МАРШРУТНЫЙ ХРОНОМЕТРАЖ

Несмотря на первоначальную простоту и гладкость задуманной немцами тактики, в действительности им пришлось очень постараться, чтобы осуществить её правильно до само-

го конца. Напряжённость в гонках, вызванная двумя новыми пилотами, оказалась характерно ощутимой на фоне общей утомлённости и нервного напряжения от долгого протяжённого приближения к старту основной секретной миссии, к которой было лишь устремлено их участие в этом спортивном турнире.

Проблемы начались в том самом предполагаемом по расчётам Ганса узле между российской станцией «Мирный» и австралийской станцией «Моусон», а точнее из-за фактического отсутствия этого узла. Немцы планировали взять первые места на трёх коротких дистанциях, которые делились в указанном промежутке станциями «Бхарати» и «Прогресс», таким образом, из трёх попыток им было необходимо забрать себе хотя бы две победы. Ганс решил «пойти ва-банк» на первом же маршруте «Мирный – Бхарати», но взял лишь третье место, так как два новых пилота оказались на редкость напористыми и с учётом того, что остальные участники заезда также преследовали особый интерес в тактике интенсивного спринта на малой дистанции, Ганс не смог абсолютно безопасно для себя удерживать необходимый темп в этой гонке. Дальше произошёл эксцесс, – так как каждый маршрут следующего заезда объявлялся перед самым стартом, то заранее спланировать всю турнирную стратегию на сто процентов было невозможно, и после станции «Бхарати» гонка продолжилась до станции «Принцессы Елизаветы», полностью исключая два коротких отрезка до станций

«Прогресс» и «Моусон». Особой паники, конечно же, немцы в этом случае не испытывали и в принципе могли отнестись ко всей оставшейся части турнирных дистанций с долей абсолютного отсутствия спортивного энтузиазма. Но привычка быть внимательным в любой ситуации и не упускать тактическую основу своего участия в процессе, заложенную в самом начале, исходя из общих мер предосторожности, не позволяла немецкой группе, а конкретнее Гансу, как теневому лидеру их профессионального тандема с Йозефом, прекратить инициативу в тактических расчётах на каждый следующий маршрут. Он сразу прикинул дальнейшие возможные варианты и, естественно, не исключил путь с «Принцессы Елизаветы» до японской станции «Купол Фудзи», который по своему расстоянию был примерно таким же, как и дистанция «Мирный – Бхарати», которую он только что использовал в своих скрытых намерениях создать видимость спортивной активности для исключения переутомления в интенсивных гонках на более длинных отрезках. Ко всему прочему он учёл тот факт, что довольно низкая температура летнего периода на Южном Полюсе будет иметь своё максимальное воздействие именно в этом, самом холодном секторе Антарктиды и на обогрев сновигаторов в высокоскоростном режиме будет тратиться больше энергии, что в свою очередь будет иметь удельное отношение с мощностью работы ионизаторов силовых установок и в итоге скажется на общей скорости машин, которые всё это время будут подни-

маться вверх к самой высокой точке Земли Королевы Мод. Здесь как раз и возникал тот самый случай практического применения немецкой предусмотрительной расчётливости, а именно специально разработанный для таких экстренных полярных условий тип сновигатора «Juger Wolf», на котором выступал Йозеф и который в немецких инженерных сертификатах проходил с обозначением «**Arktis**» («Актис», «Арктический»). Сновигатор был тяжелее из-за дополнительного объёма батарей, но в итоге при особо низких температурах это сказывалось в положительную сторону именно в плане сохранения динамики разгона и поддержанию высокоскоростной стабильности машины, а с учётом применения nano технологий в комплексной системе обогрева по всему корпусу фюзеляжа это несоизмеримо повышало общий ресурс электроэнергии при интенсивном движении по сравнению с другими сновигаторами стандартного класса. Таким образом, Ганс сразу отнёс все эти потенциалы к средствам достижения требуемой задачи, и в итоге Йозеф в некотором смысле становился фаворитом этого маршрута с характерно выраженным превосходством в его преодолении.

Так и получилось, – примерно к середине дистанции Йозеф уже уверенно шёл вперёд с хорошим отрывом от общей группы участников заезда. Ни о каком компромиссе, не смотря все старания его догнать, не было и речи. Наружная температура доходила до минус восьмидесяти градусов. В некотором смысле вообще возникал вопрос о целесообразности

ности использования такого маршрута на спортивном турнире в летнее время. Но это была позиция исключительно со стороны пилотного состава и никто больше не осознавал этот фактор так, как осознавали его они, поэтому все эти неудобства не шли ни в какой в расчёт при составлении общей программы маршрутов, а лишь напротив добавляли остроты в происходящее для повышения общих мировых рейтингов вовлечённости в процесс гонки со стороны зрителей сродни показательным схваткам в боях без правил. Но как бы там ни было, а немцы взяли на «Купол Фудзи» своё первое место и теперь скрытым планам Ганса суждено было сбыться. Оставшуюся часть турнирной дистанции до Амундсен-Скотт можно было пройти размеренно без каких-либо взаимных усилий, не привлекая к себе особого внимания со стороны всех возможных наблюдателей и не подставляя под него особую важность следующего этапа их дальнейшей сложной и ответственной миссии. При этом основной упор конечно делался на любой относительно возможный отдых перед неизбежной необходимостью в продолжительных режимах сопротивления тяжёлым нагрузкам с резкой концентрацией внимания.

За всю историю полярных гонок такого уровня это был, пожалуй, самый тяжёлый и неприятный маршрут, который осел в памяти всех участвующих в нём пилотов самыми отвратительными эмоциями. Такая низкая температура на высокой скорости доводила системы машин до невероятно критических пределов, которые только можно было себе пред-

ставить. Многие пилоты после финиша, покидая кабины, громко ругались, открыто выражая свои негативные чувства. Гидравлика подвески и аэродинамики промерзала, не смотря свои характеристики, предусмотренные для экстремальных условий. Естественной температуры, которую вырабатывал насос, не хватало для того, чтобы достаточно прогреть все гидравлические линии системы. Из-за этого подвеска становилась каменной, и все удары критически отражались на других системах, в основном электронных. Необходимую скорость было невозможно развивать не столько из-за степени ионизации потока рабочей газовой смеси, сколько из-за жёсткости ударов в критически замороженные элементы подвески, которые в любой момент могли просто разрушиться от повышения хрупкости при сверх низкой температуре. Те же физические свойства делали привод аэродинамики настолько тугим, что в некоторых случаях было чрезвычайно трудно уйти от опасного столкновения и пилоты попросту резко сбрасывали скорость, не имея возможности правильно отклониться от точки вероятного пересечения с параллельно движущейся машиной, даже если она находилась при этом в ста метрах боковой дистанции. Всеобщему негодованию не было предела, так как маршрут из спортивного заезда с характерным для него проявлением навыков состязательного характера превратился в особо опасный комплекс мер по собственному выживанию с максимальной осторожностью и постоянными манёврами ухода от взаим-

ных столкновений. Всё это очень нарушало привычный настрой чемпионатов, и такие резкие повороты в объективности выбора маршрутов членами Управления Программы были абсолютно непонятны и приняты пилотами в штыки. Практически некоторыми из них этот рейс воспринимался как намеренное принуждение к тому, чтобы просто остаться на «Купол Фудзи» без своего сновигатора из-за его экстренной поломки. При этом каждый считал, что такие чрезвычайные условия должны были однозначно обсуждаться заранее и подвергаться предварительной проверке в виде пробных заездов. Но у Программы как всегда был свой взгляд на этот вопрос, и все факторы, выходящие за рамки общего потока событий, Управление ловко превращало в свои новые потенциалы и умело использовало в дальнейшем. Так, например, и этот случай стал начальной линией толчка к особому взгляду на совершенно другую фундаментальную область технического развития прогрессивных форм и стандартов, о которых даже и не пытались задумываться пилоты «Полярной Навигации» на тот момент. В последствии данный случай был внимательно рассмотрен специальной комиссией инженеров внутренней службы проектирования машин типа «HSPS», что привело к началу построения концепций сновигаторов следующего поколения, которые в далёком будущем должны были использоваться на холодных планетах и их спутниках в космосе при сверх низких температурах.

Японцы встретили пилотов очень радушно с весомой долей почётного восхищения. Гостей в летний период на станции собиралось мало, поэтому практически всё внимание было уделено именно основным участникам турнира. К этому времени японцы фундаментально модернизировали свой технический модуль именно из расчёта на приём большого количества машин в период соревнований. Теперь это был очень широкий низкий и большой по площади корпус с поднимающимися вверх воротами, при этом и стены и сами ворота были ощутимо большой толщины из-за особого утепления. Оригинальностью, наравне со стандартным среди всех остальных чёрным цветом этого здания, являлся его такой же оригинальный технологический дизайн и то, что сами ворота были не секторного типа, а являлись одной цельной платформой, которая очень быстро задвигалась наверх, напоминая защитную крышку кнопочных панелей управления. Пол машзала был выполнен с применением специального особо гладкого ворса – последней разработки японский инженеров и вместе с пространством стартового полигона всё было организовано таким образом, что прибывающие сновигаторы сразу же заезжали внутрь технического модуля и парковались уже в прогретой атмосфере, полностью изолируясь от внешних жёстких факторов окружающей среды.

Из технического модуля к основному корпусу станции вёл подземный туннель, также недавно построенный японцами для максимального комфорта перемещения между раз-

личными коммуникациями станции, исключая критические погодные условия. Таким образом, весь цикл прибытия на станцию с момента въезда на стартовый полигон очень ёмкостно складывался в максимально комфортный алгоритм действий, включая динамичный и быстрый подъём на лифте на самой станции, легко и незаметно приводящий пилота, к окончательной точке финишного этапа, а именно к дверям личного номера на этаже, где обычно размещали пилотов. Японцы как всегда были очень гостеприимны и обходительны. Всё вокруг соответствовало высшим ступеням мирового гостиничного сервиса с очень броскими и резко бросающимися в глаза деталями японской эстетики. Высокий уровень бытового технологического оснащения неизменно сопровождал гостей на каждом шагу. С каждой минутой пребывания на станции «Купол Фудзи» человек всё глубже и незаметнее погружался во весь этот прогрессивный комфортабельный антураж, совершенно отдаваясь от осознания особо критических внешних погодных условий, как будто их и не было вовсе.

Но всё это было только лишь некоторым уровнем по сравнению с тем, что происходило в других секторах этой футуристичной антарктической базы, похожей на Пирамиду Хеопса из вулканического стекла с высокотехнологичным разграфлением внешней поверхности иррациональной геометрической структурой инженерных коммуникаций, разработанных и сконструированных таким образом, что их приме-

нимость делала станцию похожей на какой-то космический инопланетный корабль, масштабно базирующийся здесь далеко и скрытно от всех остальных станций, исходя из факторов всё тех же суровых условий окружающей среды. На одном из самых верхних уровней, где находились только главные офисы и апартаменты высших руководителей, находился небольшой зал с огромным витражом, выходящим на стартовый полигон. Этот зал был почти у самой вершины корпуса станции, поэтому с него открывался непревзойдённый вид далеко за пределы полигона. Внутри он, как и все остальные помещения, был оформлен в такой же японской стилистике с деревянными лакированными полами, отражающими, как зеркало и японскими гравюрами на стенах. В тот момент, когда пилоты подходили к финишу, в зале на полу сидели три человека в классических японских кимоно, как у древних самураев, и в полумраке затонированного витража степенно созерцали приближение машин и их финиш, включающий в себя прямой заезд в машзал технического модуля. Они сидели, образуя треугольник, – один человек впереди и два сзади по бокам. Сидящим спереди был главный представитель японской стороны в Программе «Polar Navigation» Тэхэкиру Тахакаси, сзади справа от него сидел первый советник Кохэгу Такаги, слева сидел начальник станции Минако Накамура. Все трое сегодня собрались здесь не просто так, а с конкретной целью, содержащей в себе серьёзную церемониальность происходящего и высокий смысл. Большие

деньги, вложенные в модернизацию и сложную инженерию технологического модуля, должны были показать на практике свой результат, за который Тэхэкиру Тахакаси непременно следовало лично отчитаться перед Правительством Японии. В некотором смысле это был настоящий вызов в области прогрессивных технических достижений, ведь до настоящего момента у японцев не было возможности проверить, как будут финишировать друг за другом двадцать шесть сноугаторов подряд, без остановки заезжая в машзал и паркуясь там. Этот вопрос соответствовал пока лишь только результату точнейших расчётов при проектировании японскими инженерами всех этих сложных коммуникаций.

Когда широкие ворота машзала опустились вниз за последней машиной, Тахакаси произнёс своим хриплым голосом:

– Теперь мы лидеры в технологиях строительства полярных станций! Президент будет доволен!

Затем он сделал небольшую паузу и продолжил:

– Кохэгу, мне нужно поговорить с Гансом Майером так, чтобы об этом никто не знал. Устрой нам встречу. Лучше сейчас. Мы не должны останавливаться на достигнутом.

В ответ Кохэгу Такаги сделал послушный кивок головой, немного отклонив верхнюю часть туловища вперёд и упёршись ладонями в колени, после чего поднялся на ноги и удалился прочь за одной из бесшумных раздвижных дверей, на которой была изображена гравюра 1932 года японского ху-

дожника XIX – XX века Хасуи Кавасэ под названием «Таго Вау», на которой был изображён зимний вид на гору Фудзи из парка в порте Тагоноура.

ГЛАВА VII. РАЗГОВОР ТАХАКАСИ И МАЙНЕРА

Уже когда все прибывшие пилоты разошлись на этаже по своим номерам, в комнату Ганса Майера осторожно постучали.

– Открыто! – громко произнёс он.

В дверь вошёл японец в корпоративной форме простого сотрудника станции и сказал:

– С вами очень хотят поговорить люди из администрации. Это важно сделать немедленно. Не хотите пройти за мной сейчас?

Ганс внимательно осмотрел вошедшего с головы до ног, а затем ответил:

– Отчего ж? Пройдёмте.

– Держитесь от меня на некотором расстоянии, будет лучше не привлекать к нам дополнительного внимания, – предупредил его посыльный.

– Хорошо, – спокойно ответил Ганс.

Они вышли из комнаты. Ганс выждал время, пока между ними образуется достаточная дистанция, а затем двинулся

вслед. В лифте они поднялись вместе на несколько этажей выше, а затем прошли по коридору административного корпуса, пока, наконец, не дошли до дверей одного из офисов, куда японец предложил пройти Гансу вежливым жестом руки.

Войдя внутрь, Ганс увидел сидящего за столом Тэхэкиро Тахакаси уже в привычном чёрном костюме и Кохэгу Такаги, расположившегося на диване неподалёку возле стены, который практически всегда присутствовал рядом со своим боссом и наряду с функциями секретаря также являлся его личным секьюрити. Ганс не особенно удивился этому вызову, его стойкость в любых ситуациях позволяла ему совершенно спокойно и хладнокровно реагировать на любые неординарные события, возникающие вокруг, поэтому он довольно расслаблено и просто подошёл ближе к столу и уверенно начал свой диалог первым.

– Зачем вы хотели меня видеть?

Тахакаси размеренно предложил Гансу сесть, протянув руку и указывая ей в сторону стоящих кресел с другой стороны стола.

– Спасибо, – спокойно усаживаясь в одном из них, ответил Ганс.

– Для начала я хотел бы, чтобы вы видели в нас только союзников, – начал свой диалог Тахакаси.

– Допустим, – сухо произнёс Ганс.

– Как вам понравился финиш? – явно намекая на оценку

последних этапов модернизации, спросил Тахакаси.

– Да, признаюсь, уровень действительно меня поразил, – ответил Ганс, – это серьёзный шаг вперёд.

– В некотором смысле я и позвал вас для того, чтобы узнать именно ваше мнение об этом, но есть и ещё кое-что, что я хотел бы передать вместе с вами вашему руководству. Вы прекрасно понимаете, что люди моего уровня не встречаются друг с другом просто так, поэтому для личных встреч с руководителями вашей стороны мне бы потребовались особо веские причины, или, если будет лучше так выразится, конкретные задачи, которых к сожалению пока нет. Поэтому я решил, что будет лучше передать им с вами наши настроения по поводу возможных стратегий совместного технологического развития в будущем.

Ганс внимательно слушал то, что ему говорил Тахакаси и пытался при этом максимально проанализировать общую ситуацию, так как не совсем понимал, о чём на самом деле идёт речь.

– Простите, но я не совсем понимаю вас, – уверенно и твёрдо сказал Ганс.

Тахакаси не был человеком, обладающим лукавством в ведении собственных тактик, но в тоже время был очень осторожен в выборе подходящих форм и определений своих принципиальных позиций.

– Я буду с вами максимально откровенен, Ганс Майер, – продолжил он, сделав небольшое ударение в своей интона-

ции на личном обращении, – мы знаем об аномалии, которую зафиксировали русские на разломе шельфового ледника Росса во время вашей предыдущей экспедиции на Конкордию. А также мы знаем, что на Амундсен-Скотт внезапно прибыли два ваших пилота без каких-либо видимых для этого причин. Я повторюсь, мы всегда были и будем оставаться вашими союзниками и ни в коем случае ни при каких обстоятельствах не будем претендовать на ваши исторические потенциалы. Я просто хочу, чтобы вы Ганс, передали своему высшему руководству, что мы понимаем, о чём идёт речь и предлагаем в будущем объединить наши усилия в развитии ваших направлений, в которых мы очень заинтересованы. А чтобы мои слова не показались вам наглой самоуверенностью, то хочу вам сказать сразу, что человек, который пригласил вас на эту встречу, как и половина всего персонала на этой станции являются искусственными андроидами, готовыми выполнить любой наш приказ без колебаний.

В этот момент Ганс понял, что именно хочет от него Тахакаси, но по естественным причинам соблюдения секретности его это нисколько не смутило, и он продолжил вести ту же нейтральную позицию несостоявшегося диалога.

– Очень может быть, что за всеми этими событиями действительно стоит что-то большее, но, к сожалению, лично мне об этом ничего не известно. Единственное, что я могу донести до своего руководства, так это наш с вами разговор в его подробном описании. В остальном же мои руководите-

ли будут сами оценивать и анализировать, полученную ими от меня информацию. Могу ли я ещё быть чем-либо вам полезен?

Тахакаси был очень мудрым человеком и прекрасно понял, что и Ганс всё понял прекрасно, а значит, выполнит именно то, о чём тот его и просил. Никаких причин на чём-либо настаивать не было. Разговор можно было считать завершённым, а реальные цели оставались далеко впереди за тяжёлой непробиваемой мглой предстоящих событий. Но первый ход был уже сделан, а остальное зависело только от судьбы, поэтому японцы остались довольны реакцией и поспешили завершить данный диалог.

– Я очень рад, что нам с вами удалось встретиться и узнать ваше мнение о наших достижениях, – с естественной улыбкой на закалённом годами лице подвёл Тахакаси итог этой встречи, – спасибо за то, что вы не отказались придти сюда в столь оперативной форме и я от всей души желаю вам крепкой удачи во всём, а также вашим товарищам. Поверьте, мы будем очень надеяться на ваши дальнейшие успехи! А теперь не смею вас больше задерживать здесь. Всего доброго!

Кохэгу Такаги на этих словах встал со своего места и с вежливой улыбкой на лице, прощаясь, протянул Гансу руку в знак благодарности за визит. Поднявшись из кресла, Ганс пожал её, после чего вышел за дверь. Эта встреча на самом деле имела очень серьёзную подоплёку, о которой могли догадываться только инженеры с хорошим знанием общей ситуации

вокруг того, за чем так долго вели охоту разные стороны одного старого конфликта, разгоревшегося вокруг так называемой «базы 211», само существование которой периодически стояло у некоторых под серьёзным вопросом. В любом случае расчётливость Ганса сразу же выполнила свои прогрессии, как механическая счётная машинка с множеством цифровых табло и тугих кнопок с рычагами сброса и множителя. Он понял, что всё нужно рассказать Йозефу, чтобы продублировать информацию, которую в самом критическом случае должен будет передать он. Поэтому Ганс сразу отправился к нему в номер, тем более что произошедший разговор имел несколько провокационный характер, если смотреть на него было исключительно под углом секретной миссии, о которой никто не должен был знать вообще.

– Послушай, нам надо поговорить, – сказал он, после того, как зашёл к нему в номер и по-свойски вальяжно расположился на диване, пока Йозеф прибирал свои вещи в шкафу после принятия душа.

– Говори, я слушаю! – бодрым голосом ответил он.

– У нас возникает небольшая проблема. В принципе ничего страшного, но в то же время мы должны будем учитывать ещё один момент по ходу нашей миссии.

– Я смотрю, тебя совершенно не беспокоит секретность на этот раз, Ганс.

– Это не имеет значения, Йозеф, поверь, я бы никогда не стал делать ничего лишнего, как и не стал бы опрометчиво

рисковать.

– Я не совсем тебя понимаю, но продолжим.

– Японцы всё знают, я только что разговаривал с одним из них, самым главным в Программе.

– Теперь я понял, почему ты не стесняешься болтать об этом в номере. Хорошо, что дальше?

– Они ни на чём не настаивают, но просят донести до нашего руководства их пожелания в участии.

– Они хотят, чтобы мы по возвращению рассказали своим о том, как они пытались здесь шантажировать нас перед американцами нашпионованной информацией и основной их целью является участие в этих разработках?! – моментально перешёл к тактике контраргументации Йозеф, чтобы подвергнуть сомнению слишком простой взгляд Ганса на этот вопрос, возможно ошибочно принятый им в данной ситуации.

– Не надо нагнетать, Йозеф! Пусть нагнетают те, в чьи задачи и обязанности это входит! Наша же с тобой задача просто передать их пожелания. Они – деловые люди, Йозеф. Они – профессионалы! Знаешь, что я узнал взамен?

– Очень интересно, Ганс, говори!

– Половина персонала на станции – роботы, Йозеф.

– Роботы?!

– Да, представляешь?! Нас обслуживают химические куклы, и я бы с удовольствием оторвал голову одной из них просто посмотреть, как это будет выглядеть! Ха-Ха-Ха-Ха!

– Да, это действительно смешно!

– Послушай, а среди них есть женщины?! Ха-Ха-Ха-Ха!

– Ха-Ха-Ха-Ха!

На некоторое время комната разразилась обоюдным откровенным смехом двух взрослых здоровых мужиков.

– Какой ты, однако, Йозеф, не терпеливый! Ха-Ха-Ха-Ха!

Только представь себе такой скандал в завтрашней спортивной прессе: «Двое немцев совратили японскую девушку – андроида, а другому роботу оторвали башку!» Ха-Ха-Ха-Ха!

– Хорошо, давай вернёмся к сути нашего разговора, пока я не придумал чего-нибудь ещё более весёлого!

– Да, конечно, Ганс! Я слушаю тебя, продолжай!

– Ты понимаешь, Йозеф, что мы отправляемся на задание с неизвестным исходом, поэтому любой из нас, так или иначе, должен максимально выполнить все сопутствующие формальности, не исключая мелочей, которые могут повлечь в будущем катастрофические последствия.

– Конечно, Ганс, я только никак не могу понять, в чём же заключается та суть, о которой говорят японцы? Как мне потом объясняться перед людьми в том, чего я не понимаю? В чём именно они так жаждут принять своё участие?

– О, Йозеф, это очень загадочная тайна, которую сегодня принято считать сказкой, но в то же время у этой сказки есть слишком серьёзные подоплёки и самое интересное заключается как раз в том, что завтра эта сказка вполне может стать реальностью. Ты что-нибудь слышал про общество «Врил»?

– Ну, это же смешно, Ганс! Какое общество «Врил»? О

чём ты? Об этих детских картинках с НЛО? Ты что веришь в эту чушь о том, что группа шарлатанов сто лет назад наколдовала летательный аппарат и вот теперь его чертежи где-то там спрятаны в этом секретном бункере?

– Нет – нет, Йозеф, ты ошибаешься, потому что не правильно распределил в общей последовательности все связанные с этим вопросом факты и из-за этого не видишь общей картины в целом. Но я просвещу тебя, чтобы ты знал, за что мы отправимся рисковать жизнью через несколько дней. На самом деле общество «Врил» занималось глубокими постижениями так называемых информационных полей. Эти поля, по их мнению, являлись некоторой первоначальной основой бытия, в которой, например, не существует времени и по этой же причине в ней логически существуют все какие-либо возможные формы конечных научно-технических концепций. Иначе говоря, в этих полях всегда и постоянно существовала информация об атоме, как о первоначальной элементарной частице, а также и обо всём, что можно было бы сотворить на основе этой элементарной частицы, используя бесконечное множество математических функций построения всевозможных форм процесса материализации, как бесконечного и глобального явления самой Вселенной в принципе. Но также существовал и принцип допустимого осознания этих информационных концепций, заключающийся в определённых границах, за которыми действующие медиумы не могли постигать конечные формы. Именно по-

этому я сейчас и сказал об атоме, как об элементарной частице, потому что на тот момент люди не знали элементарных частиц меньше атома. Также они не могли постигать и информационные потоки сверх возможности своего интеллекта, присущего виду «Homo-Sapiens». Иначе говоря, медиумам открывались только те структуры и концепции, которые совпадали с уровнем форм допустимо возможных для их осознания или соответствующие научным знаниям того времени, которыми они обладали. Как именно они это делали, сейчас уже не имеет особого значения, но известно, что для этого они использовали очень серьёзные древние артефакты, и так получилось, что все результаты в последствии были скрыты, а свидетели смогли передать только общую информацию. Обобщающим итогом их труда стала научная абстракция о некой космической силе «Врил», на основе которой можно будет создавать сверх прогрессивные летательные аппараты, но так как научная база того времени ещё не находилась на такой высокой ступени развития, то до конца объяснить некоторые детали полученных данных было невозможно и это поставило итог их исследований под вопрос объективной вероятности. А когда уже спустя сто лет люди открыли для себя Бозон Хигса благодаря научным трудам Стивена Хокинга, и немецкие учёные подошли вплотную к свойствам элементарных субатомных частиц с помощью исследований и опытов в Адронном Коллайдере, то возникла совершенно иная проблема. Есть, скажем, элементар-

ная единица, как базис, её свойства и принципы, по которым можно выстраивать прогрессивные позиции, но мы не знаем, что именно нужно выстраивать? Нам необходимо увидеть детали и формы, чтобы понять, что нужно конструировать с помощью имеющихся данных. Чтобы математически спроектировать такие формы нашим учёным понадобится ещё не одна сотня лет, а в нашем случае мы имеем уже выясненные наброски в виде форм, формул, чертежей и наглядных эскизов, и остаётся только совместить эти данные с двух сторон, чтобы получить ту самую «золотую середину». Вот именно эти данные в виде документов нас и будут интересовать, а также и тот самый бесценный артефакт, который использовался медиумами общества «Врил» для погружения в запредельные состояния и который сегодня принадлежит наследникам магистров Тевтонского Ордена. По одной из оперативных свидетельских линий это ничто иное, как Чаша Грааля, но документов, подтверждающих это, больше не существует, поэтому для формальных утверждений этого факта у высшего руководства нет юридических обоснований.

– И что ты хочешь сказать, что мы скоро будем конструировать летающие тарелки? – с совершенно другим, уже серьёзным и задумчивым видом спросил Йозеф у Ганса, после некоторой паузы.

– Не совсем так, как ты сейчас возможно это представил. У нас уже есть оперативный базис, теперь мы должны получить приблизительные схемы технологического проектиро-

вания и в конечном результате придти к управлению гравитационными полями. Мы должны победить гравитацию, Йозеф. Тебе это о чём-нибудь говорит? А как это будет выглядеть, в виде летающей тарелки или какого-нибудь «Сокола Тысячелетия» это уже не важно. Может быть, даже понадобится прикрепить полученные двигатели к такой станции, как эта и она полетит подобно ракете в далёкие космические просторы для исследований и развития уже других планет, звёздных систем и глубокого космоса. Ты главное не забудь, что японцы очень просили иметь их в виду, и при этом, заметь, они предупредили нас об этом заранее, что как раз и говорит об их честных намерениях.

– Да... логическая цепочка замкнулась, – сделав паузу, сказал Йозеф, – если мы оба погибнем, то и разговаривать им с нашими учёными будет не о чем, поэтому и передавать сейчас эту информацию в центр нет никакого смысла.

– А ты думал, что мне будет лень лишний раз активировать режим «Филин» в своём сновигаторе? – устало усмехнулся Ганс.

Йозеф оставил этот риторический вопрос без ответа, и после некоторой паузы разочарованно добавил:

– Также как и бесполезно бегать здесь по углам под конкретным японским радиоакустическим прицелом. Представляешь, – им, наверное, сейчас смешно там.

– Нам с тобой, зато, должно быть очень лестно. Ладно, Йозеф, я пойду спать, – что-то устал за сегодняшний день от

всего этого шпионажа.

И Ганс нехотя поднялся из полулежачей позиции на диване, неторопливо направившись к выходу.

– Спокойной ночи! – прозвучала вдогонку прощальная реплика Йозефа.

На выходе в открытых дверях, делая шаг в коридор, Ганс, не оборачиваясь, вместо ответа устало сделал жест рукой вверх, взмахнув назад правой ладонью чуть выше плеча.

ГЛАВА VIII. НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ

Итоговый маршрут ничего фундаментально не изменил в турнирных позициях немецкой команды, что в принципе и соответствовало их планам. Ганс и Йозеф спокойно довели свои машины до финиша, немного прибавив темпа перед самым заходом на стартовый полигон станции Амундсен-Скотт, чтобы не теряться в самом конце общей сводки турнирных таблиц, критически занижая свои финальные рейтинги. По большому счёту теперь им вообще уже не было дела до всего остального, связанного с этим ежегодным промежуточным заездом. Ганс, уже удручённый мыслями о дальнейшем развитии событий, даже чуть не прошёл мимо журналистов суетившихся на входе в холл Центрального Зала, когда они вели репортаж с только что завершённого итогового маршрута. Всё его внимание теперь было увлечено некоторыми частными факторами общей обстановки на

станции для чёткого планирования очень сжатой по времени подготовки машин к предстоящему выходу на шельфовый ледник Росса. Йозеф же при этом скорее выполнял роль лица, отвечающего за фактор нежелательного внимания со стороны к их не совсем стандартному поведению, не соответствующему гонщикам, только что вернувшимся с финиша, ведь основная масса пилотов сейчас от всей души привычно наслаждалась вниманием гостей и журналистов. Впереди, как и положено, намечался банкет, все радовались своим успехам, расслаблялись и очень плотно общались между собой, что было естественно для таких случаев. Но только два немца, а вернее четыре, полностью отсутствовали в общем числе собравшихся на станции людей, и на первый взгляд это не могло не привлечь внимания со стороны, хотя в целом и так было понятно, что немцы что-то затевают, раз ни с того ни с сего на станцию прибыли два дополнительных пилота, да ещё и с энергоимпульсным арсеналом на борту. Вся эта окружающая турнирная суматоха, непрерывно взбудораживаемая шквалом энергетики всеобщего торжества, независимо происходила сама собой, поэтому любые целенаправленные действия на её фоне были абсолютно незаметны и не бросались в глаза даже сотрудникам Офиса Системного Контроля, которые всегда уделяли особое внимание высокому ажиотажу среди большого скопления людей в антитеррористических целях. Таким образом, Ганс умело использовал всю эту напористую бурю финишных эмоций,

как ширму для подготовки быстрого перераспределения задач в интересах их основной секретной миссии и первой самой важной из них было переоснащение двух сновигаторов энергоимпульсными орудиями с таким расчётом, чтобы это не привлекло особого внимания со стороны. Он решил без замедлений, сразу же после этапа прибытия, когда пилотам перед официальной церемонией закрытия турнира выделялось три часа на отдых и подготовку, отправиться в машзал технического модуля и вместе с остальными своими напарниками, коих теперь было уже трое, оперативно выполнить все процедуры по установке и настройке бортового оружия, которое так или иначе должно было быть в походном арсенале группы, собирающейся штурмовать заброшенную секретную базу и вывозить из неё особо ценные материалы через всю Антарктиду на свою станцию Ноймайер в другую сторону материка. Откладывать было нельзя, хотя сама процедура установки оружия была не столь сложной и продолжительной с учётом немецких технологий монтажа и разработанных специально под эти принципы особо прочных быстросъёмных кронштейнов, а также сложных специальных модификаций корпусов стволов, подствольных рамок, орудийных баз и прочих элементов, которые естественно были переделаны на заводах Германии с учётом пожеланий самих пилотов, инженерных принципов высокой продуктивности и, конечно же, особенностей внешней геометрии самих сновигаторов, что в последнем случае естественно учитывалось и по

всем другим моделям машин при подгонке оружия.

Достигнув в машзале сектора, в котором уже были припаркованы сновигаторы Ганса и Йозефа, два новых пилота Харман Клоц и Эберт Кляйбер приставили трапы к кабинам своих машин, стоящих рядом, открыли их и начали энергично перегружать элементы орудий из своих багажных отсеков вниз по трапу к сновигаторам своих напарников. После того, как все упакованные детали были выгружены, они приступили к перегрузке уже более объёмных элементов, включая стволы из своих такелажных отсеков, где по плану должны были располагаться элементы питания для их энергоимпульсных пушек, но так как они были стандартными для всех видов, то немцы просто заказали их со склада у американцев, которые ничего не подозревали и с радостью продали им четыре новых комплекта полностью заряженных элементов, уже стоящих на грузовой тележке в коробках неподалёку. Последней и самой сложной задачей было переоборудовать «MeerSchlag» Хармана Клоца, сняв с него установленные дальнобойные одиночные орудия, стволы которых просто не помещались в такелажные отсеки, и поставить их на «JugerWolf» Йозефа, а на их место установить спаренные «двойки» средней дальности. Таким образом, немцы в перестрелках обычно работали в стандартной паре, когда на одном сновигаторе устанавливалось оружие высокой дальности поражения, а на втором с более интенсивным темпом ведения огня на средних дистанциях. Всё остальное было де-

лом уже отработанной техники ведения боя.

Все четыре пилота работали молча, быстро, аккуратно и очень слаженно, в результате чего всего через час, сидя в кабинах своих машин, немцы уже проверяли между собой установленное оружие с помощью специальной системы взаимной лазерной корректировки прицелов по одному тщательно пристреленному сновигатору «JugerWolf» Эберта Кляйбера, который не подвергался никаким изменениям за всё это время и был полностью настроен и проверен на полигоне станции Ноймайер перед самым отправлением. Сновигаторы стояли в ряд в порядке чередования моделей друг за другом, таким образом, в их кабинах слева – направо сидели Ганс, Йозеф, Харман и Эберт. Расцветки машин по моделям были одинаковыми, что тоже имело свои непростые причины, связанные с общей тактикой в совместных миссиях. Процесс настройки был уже завершён, и все четыре немца в броских термокомбинезонах, стилизованных под внешний дизайн своих сновигаторов, сидели довольные в креслах пилотов с открытыми кабинами, весело обсуждая подробности прошедших турнирных заездов. Именно такая картина и предстала перед глазами Тони Брукса, дежурного механика, чья смена проходила в это время. Он пришёл сюда не на шум, который бы навряд ли и услышал, ведь машзал технического модуля делился на несколько секторов и был достаточно велик, а диспетчерская механиков находилась при входе в него из центрального корпуса станции в другом конце. А также

он пришёл не потому, что немцы, записанные им же в вахтенном журнале, довольно долго не возвращались обратно, ведь всё это время они были в обзоре одной из множества камер видеонаблюдения перед носом у Тони. Нет, Тони появился здесь с одной лишь только целью, а именно просто спросить, сколько ещё, чёрт бы их побрал, они собираются просиживать здесь свои задницы перед самым началом официальной церемонии закрытия турнира, мешая ему смотреть её трансляцию уже на другом мониторе, который ко всему прочему висел в диспетчерской, как назло, напротив монитора с камерами наблюдения, и таким образом, после тридцати минут вращения шеей влево – вправо у Тони начинала болеть голова, что его это в корне не устраивало. Следил он за происходящим в машзале всегда крайне принципиально, а по последним действиям немцев, будучи довольно проницательным человеком, Тони уловил, что ребята уже давно закончили все свои дела и просто сидят и развлекаются не совсем в том месте, которое предусмотрено для таких случаев. Да и время ими было выбрано не совсем подходящее для каких-то странных установок и монтажа. В своё время Тони довольно долго работал «механиком на воротах» («механик на выпуске») в крупной автотранспортной компании, поэтому ему было не привыкать к конфликтным ситуациям с вычислением на основе выработанной годами тонкой психологии, различного типа людей, пытающихся хотя бы чуть-чуть затронуть личные ресурсы времени Тони. И вот он с се-

рвѣзно-недовольным лицом, выражающим исключительное негодование, заложив одну руку в карман, а второй вальяжно размахивая, пришѣл сюда вразвалочку через весь машзал с явной готовностью поругаться, если вдруг его железным аргументам не внемлют в такой ответственный по его мнению час.

– Послушайте, господа! – внезапно произнёс он слегка резонирующим в пространстве машзала возмущѣнным голосом, – если вы, наконец, закончили здесь свои дела, то не лучше ли вам будет пообщаться друг с другом наверху в баре, не отвлекая меня от просмотра трансляции церемонии закрытия, на которой вы, в отличие от меня, сможете присутствовать вживую?!

Абсолютно внешне никак не отреагировав на данную реплику со стороны, все четверо как бы автоматически начали покидать кабины своих машин, спускаясь вниз по трапам и, продолжая своё общение, начали направляться в сторону выхода из технического модуля. Проходя мимо Тони, Ганс, немного затормозив, протянул ему канцелярский планшет и в качестве ответа на его упрѣк аккуратно объяснил в деловом стиле.

– Это технологические карты, заявки и оплаченные квитанции, все четыре машины должны быть заправлены и заряжены к шести утра! Проследите, пожалуйста, за тем, чтобы все указанные процедуры были выполнены в полном объѣме без проблем!

На этих словах, он достал из кармана несколько сотен долларов и ловко подложил их под скобу планшета, который уже держал немного ошарашенный Тони перед собой двумя руками. После чего он на секунду кинул на него свой усталый, безразличный взгляд, в туманной глубине которого таилась боевая злоба, и также спокойно и вежливо добавил:

– Заранее благодарю!

– Конечно, – ответил Тони сбавив пыл и переведя его в русло уже заинтересованного человека, ведь двести баксов за то, чтобы просто подключить четыре кабеля и четыре шланга от систем полностью автоматической заправочной станции к четырём сновигаторам были просто настоящим бонусом к его и так не особо пыльной смене в вечерне-ночной период общего простоя полярных челноков.

Немцы дружно удалялись, о чём-то беззаботно и весело болтая между собой на немецком языке, а Тони на минуту задумался, после чего тупо посмотрев в листы на планшете удивлённо хмыкнул, дёрнув плечами вверх и решил выполнить не столь сложную процедуру подключения четырёх машин сразу же здесь на месте, чтобы уже потом совершенно спокойно пойти смотреть трансляцию закрытия турнира с пару сотней долларов в кармане.

ГЛАВА IX. «НОВЫЙ БЕРЛИН»

Церемония официального закрытия Международного

Турнира 2037 года в рамках промежуточных тренировочных сборов команд и одиночных представителей стран участниц Программы Полярной Навигации началась в шесть часов вечера и продолжалась до десяти, но по понятным причинам бар с рестораном, как и всё остальное клубное сопровождение длилось до утра, пока самые крепкие из гостей не стали расходиться по своим номерам.

Так как очень значительный фактор присутствия пилотов на торжественном мероприятии в этот раз решено было разделить между российской и американской стороной поровну, в виду того, что на обе станции гости съезжались в основном из VIP-класса, то окончательный финиш этого Турнира, как и подведение его итогов, происходило на станции «Амундсен-Скотт». По естественным причинам выступать перед присутствующими здесь выпадало на долю председателя комиссии с американской стороны Ричарду Уорду, после чего международное жюри сразу переходило к объявлению победителей и награждению пилотов, также выстроившихся в шеренгу на подиуме перед присутствующими, как и перед началом Турнира во время церемонии открытия на станции «Восток». Как и всегда, респектабельно и дипломатично Ричард Уорд поочередно объявлял место в итоговой турнирной таблице, имя победителя, страну, которую представлял тот или иной пилот и после того, как призёр выходил вперёд из общей линейки построения, происходило вручение награды в виде медали, кубка и соответствующей

щей грамоты, подтверждающей его спортивное достижение. В принципе, всё происходило, как и всегда, – с музыкой, аплодисментами, радостными улыбками и многочисленными вспышками фотоаппаратов. Затем следовали многочисленные интервью, фотосессии и прочие действия, сопровождающие подобные мероприятия, направленные на освещение текущих событий в определённой последовательности, в соответствии с установленным планом.

Первое место на этот раз удалось взять Каташи Миядзаки по прозвищу «Намахагэ». Как, впрочем, и вся общая энергетика Японии на протяжении Турнира была ощутимо импульсивной, связанной с неоспоримым успехом в прогрессивном развитии технологий, используемых при модернизации полярной станции «Купол Фудзи» и естественной эмоциональной реакцией на эти достижения среди пилотов и мировой общественности. На втором месте оказался капитан российской группы Джонс, а третье достаточно неожиданно занял норвежец Хэльвор Кристиансен, который на протяжении всей гонки показал очень настойчивую и яростную борьбу, постоянно ставя своих соперников в непростые ситуации. Также свои турнирные места, но уже по отдельным дистанциям, а не в итоговом зачёте, получили пилоты других стран-участниц этого промежуточного заезда. В достаточной степени было понятно, что Программа Полярной Навигации продолжает своё развитие, и рост числа её участников даёт моментальные результаты, отражающиеся на всех

факторах, включая и острое повышение спортивной конкурентной борьбы, что в свою очередь вызывает повышение интереса публики и привлечение новых поклонников к этому полярному шоу по всему миру.

Примерно в половине одиннадцатого, Ганс решил проверить, как происходят дела в машзале с заправочной подготовкой машин. Он предусмотрительно захватил с собой в баре пару бутылок «Spaten» и отправился вниз с визитом к Тони Бруксу, который к тому времени уже начал скучать после окончания прямой трансляции закрытия, переключив канал на какой-то незначительный футбольный матч. Когда Ганс зашёл в диспетчерскую, Тони сидел, развалившись в кресле, и, закинув руки за голову, смотрел вверх на плоский экран, свисающий с потолка в углу.

– Мне надо кое-что проверить в системах, – сказал Ганс, поставив обе бутылки на длинный стол вдоль стены с большим окном, выходящим на основной сектор машзала, и сделал указательный жест в сторону пива.

– О'кей! – качнувшись в кресле, произнёс Тони, довольный тем, что ему уделили сегодня уже столько внимания.

Ганс, не торопясь, достиг сновигаторов размеренным шагом, убедился, что заправочные системы подключены и зарядка по всем машинам происходит уже на конечном цикле. Затем он поднялся в свою кабину и быстро активировал канал спецсвязи, запустив режим «Филин». Сквозь глобальные потоки спутниковых радиочастот в огромном полярном

пространстве совершенно незаметно как молния проскочил мизерный объём зашифрованной цифровой информации.

Сообщение от «Белой акулы» («Weißer Hai», «Вайса Хай»):

«Все этапы подготовки пройдены. В 6:00 начинаю выполнение миссии «Новый Берлин». Прошу к этому времени представить все необходимые корректировки или отмены.»

Ровно через семь минут Ганс вновь прошёл мимо большого окна диспетчерской, заглянув в него, и, покидая участок машзала, в качестве контрольного жеста махнул рукой Тони, уже наслаждающемуся в этот момент отличным качеством немецкого пива. Тони же в ответ торжественно поднял вверх бутылку в знак благодарности.

Ганс отправился к себе в номер спать. На данном этапе, кроме здорового, крепкого сна, его с напарниками больше ничего не волновало. А в этот момент в Офисе Системного Контроля перед большим монитором видеонаблюдения, расположенном на столе Билла Фишера, стояли сам Билл Фишер и Джек Райт, задумчиво наблюдая за тем, как Ганс Майер покидает машзал технического блока.

– Как ты думаешь, что происходит? – спросил Джек.

– Не знаю, – ответил Билл, – на мой взгляд, ничего. А на твой?

– А на мой взгляд, они что-то затевают и мне не понятно, почему я до сих пор не знаю что!

– Ну и что ты предлагаешь, пойти мне у них спросить?

– А ты думаешь, они тебе расскажут?

– Послушай, Джек, немцы всегда сохраняли нейтралитет, они нам не враждебны, а значит им можно доверять.

– Да что ты говоришь! – саркастически удивился Джек, – а если я скажу тебе, что доверять нельзя никому, а немцам тем более, что ты тогда мне ответишь?

Билл задумался.

– Не думай долго, Билл. Мы чего-то не знаем и это факт. Вся эта писанина в заявках на обслуживание и заказ батарей о том, что они решили внепланово потренировать своих новых пилотов перестрелкам в этой части материка мне кажется не очень правдоподобной. Во всяком случае, меня они этим не убедили, это уж точно! Согласись, пересаживаться с одного коня на другого, не отдохнув должным образом – это конкретный идиотизм, а не какие-то там изошрённые немецкие задумки. Куда они так спешат? Да ещё и после того, как уделали нас в этой истории с Конкордией. Ты знаешь, сколько им выплатили из наших страховых фондов за спасение русского, потому что мы инициировали блокировку связи?

– Да, я слышал эту историю, Джек.

Джек на секунду отвлёкся, посмотрев на другой монитор с хронометражной детализацией отслеживания посторонних присутствий по цифровым каналам связи и радио эфиру.

– Спутниковая связь и радио эфир без следов присутствия, что он там ковырял в своём сновигаторе? Не лезть же

мне туда, в конце концов!

– Ты и не разберёшься там, Джек.

– Билл, не учи меня, – я знаю, кого здесь позвать на помощь, дело не в этом! Мне очень не нравится обстановка! Что-то происходит и я должен об этом доложить, но у меня нет для этого оснований в виде законченной стратегии. Я вижу источник угрозы, но мне не понятно, куда она направлена! Они не могут угрожать нам, они не могут угрожать здесь кому-то ещё, но в то же время они что-то задумали, причём очень серьёзное и я это чувствую.

– Может держать наших парней наготове? – предложил Билл неуверенным голосом.

– Если бы... Они уже нажрались, как свиньи и пошли спать со своими подружками. А теперь посмотри на этих героев, – просто ранние жаворонки какие-то! Аж в шесть утра собрались на свои тренировочные перестрелки и даже не стесняются! Настоящие лицедеи!

– Да пусть едут, Джек, я передам ребятам, чтоб не спускали с них глаз. Будем мониторить их постоянно и обо всём оперативно докладывать тебе. Пойми, я просто не знаю, что можно ещё сделать в данной ситуации! Не существует таких юридических форм!

– Когда они покинут станцию, Билл, можно уже будет забыть о каких-либо продуктивных решениях вообще! Завтра в полдень парни только проснутся, а значит, готовы будут не раньше трёх часов. В итоге мы уже потеряем девять ча-

сов оперативного времени на развёртку контрмер. Поверь, Билл, за девять часов эти четыре потомка эсэсовцев смогут выполнить тебе такую процедуру, от которой потом волосы на одном месте будут шевелиться у всех, начиная с твоего Офиса и заканчивая Букингемским Дворцом! Посмотри, – им всего час понадобился, чтобы «поставить четыре машины на прицел» и что-то мне подсказывает, что стрелять они собираются вовсе не друг в друга! А если завтра я за ними вышлю не проспавшихся ребят с похмелья, то не думаю, что от них что-то останется в первой же перестрелке!

– Да уж... – удручённо протянул Билл Фишер.

– Ладно! – продолжил Джек, сделав несколько шагов в сторону двери, уже собираясь уходить, но вдруг резко развернувшись и сделав один шаг обратно, – предупреди ночную смену, чтоб не сводили глаз с мониторов, а я пойду-пройду среди гостей и выпью коньяка на ночь!

– Хорошо, Джек, на связи! – кинул вслед ему фразу Билл.

Джек шёл довольно энергично по одному из переходов между центральными секторами станции мимо каких-то периодически встречающихся людей и напряжённо думал о том, что сейчас неплохо было бы нарваться на случайную удачу, как это иногда бывает при решении серьёзных тупиковых вопросов, заводящих в тяжёлое стабильное неведение, преследующее на каждом шагу и не дающее свободно отвлечься от деловой суеты и расслабиться в окружающей обстановке. Выработанное годами и особенностью

сложной профессии чувство постоянной острой ответственности каждую минуту приводило его собственное сознание в строгую неизменную форму, границы которой не пропускали наружу даже частицы объективного взгляда на сложную текущую задачу. Необходим был хоть какой-то намёк, какой-нибудь маленький ключ—подсказка, который сразу же раскрыл бы общую картину из столь естественных, но в то же время абсолютно отсутствующих факторов. И этот ключ нашёлся, но только гораздо позже, когда на следующий день Хэлбокс и Джейси проснулись вдвоём у неё в номере.

Было около девяти, когда Джейси встала, привела себя в порядок и отправилась к автомату за кофе. Когда она вернулась, Хэлбокс по-прежнему ещё спал. Джейси поставила его стакан на стол, а сама села пролистывать на своём планшете ленту новостей за последние дни. В томном пространстве царила тишина, свет из окна образовывал какой-то особый запредельный уют, смешиваясь с мягкими тенями по углам и нижним частям мебели, острый запах обжаренной Арабики медленно распространялся по всей комнате. Внезапно с прикроватной тумбы донёлся тонкий пульсирующий звук будильника на хромированных «Casio» Хэлбокса. Из-за края одеяла на поверхность осторожно вылезла взъерошенная макушка и показался прищуренный от света недовольтно-подозрительный глаз. Джейси случайно обернулась назад, посмотреть на конечный результат доносившихся с кровати телодвижений и чуть не подавилась кофе от смеха. Хэлбокс

продолжал сурово созерцать утреннюю окружающую реальность, залитую светом из окна.

– Можно чуть-чуть опустить жалюзи? – несколько жалобно попросил он.

Джейси молча протянула руку вперёд через стол и сделала несколько поворотов ручкой управления. В комнате стало заметно темнее.

– Так пойдёт? – спросила она.

– Да, спасибо, – ответил Хэлбокс.

– Я принесла тебе кофе, он ещё не остыл. Будешь пить?

– Да буду, если ты мне его принесёшь.

И Хэлбокс скорчил одним торчащим глазом многозначительно-обнадёживающую гримасу, в надежде на то, что кофе ещё и подадут в кровать. Джейси явно понравилось, как у неё выпрашивают особое отношение и она, улыбнувшись, встала и отнесла ему стакан.

– Что нового? – спросил он её, сделав несколько глотков и немного освоившись.

– Сегодня во Франции состоятся похороны Жерара Боссэ. Этот тот чувак, которому принадлежала лаборатория, если ты не знал.

– Да, я слышал про него, – отозвался Хэлбокс, – а ещё?

– Ещё Чехия собирает повторную экспедицию в Якутию в «Долину Смерти» для поиска аномальных зон, на этот раз совместно с Австрией. Они собираются применять метод максимально приближённого сложного сканирования изуча-

емых территорий с помощью большого числа беспилотников на предмет остаточных следов от так называемых «котлов», которые якобы неоднократно находили местные охотники ещё в прошлом веке. Пишут, что это могли быть остатки от разбившихся инопланетных кораблей, что было много свидетельств присутствия НЛО в этом районе, и что целью является объёмная систематизация зафиксированных следов. Ты веришь в это?

Хэлбокс задумчиво пил кофе с по-прежнему взъерошенным сатирическим видом проснувшегося человека и размышлял о том, что сказала ему Джейси. Наконец, после некоторой паузы, он начал своё рассуждение относительно заданного ею вопроса.

– Ты знаешь, мне тяжело говорить о существовании НЛО, как о некоем факте, с которым я лично ни разу не сталкивался в своей жизни. С точки зрения математической вероятности я убеждён, что во Вселенной мы однозначно не одни. Но так как опять же мне не известна фактическая вероятность более высоких форм развития других цивилизаций, то я не могу делать выводы о практическом проявлении этих высоких форм на нашей планете. То есть разумная жизнь существует или возможно где-то ещё сейчас на других планетах существуют динозавры, которые вымерли у нас. Но то, что другие разумные формы жизни развились до уровня межгалактических перелётов или вообще такое в принципе было бы возможно, я утверждать не берусь. А что касается аномальных

зон, так мы в прошлый раз на леднике Росса столкнулись с таким необъяснимым явлением. Правда меня тогда не было с ребятами по известным причинам, но я им полностью доверяю в этом отношении и никак на основе аномалии, с которой они столкнулись, не могу выдвинуть предположение о вероятности существования НЛЮ. Просто какое-то магнитное завихрение и не более.

Джейси на минуту замерла в некотором оцепенении, которого Хэлбокс не мог уловить, так как она сидела к нему спиной в этот момент. Чуть погодя она осторожно спросила его:

– Послушай, а где это было? Вы вообще докладывали об этом командованию? Расскажи поподробнее, мне стало интересно.

Хэлбокс, как ни в чём не бывало, продолжил свой рассказ.

– Ну а что... тут на самом деле рассказывать особо и не о чем. После того, как мы разъехались с ребятами в противоположных направлениях, команда отправилась вдоль разлома в сторону материка и в области его русла у ведущего группы, коим на тот момент была Фрэя, устойчиво сбило все компасы – и цифровой, и аналоговый. Она естественно остановилась, чтобы не сильно оторваться от текущих координат, а подъехавшие сзади столкнулись с той же ситуацией. В итоге, после того, как они проехали ещё одну милю, работа компасов вновь стабилизировалась.

– Ну, а в Центре вам что сказали?

– В Центре нас отымали по полной. В основном за сновигатор, который я утопил при совершении неудачного прыжка, потому что он был реально практическим и очень весомым финансовым минусом. Повезло, что французы согласились его оплатить. Именно это тогда было основной эмоциональной конструкцией, вокруг которой и крутилось всё остальное психологическое действие по вытягиванию жил из прочей карательной инквизиции со стороны наших командиров. Наши попытки что-то донести до руководства на фоне основных тем, ни к чему не привели. Да и толку-то с этой аномалии... Фигня какая-нибудь, как и везде. Носятся с ними кому не лень для поднятия шума, чтобы было, чем голову людям заморочить, вот и всё! Да и там, в Якутии, скорее всего Хрущёв какие-нибудь новые ракеты испытывал по секрету от всего мира.

– Да, возможно ты прав, – задумчиво произнесла Джейси в ответ, – послушай, мне надо проверить парней, как они там после вчерашнего? Сам понимаешь, чувство командной ответственности и взаимовыручки. Я ненадолго.

– Хорошо-хорошо, – ответил ничего не подозревающий Хэлбокс.

– А ты давай тоже приводи себя в порядок и пойдём в ресторан есть пиццу.

– Хорошая идея, – изумился Хэлбокс.

Джейси вышла за дверь своего номера, но направилась она не в соседние номера к своим напарникам по команде, а пря-

мо в офис Джека Райта, чтобы срочно поделиться с ним своими догадками, о которых, к сожалению, не предполагали сейчас ни члены российской группы, ни их старшие командиры.

Перейдя из жилого корпуса в центральный и спустившись на нулевой уровень, она прошла по коридору и, постучавшись в дверь кабинета, потянула вниз ручку замка. Джек уже с утра был на рабочем месте и что-то внимательно просматривал на своём компьютере.

– Войдите! – успел сказать он, пока дверь открывалась.

С некоторой заинтригованной растерянностью в своей мимике он оторвался на секунду от большого плоского монитора, посмотреть, кто к нему зашёл и, увидев Джейси, повернул голову обратно с видом очень занятого в данный момент человека.

– А, это ты... – сказал он без особой заинтересованности в происходящем.

– Послушай, Джек! – внезапно быстро без приветствия начала быстро говорить Джейси, – я только случайно узнала от своего парня, что российская команда во время прошлой миссии на Конкордию столкнулась с аномальной магнитной зоной на леднике Росса!

Джек медленно откинулся от монитора назад к спинке кресла, одновременно аккуратно снимая и складывая свои очки.

– Продолжай, – очень неприятным недовольным и пол-

ным разочарования голосом протянул Джек.

– Вся группа наблюдала устойчивый отказ обоих компасов в радиусе одной мили. Это произошло в районе устья большого разлома, вдоль которого они продвигались к материку, чтобы обогнуть его.

– Ты не спросила его про реакцию их командования на эту информацию?

– Спросила Джек. И ты знаешь, русские ничего не заподозрили. Представляешь? Совсем ничего! Он сказал, что на собрании все были увлечены вопросами финансового характера и упразднили тему этого события, полностью исключив её из обсуждений.

– Ты молодец, Джейси! Никому ничего не говори! Возвращайся назад и веди себя, как ни в чём не бывало. По-пути заскочи к ребятам, разбуди их всех и передай им, что Джек очень срочно хочет их видеть в рабочем состоянии и пусть тоже держат рот на замке. А сама готовься к скорому вылету и возможно боевому. По-видимому, придётся не на шутку пострелять, похоже нас уже обставили! Всё, иди!

Джейси молча вышла из кабинета и направилась к себе на этаж, а Джек с очень недовольным видом встал из-за стола, снял с зарядки свою транковую рацию и, двигаясь по направлению к двери, сказал в неё.

– Билл, есть срочные новости! Будь у себя, я сейчас поднимаюсь!

В ответ в рации прозвучала пара щелчков.

ГЛАВА X. ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕУДАЧИ

Когда Джек вышел за двери своего офиса, ему почему-то захотелось просто на минуту остановиться, – в глубине души он вдруг почувствовал, что игра уже сыграна, и продолжать её нет никакого смысла. Естественно не поддавшись никаким мимолётным настроениям, он пошёл напрямик в Офис Системного Контроля к Биллу Фишеру, чтобы поделиться с ним своими соображениями по поводу всех происходящих за последнее время странностей с командой немецких пилотов. Настроение у него было ни к чёрту, поэтому особого боевого стимула в его действиях на этот раз не прослеживалось. Во-первых, Джек хорошо понимал, что то, о чём он догадывался в отношении текущих намерений немецкой стороны, всё равно оставляло за собой право на ошибку. Но даже в случае совпадения его предположений с реальностью, конечный результат, обоснованный действительностью существования предполагаемой цели, не имел под собой никаких гарантий и все силы, брошенные наперерез немецким планам, в этом случае просто закончились бы только серьёзным скандалом двух сторон, а так же новыми финансовыми потерями. Но в любом случае решать было не ему, в его задачи входила только разработка и организация таких мер.

Завершающую точку в этом вопросе могли поставить только в офисе «Big Father House», причём Джек отлично понимал, какой скандал может уже сразу разразиться, только когда он закинет всю подготовленную разработку туда внутрь к высоким фигурам, наподобие того, как со средних веков на морских судах для выращивания «крысиного короля», моряки кидали маленький кусочек сала в бочку с сильно оголодавшими заранее откормленными крысами. Именно с такими мыслями он и открыл дверь Офиса Системного Контроля, где его уже ждал Билл Фишер, развалившись, как всегда, на своём месте перед монитором, на котором он просматривал общие сводки данных за сутки и другую системную информацию, а также отдельные камеры видеонаблюдения.

– Ну что сказать?... поздравить нас не с чем, – довольно спокойно и естественно в деловом ритме произнёс Джек Райт, обращаясь как бы ко всем присутствующим в офисе сотрудникам безопасности, но при этом строго удерживая линию диалога только с исключительно с Биллом.

Билл ничего не ответил и даже не повернул головы. Он знал, что если Джек за что-то зацепился, и так начинает вести беседу, то дело пахнет серьёзными проблемами, и никакого ажиотажа по этому поводу проявлять уже не имеет смысла. А только скорее наоборот надо опять готовиться к тщательному и усердному выполнению сложных задач, к чему обычно никто с особым рвением не стремился.

Джек подошёл ближе, сел рядом и почти сразу продолжил.

– Значит так... Российская группа по пути на Конкордию прошла сквозь так называемую область устойчивой магнитной аномалии с ограниченным радиусом действия, то есть имеющую свой чёткий эпицентр. Как ты понимаешь, если сверху ничего не висит, значит, эпицентр находится снизу.

Билл сидел и внимательно слушал то, что говорил ему Джек. Он знал, что Джек гораздо профессиональней и опытней его, и часто ставивался в совместной работе с ним со случаями, когда Джек открывал для него новые и очень редкие подробности в виде всякого рода исторических справок, конспирологических версий, неофициального содержания различных секретных документов и прочего, что, так или иначе, было в служебном обиходе условно бывшего агента ЦРУ.

– После окончания Второй Мировой Войны к нам попали некоторые секретные разработки немецких учёных, которые на первый взгляд не вызывали особых подозрений в их практическом применении. Одной из таких разработок являлся некий очень мощный магнитный излучатель, который вызывал подавление естественных магнитных полей с определённой областью действия. Основной вопрос возникал, зачем нужны были такие излучатели, ведь на практике у немцев они нигде не применялись, а также не выпускались массово в производстве. На допросах немцы не могли ответить на эти вопросы. Известно было лишь то, что данная разработка выпускалась якобы для какой-то научной программы,

то есть не на оборонную промышленность, а просто в другой научный институт по соседству. Наши аналитики, проведя ряд исследований, пришли к выводу, что ни для каких других научных программ в Третьем Рейхе, кроме как экспедиция «Новая Швабия» эти излучатели конструироваться не могли. И вот тогда возник второй вопрос – для чего немцы могли использовать здесь в Антарктиде такие устройства? Согласись вызывать магнитную аномалию можно лишь с одной только целью – для того, чтобы создавать помехи при определении точных координат по компасу. Как ты думаешь, Билл, точные координаты чего потребовалось сбивать немцам в Антарктиде?

Билл не был тупым человеком, хотя внешне казался личностью тяжелой, неповоротливой и поэтому немного заторможенной. К тому же он любил подумать перед тем, как сказать что-то конкретное, поэтому выдержал хорошую паузу и произнёс:

– Эти сволочи спрятали под ледником «Базу 211», а аномалия, то есть излучатель – это маяк, который не позволяет оперативно отыскать вход в неё, но указывает на то, что он где-то рядом.

– Именно так! – несколько торжествуя, произнёс Джек, – а хочешь второй сюрприз?... Русское командование на фоне скандала и убытков от миссии на Конкордию даже слушать ничего не стало про эту аномалию от своих пилотов и теперь единственными, кто в курсе этого дела, являются толь-

ко немцы и мы с тобой. Да, и ещё конечно же Джесси, которой собственно случайно рассказал про эту аномалию наш мистер Удочкин.

Билл усмехнулся, кинув на Джека беглый взгляд с ухмылкой.

– Но не стоит радоваться, Билл. У нас проблемы, о которых я говорил тебе ещё вчера. Во-первых, мы опоздали! Сейчас уже половина одиннадцатого. Джесси только разбудила парней и они уже в курсе, что придётся серьёзно поохотиться, но они точно не в форме и это очень плохая тактическая позиция! Предположим, что они будут относительно готовы через час. Наша задача отбить добычу, пока она не пролетела мимо нас в другую сторону материка. Бойня будет четыре на четыре с их преимуществом, потому что они трезвы, заранее подготовлены, очень профессиональны, очень настойчивы, серьёзно нацелены на конечный результат и злы как собаки. Вступать с ними в бой сейчас практически бесполезно. Я могу и сразу в принципе, просчитать на девяносто девять процентов и их тактику и то, как они собирались отсюда уходить с награбленным. Но с той же вероятностью я также могу сделать заключение, что они надерут нам задницы, и именно потому, что подготовились к этому заранее, в отличие от нас.

– Послушай, Джек. А почему с награбленным? Это же их база в конце концов!

– Нет, Билл! Это не их база! И это мнение абсолютно всех,

на чьей стороне мы с тобой работаем! Скажу больше, это мнение с нами также разделяет и Британская Корона! Это не их база, Билл! Это наша база! И всё, что на ней – наше и только наше! Немецко-Фашистская Германия капитулировала, а значит, автоматически сдала нам, как победителям свои потенциалы. База «Новый Берлин» была построена в Третьем Рейхе, значит она принадлежит нам на правах победителей. А русские в данном случае остаются, как всегда, со своими проблемами, вот и всё!

– Хорошо, и что мы должны сейчас делать? Спутник мы просто так отключить не сможем, на это нужны общие договорённости и это естественно привлечёт ненужное внимание со стороны русских. Хотя они сами находятся далеко, но их пилоты по-прежнему здесь, на станции. Задерживать их, мы не имеем права, а подрезать на скорости сновигатор противника, используя групповую тактику ещё проще, чем охотиться один на один друг против друга с оружием на борту. Кстати, Джек, у нас появился ещё один участник необъяснимо отчаливший восвояси. Это швед Ларс Олофсон, он вышел ровно в девять и лёг на курс до своей станции, поэтому я и не стал бить тревогу.

– Оставь его, навряд ли он может иметь ко всему этому какое-то отношение, – произнёс Джек, – что касается связи, то ты, наверное, прав, – не будем привлекать излишнего внимания, по крайней мере до тех пор, пока ситуация на месте не прояснится более явно. Что с хронологией?

– За текущий час ничего не изменилось: двое новых бойцов стоят на равнине Бэрда, в двух милях от Трансатлантического хребта. А основные фигуры уже полтора часа что-то делают в зоне устья того самого разлома. Вполне возможно, что они уже пробрались внутрь. Если сейчас они двинутся в обратном направлении, в запасе у нас будет два – три часа, чтобы выйти к ним наперерез. Признаков их связи в эфире не наблюдается, значит, они работают на своём закодированном канале.

– У них, наверное, и спутник свой, – предположительно уточнил Джек, – именно поэтому они так неожиданно и оказались тогда в районе катастрофы на леднике в нужном месте и в нужное время.

– Но это не запрещено международными правилами, Джек.

– Это не разрешено протоколами Программы! Они не могут применять свои каналы связи, которых мы не видим, но доказать, скорее всего, этого не получится. То, что программно зашито в их машинах сотрётся сразу же при попытке взлома. Вот тебе и объяснение того, чем вчера занимался Майер в своём сновигаторе. Ну да ладно, это и не так важно сейчас. Дай команду на подготовку четырёх сновигаторов! Скажи, чтобы через час техники уже накинули на них все стволы. Держи меня в курсе малейших изменений, а я пойду – проверю парней и заскочу к Уолтеру, обрадую ещё и его заодно. Посмотрим, как пойдёт дело без «Чернокнижника».

Под «Чернокнижником» («Warlock») Джек Райт конечно же подразумевал сэра Томаса Уиттла, который сейчас находился в Париже на похоронах Жерара Боссэ. Это было его неофициальное прозвище среди очень ограниченного круга людей, о котором он не столько не знал, сколько не позволял себе придавать этому хотя бы малейшее значение.

После разговора с Фишером Джек вышел и направился на этаж к парням из команды, чтобы психологически придать им командно-установочного тонуса, а заодно ещё раз разочароваться в общей ситуации, более точно убедившись в своих предположениях по поводу их общего состояния после вчерашнего кутежа. Конечно же, в этом не было их вины, и этот неприятный фактор являлся ожидаемым стечением обстоятельств. Требовать от своих подчинённых чего-то неестественного у Джека не было привычки, просто в этом простом раскладе так легла их карта, и он прекрасно это понимал. Таким образом, стучась поочерёдно в каждую из дверей на этаже и сталкиваясь лицом к лицу с пилотами в коридоре между их номерами, он сразу просчитывал наперёд уровень их боеготовности, потому что постоянно удерживать цель на высокой скорости с перегрузками было в первую очередь делом их достаточно стабильного комплексного физиологического состояния.

Хуже всего выглядел Дженкинс, к тому же от всех троих пришлось выслушать целый каскад негативных претензий. Но, так или иначе, а подчинение было безоговороч-

ным, поэтому вся команда на следующий час была поставлена Джеком в режим предварительной боевой готовности, и он с весомой долей армейского хладнокровного безразличия к чужим проблемам отправился решать более важные задачи скорее уже политического характера, за которые в первую очередь нёс самостоятельную ответственность, как единственный и главный инициатор.

Время начинало принимать напористый темп, а обстановка агрессивный характер. Самым распространённым методом стал как всегда кофеин, кока-кола и немного виски и только один «Малыш Хью», который никогда не курил, отпивался исключительно обильными порциями зелёного китайского чая, в большинстве случаев сортом «Те Гуань Инь». Затем шла разминочная гимнастика, немного бега и освежающий душ. Больше всех этим утром повезло «Little Coldy», которая с вчерашнего вечера пропустила всего пару бокалов лёгкого вина и теперь была единственной из всей команды в абсолютно нетронутом безупречном тонусе, позволяющем периодически бросать с велотренажёра лёгкие упрекающие ухмылки в сторону своих напарников, испытывающих в этот момент абстинентный дискомфорт от физических перенапряжений.

– Чёрт бы побрал этих немцев! – начал воодушевлённо ругаться «Джокер» на двадцатой минуте боксёрской разминки перед грушей, наконец, почувствовав долгожданный прилив энергии после долгого адского подъёма по скользким стенам

похмельного колодца.

– Посмотрите! Наш юный падаван опять достиг просветления! – пошутил «Малыш Хью», упорно жуя набегу жвачку и не меняя озадаченной агрессивно-серьёзной мимики своего лица.

– Никогда бы не подумал, что судьбу столь архитичного объекта в Антарктиде будут определять четыре американских рейсера сто лет спустя на утро после пьянки. Не понятно, чего тут больше, парадоксальности или сарказма? – проговорил сквозь ритмичное дыхание «Снеговик», настойчиво атакуя лёгким бегом жужжащую под ногами дорожку.

Несмотря на некоторое оживление сознания, все реплики среди членов группы носили одиночный характер. В целом обстановка продолжала оставаться тяжёлой и даже невыносимой в периодические моменты жёсткого психологического столкновения между собой амбициозных ожиданий от радостного, расслабленного и беззаботного отдыха со вчерашнего вечера и новой, внезапной, сложной задачи, вынуждающей к активным действиям кардинально противоположного характера. Выносливое стойкое молчание в данном случае было самым лучшим союзником, особенно при энергичных физических нагрузках, поэтому диалогов не складывалось, а все вокруг, накупившись, продолжали настойчиво упираться в тугое сопротивление своей внутренней психологической расслабленности и физиологическому дискомфорту, с каждой минутой приближая к себе, как свет в конце туннеля,

прохладный освежающий душ. Но как бы спонтанно и натянуто не выглядело это внезапное построение по боевой тревоге, а ровно через час команда уже стояла перед Джеком Райтом в том же коридоре в абсолютно соответствующем виде без тени даже малейших сомнений в своих лучезарных взглядах, готовых к выполнению любых ответственных заданий в интересах своего государства и нации.

ГЛАВА XI. БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПОПЫТКА

В комнате пахло сигарами и дорогим парфюмом. Несмотря на утончённый смог, вокруг в пространстве было неестественно свежо, просторно и легко дышать. В середине комнаты стоял большой стеклянный стол высотой чуть выше колена, рядом с ним располагался роскошный диван и несколько кресел из кремовой блестящей кожи, туго обтянутой в классическом ромбовидном стиле с круглыми пуговицами. На одной из стен, покрытых шелкографией с широкими вертикальными полосками, между двумя государственными американскими флагами на полноформатных флагштоках висела большая фотография здания Конгресса США, другие стены украшали небольшие картины американских художников XIX-XX века: Альфреда Томпсона и Вуда Перри. За спинкой дивана на расстоянии нескольких метров находилось большое длинное окно, благодаря которому вся ком-

ната хорошо освещалась естественным светом без дополнительных приборов. В одном углу стоял небольшой резной комод-секретер из красного лакированного дерева, в другом располагался бар из того же гарнитура. В целом и общее свободное пространство, и интерьер напоминали по своему стилю президентский кабинет Белого Дома. Так на станции «Амундсен-Скотт» выглядела гостиная личного номера американского представителя Программы «Polar Navigation», которым на данный момент являлся Уолтер Кик.

Уолтер Кик вальяжно и расслаблено сидел прямо посередине дивана без пиджака в белоснежной рубашке с растёгнутым воротником и ослабленным атласным галстуком светло-сиреневого цвета в диагональную серебристую полоску. В раскинутых по сторонам руках он держал хрустальную пепельницу, а в другой только что раскуренную сигару. На столе перед ним стоял бокал виски со льдом, рядом с ним маленькая белая чашечка с чёрным кофе. Лицо Уолтера не выражало никаких эмоций, но в тоже время в его отштампованных постоянной серьёзностью чертах прослеживалось некоторое утомлённое равнодушие, похожее на состояние человека, укрывающегося здесь от бесконечных нервотрёпок и делового перенапряжения в попытке, наконец-то расслабиться и отдохнуть.

Джек расположился в одном из кресел сбоку от стола, накренившись вперёд и держа руки перед собой, уперев локти в колени и привычно почёсывая усы в такой достаточно ата-

кующей позиции интеллектуала, приготовившегося к объёмному блоку сложных рассуждений. Ему сейчас предстояла нелёгкая задача интеграции всей разработанной схемы событий на высокий государственный уровень, в результате чего в силу вступали очень серьёзные механизмы, расставляющие в определённых комбинациях уже не просто отдельные фигуры, а позиции целых государственных систем со своими беспощадными законами и он, в случае ошибки, становился основной жертвой, в которую, в конечном счёте, полетят все стрелы ответственности.

– Итак, Джек, ты хочешь сказать, что Германия нашла там свою базу? – спокойно рассуждал Кик, глядя куда-то вверх в пустоту прямым взглядом, откинув голову назад на спинку дивана, – очень плохо, что сейчас со мной нет Уиттла! Я остаюсь один против всех, а твои ребята без дополнительной поддержки могут упустить бесценные материалы.

– Может тогда обратиться в Конгресс или позвонить Уиттлу? – заволновался Джек.

– Это ничего не даст, – продолжал Кик, раскуривая очередную порцию ароматного сигарного дыма – все силы находятся там, мы сейчас здесь и ты ничего не сможешь доказать, у нас слишком мало времени, а немцы просто утащат всё к себе и уничтожат следы. К тому же телефон – это пустое, чтобы в дело вступили решения и договорённости, необходимо присутствие члена правления на собрании в «Big Father House», а такой возможности нет. Поэтому немецкая сторо-

на разотрёт эти телефонные решения, как говно ботинком, а с русскими я не смогу договориться, хотя попробовать стоит. Ты сказал, у нас есть время до двенадцати? Я сейчас вызову всех на экстренное заседание и постараюсь провести на нём со своей стороны несколько тактических манёвров, но ничего не обещаю! Так что готовь своих ребят к тому, что они будут разбираться с немцами в одиночку.

– Хорошо, я всё понял! – ответил Джек, поднимаясь с кресла, – не буду тогда больше тебя задерживать!

Уолтер Кик ещё некоторое время курил, после чего взял броскую трубку радиотелефона с базовой стойки в центре стола и, нажав кнопку, произнёс в неё: «Соберите всех через пятнадцать минут! Это чрезвычайно срочный вопрос, не требующий отлагательств!»

Через пятнадцать минут в офисе «Big Father House» на своих обычных местах не в самом лучшем настроении сидели Архип Великий, Борис Молотов и Марта Баумгартен с долей некоторого возмущения от того, что в столь оперативной форме их практически заставил собраться здесь представитель американской стороны, который сам почему-то отсутствовал, как это обычно и было в его стиле, но на этот раз уже совершенно никак не лезло в рамки текущей ситуации. Наконец, он появился и сразу же начал свой яростный атакующий шквал упреков и претензий сразу против двух сторон.

– Знаете ли вы, – обратился он к окружающим, не присаживаясь в кресло и сразу же бросив упорный взгляд на пред-

ставителя из Москвы, – чем занимается сейчас немецкая команда пилотов?!

На этом месте он сделал небольшую стандартную паузу, угрожающе накренившись вперёд над столом и уперев свои кулаки в его поверхность, после чего окинул по кругу всех присутствующих презрительным взглядом.

– Именно сейчас, пока вы просто так сидите здесь, они несанкционированно вывозят исторические артефакты с секретной базы Третьего Рейха на леднике Росса!!! Не так ли, дорогая, Марта?!

На этом месте он уже перевёл свой суровый взгляд на неё. Марта непоколебимо продолжала сидеть в своём кресле и даже не подала в этот момент никакого вида.

– Даже я не знаю, чем конкретно в данный момент занимаются мои пилоты, и нашли ли они вообще эту базу, как вы говорите. Поэтому, Уолтер, не могли бы вы более корректно формулировать ваши обвинения? К тому же ни одна из международных директив не запрещает нашим пилотам что-либо самостоятельно искать на этом материке, поэтому я не понимаю, в чём вообще проблема?!

– Не надо прикидываться здесь невинной овечкой! – продолжал Кик, сразу же переключаясь к другому оппоненту, – а вы?! Вы, Борис?! Где вы вообще набрали таких идиотов в свой командный штат?! Ваши пилоты на официальном собрании докладывают об обнаружении серьёзной магнитной аномалии, а старшие офицеры отказываются это даже обсуж-

дать и вся оперативная информация после этого попадает почему-то к немцам через легкомысленных болтунов из вашей же команды. Может быть, вы тоже не в курсе, что с середины двадцатого века четыре основные страны потратили кучу времени и денег в поисках этого особо важного исторического секретного объекта?!

– Послушайте, Уолтер, – также спокойно и рассудительно начал Борис, слегка покручиваясь в кресле туда-сюда с задумчивым видом, – но ведь это не наша база, почему я должен разделять с вами эти негодования? Предположим, наши офицеры действительно упустили из вида важный момент, ну и что дальше-то? Немецкая сторона сейчас отправилась проверять наличие этой базы на месте, не так ли? Вот пусть себе и проверяют на здоровье! Это ведь нейтральная территория и при этом вполне возможно, что там нет никакой базы! Откуда тогда столько шума? Разве у вас есть точные свидетельства, что они её уже нашли?

В этот момент Уолтер Кик скорчил довольно омерзительную гримасу, но, не смотря ни на что, продолжил.

– А я со своей стороны, Борис, продолжаю не понимать, откуда у вас такое подозрительное спокойствие по этому поводу? Согласно разведанным на этой базе находятся сверхценные документы и артефакты Немецко-Фашистской Германии, капитулировавшей, в том числе и перед вашей страной. Вы что считаете исключительные претензии Германии на них обоснованными? В таком случае это даёт повод счи-

тать вашу сторону заговорщиком в складывающемся конфликте и всё это без труда можно будет пересмотреть в дальнейшем в высших судах далеко не в вашу пользу! Я же предлагаю вам остановить эту несанкционированную перед Правлением Программы вылазку немецких пилотов в этот сектор и предотвратить самоличный вывоз ими любых найденных материалов на свою станцию Ноймайер!

– Это, каким же образом, извините? – дипломатично удивился Борис.

– А очень простым! – лукаво продолжил Кик, – мы отправим совместную боевую миссию, используя ваших и наших пилотов с энергоимпульсным оружием на борту, и силовым подавлением заставим группу немецких пилотов сдаться, если они не захотят сделать это добровольно, предоставив нам полученные со станции материалы до принятия общего международного решения по ним, не исключая интересов Британии.

– Ха! Ха! Ха! Поздравляю вас, Уолтер! – саркастично восхищаясь от злости, громко захлопала в ладоши Марта Баумгартен, – как жаль, что с вами сегодня нет Сэра Томаса Уиттла, а то бы вы всем здесь показали, не правда ли?!

– Я абсолютно не разделяю с вами этого сарказма, мадам! – сразу же контраргументировал Кик её реплику, – или лучше будет выразиться «Фрау»? Сэр Томас Уиттл сейчас не крысятничает скрытно от всех на скрытых исторических объектах, а присутствует на похоронах очень уважаемого и

известного в мире человека, трагически погибшего при спасении своих людей!

– **Jawohl.** («Яволь», «Хорошо») – спокойно и скромно ретировалась Марта.

Кик уже было обрадовался тому, что общее настроение среди присутствующих по его ощущениям вошло именно в то самое русло, которое было необходимо для достижения запланированного результата, но следующая фраза Бориса напрочь сразила эту уверенность.

– Неужели вы считаете, Уолтер, что я отправлю русского офицера карать людей, которые только что спасли ему жизнь, из-за каких-то там исторических побрекушек, чего бы они там не стоили в самом деле? Да ещё и учитывая силу командного духа... Они же только что на ваших глазах саботировали турнир, чтобы помочь своему товарищу спасти людей, которые даже не относятся к их команде и стране. Они не выполняют этот приказ, и я даже разговаривать об этом не буду! Решайте этот вопрос без меня, я удаляюсь!

С этими словами Борис поднялся с кресла и вышел за дверь офиса. Уолтер Кик несколько секунд стоял ошеломлённый происходящим. Теперь у него оставался только один козырь и это, несомненно, был Архип Великий.

– Ну а что скажешь ты, Архип? – медленно начал рассказывать свой новый нагнетательный поток риторики уже порядком утомлённый Уолтер, – ты ведь можешь, как главный член Правления призвать людей из других команд для под-

держки наших пилотов. Тебе подчинятся, а все расходы мы возьмём на себя!

Наступил момент, при котором положение американцев и немцев стало уравновешенным между собой и теперь всё зависело только от того, какое решение сейчас примет Архип Великий. Поэтому, не смотря на внешнее спокойствие, Марта не на шутку разволновалась, так как в случае перевеса боевых сил на материке, немцы серьёзно рисковали навсегда потерять все главные причины этого столь долгожданного и судьбоносного полярного похода.

Архип сидел в явном раздумье и не торопился с ответом. Его переполняла неуверенность во всех просчитываемых им прерогативах, и ссориться при этом, конечно же, не хотелось ни с Германией, ни с Америкой. Но в конечном итоге он выработал для себя наиболее правильную позицию и перешёл к её формулировке.

– Вот, что мы сделаем! – начал он, недовольно постучав пальцами по столу и откинувшись назад к спинке кресла, – как лицо с нейтральным отношением к чужим государственным интересам, я в первую очередь должен заботиться об интересах Программы, а основным интересом Программы является её развитие без потери внутренних потенциалов. К внутренним потенциалам, как вы сами понимаете, относятся действующие участники, то есть пилоты и меня в данном случае волнует российская команда, которая разваливается на глазах. Ваша сторона, Уолтер, мне помочь не может,

мне может помочь в этом только немецкая сторона. И при этом, Уолтер, согласитесь, что по политическим соображениям вы никогда не позволите себе покинуть многонациональный проект с хорошими позициями централизованного доминирования в нём, поэтому я не буду помогать вам. Но помогать вам я не буду не просто так, а с очень жёсткими условиями по отношению к немецкой стороне и здесь теперь всё будет зависеть от вас, Марта. Итак, вы сами предлагали российской стороне двух своих новых пилотов для замены выбывающих, поэтому мои условия для вас будут просты. Ваша сторона абсолютно безвозмездно предоставляет России двух пилотов и два сновигатора на два турнирных года, только с выплатой призовых грантов пилотам, а всю основную прибыль от тотализатора я заберу себе, в основной фонд Программы. Если мы договорились, то считаю наш с вами основной вопрос закрытым!

В офисе наступила гробовая тишина. До сегодняшнего дня так цинично основные стороны Программы ещё никто не ставил в очень провокационное безвыходное положение. Марта и Уолтер Кик, который так и продолжал стоять, с чувством глубокого негодования сейчас осознавали всю масштабность охвата этого договора. Во-первых, русские сразу же становились должниками Архипа Великого, так как сейчас он окончательно решал очень болезненный вопрос потери основных пилотов команды, которых нечем было заменить в ближайшее время. Во-вторых, он просто нагло обво-

ровал немцев, заставив их сдать на два года практически в рабство своих новых пилотов, а в-третьих – серьёзно подставил американцев с их амбициями независимых лидеров, потому что уходить из интернациональной программы, рыночно раскаченной до масштабов мирового уровня, действительно являлось абсолютно не реальным даже предположительно. Единственным, что могло бы повлиять или кардинально изменить ситуацию в этот момент было присутствие на собрании Сэра Томаса Уиттла, который обладал очень серьёзной стратегией к формированию необходимых мер в сложившейся ситуации, но его сейчас не было. И самое парадоксальное было то, что не понятным оставалось, кому от этого было бы хуже, ведь немцев гораздо больше сейчас интересовали другие цели, чем два пилота и довольно спорная выручка от их побед. В любом случае, Архипу Великому, нечего было ответить или возразить ни с одной из сторон и все три стороны сами были виноваты в том, что содался такой агрессивный спор между ними, который в итоге стал проблемой Архипа. Но бизнес есть бизнес, это понимали все, и Архип решил вывести общую проблему в логическую цепочку преследования более общих интересов. Таким образом, против единственного интереса американской стороны присвоить себе немецкие артефакты, возникали интересы российской стороны по сохранению команды, немецкой стороны по сохранению боевого приоритета и интересы престижа Программы с личной возможностью Архипа до-

полнительно подстраховать свои активы за счёт выступлений немецких пилотов в российской команде, что в совокупности было не большим цинизмом, чем подговаривать пилотов со стороны на подавление немецкой группы. Объясняться с Архипом Великим о том, что это не очень порядочно в коммерческо-деловом отношении было всё равно, что метать бисер перед свиньями, а искать какие-то другие ходы в решении данного вопроса уже не представлялось возможным. Партия была сыграна, причём до конца и очень расчётливо, а уже чьи-либо внутренние чувства и настроения при этом не имели здесь совершенно никакого значения.

– Хорошо, – также спокойно ответила Марта чуть погодя, – вы получите наших пилотов на два года.

– Что ж... – ответил Архип, – тогда я вынужден завершить нашу встречу полным отказом от каких-либо действий с моей стороны в отношении основного вопроса! Всего вам доброго, господа!

На этих словах он встал и, подойдя к бару, плеснул в стакан коньяка, после чего поднялся с ним по ступенькам на верхний ярус к своему обычному месту, откуда постоянно созерцал через огромный витраж раскинувшиеся антарктические просторы тренировочных полигонов «Амундсен-Скотт».

ГЛАВА XII. БАЗА 211

Взвизгнув резким движением, молния термокомбинезона

поставила итоговую точку в утренних сборах Ганса перед выходом из своего номера. Сумка с личными вещами стояла на полу справа. Только теперь Ганс протянул руку к окну и полностью открыл жалюзи. Утомляемость за последнее время всё-таки сказывалась на его нервной системе и он, проснувшись с утра, предпочёл собираться в полумраке. Свет за окном заставил его прищуриться, на материке гуляла небольшая пурга, ещё больше отягощая настроение своим матовым однородным пространством. Ганс посмотрел на часы, было ровно половина шестого. Он взял сумку и вышел за дверь, в этот момент в коридор практически синхронно с незначительной разницей из своих номеров вышли ещё три его напарника по команде. Обменявшись взаимными кивками в качестве приветствия, все четверо направились вдоль по коридору, затем вниз по лестнице, через несколько корпусов к техническому модулю.

На станции было непривычно тихо и пусто. На некоторых этажах ещё встречались люди из персонала, наводящие лёгкую приборку или просто выполняющие какие-то последние распоряжения гостей, только недавно отошедших ко сну после долгого торжества. Внизу в холе суеты было больше, но путь до машзала проходил, минуя центральные переходы, поэтому команда очень спокойно, тихо и практически незаметно покинула основной корпус станции, как будто подгадав столь удобное для этого время. Лишь только спустившись в машзал, все сразу почувствовали серьёзное оживле-

ние и шум. Тони Брукс энергично жестикулировал руками, громко отдавая команды трём буксировщикам, двое из которых крепили штангу буксировочного устройства последнего сновигатора к небольшому гусеничному тягачу, которым управлял третий.

– Давайте – поторапливайтесь живее!!! Сновигатор должен стоять за воротами через пять минут, иначе я поставлю вам отрицательную отметку в наряде! – строго распоряжался он своими подчинёнными.

Ганс отделился в сторону от основной группы, проследовавшей дальше без остановки в открытые ворота, за которыми сквозь порывистые вихри пурги, растворённые в ярком белом свете, были видны задние части отбуксированных машин, аккуратно припаркованных боком одна к другой. Он подошёл к Тони сзади и на расстоянии пяти метров приветливо окликнул его:

– Доброе утро! Очень приятно, что вы вовремя уложились! Всё прошло без эксцессов?

Тони резко повернулся назад, на мгновение в мимике его лица проскользнула нотка неожиданной растерянности.

– О, да! Всё в порядке! Наряд будет закрыт без десяти минут, точно по графику! Вы сможете расписаться сразу здесь на месте!

И он небрежно постучал рукой по канцелярскому планшету с листами, приподняв и демонстративно вытянув его немного вперёд в своей руке.

– Хорошо, – ответил Ганс, продолжая наблюдать, как его сновигатор начинают буксировать по направлению к воротам.

– Удачной погоды и успехов вам в ваших тренировках! – прокричал сквозь нарастающий шум ионных турбин довольный завершённой работой Тони, забирая у Ганса обратно свой планшет с документами.

– Благодарю вас! – прозвучал ответ в том же настроении через постепенно нарастающий плазменный купол защитного стекла гермошлема.

Ганс взобрался и сел в кабину своей машины. После некоторых манипуляций внутри он опустил крышку и медленно начал движение вперёд, выворачивая машину в сторону курса. За удаляющимися от станции сиренево-бирюзовыми пятнами сопел ионных двигателей быстро опустились вниз большие секторные ворота.

Первые две мили группа двигалась на минимальной скорости, выстраивая все лётные характеристики и разогревая агрегаты машин. Для проведения миссии было принято решение использовать свою скрытую линию спутниковой связи поверх основной, закодированной, чтобы исключить опасность возможных диверсий с чьей-либо стороны именно в отношении поставленных задач. Таким образом, для того, чтобы случайно не вызвать ненужных подозрений у американских служб слежения, пилоты продолжали своё цифровое и радио присутствие в основной спутниковой системе

связи, но в случае её внезапного блокирования, они продолжали оставаться на связи между собой в своём скрытом режиме «Филин», не теряя оперативной возможности к продолжению достижения основных целей миссии.

До вхождения в зону Трансатлантических гор, отделяющих Полярное плато от Равнины Бэрда и шельфового ледника Росса, было двести двадцать пять миль пути. Из-за пурги видимость была средней, поэтому группа шла аккуратно, не превышая скорости в сто пятьдесят узлов. Все риски до достижения цели были максимально снижены, ведь правда всё равно вот-вот должна была раскрыться и немцы это хорошо понимали, а значит, второго шанса на такой поход у них не было. Все необходимые документы, коды допуска, схемы и чертежи на внутренние коммуникации «Базы 211» Эберт и Харман привезли с собой и сразу передали их Гансу вместе с приборами, специнструментом, альпинистским штурмовым такелажем, а также пластидной взрывчаткой, пятьюдесятью килограммами реактива для льда и двумя пятилитровыми газовыми горелками. Вся операция должна была быть проведена как можно быстрее для снижения времени на развёртку контрмер любым потенциальным противником, поэтому немецкие инженеры и специалисты в области такого рода задач постарались максимально подобрать всё необходимое оснащение в допустимо возможном мобильном исполнении. Штурм базы планировалось произвести Гансу и Йозефу, как более опытным специалистам и пилотам Поляр-

ной Навигации, а Эберт и Харман брали на себя предупредительно-защитные функции основной штурмовой пары. Таким образом, специально для этой миссии немецкое командование разработало тактическую расстановку, при которой вторая пара под кодовым названием «Die Wachen» («Ди Вáхэн», «Охранники») после пересечения Трансатлантического хребта, отходила в сторону Равнины Бэрда на несколько миль и контролировала подход сил противника, как из зоны горных хребтов, так и со стороны хвоста хребта на Полярном плато, так как по понятным причинам боевой выход из горной местности был координатно очевиден и органичен горными проходами, а, значит, предсказуем и тактически являлся более ущербным. Поэтому потенциальный противник мог просчитать этот ход для своей карательной группы и отправить её в объезд хребта, чтобы выйти на боевую позицию с совершенно открытого неограниченного пространства, что полностью меняло схему ведения взаимного огня. Первая же основная штурмовая группа носила кодовое название «Die Maulwürfe» («Ди Мáульвёфе», «Кроты»).

Предстоящий проход сквозь зону горных хребтов также планировался, как путь для отхода назад, поэтому его прохождению было выделено больше внимания, чтобы навигационные системы сновигаторов максимально точно записали в картах проложенный маршрут для его дальнейшего использования при оперативном возвращении двух пилотов в боевой обстановке. Группа «Die Wachen» в этом случае по

понятным причинам уже не учитывалась, оставшихся в Антарктиде пилотов должен был забрать передвижной гусеничный модуль эвакуационно-спасательных служб, который уже был отправлен в район предполагаемых операций. Брошенные выведенные из строя машины решено было отбуксировать на станцию «Ноймайер» позже.

Постепенно удаляясь от центра материка, интенсивность ветра и снега спадала и видимость становилась лучше. Это радовало не только потому, что облегчало психологическое восприятие обзорной панорамы постоянно движущегося навстречу пространства, а ещё и повышало реалистичность в созданной немцами легенде для прикрытия основных целей их миссии на основе тренировок по тактической стрельбе, ведь в условиях плохой видимости такие тренировки были практически неосуществимыми и это сразу бросалось в глаза наряду с хорошо известной всем немецкой расчётливостью и предусмотрительностью.

Пилоты размеренно вели свои машины, с каждой минутой продвигая детально разработанную концепцию их общей группы из двух тактических пар сквозь область задач, хронометрировано выстроенных друг за другом. Каждый из них сидел сейчас внутри своей кабины в стильном и невероятно комфортном лётном термокомбинезоне от «ADIDAS» и таком же броском гермошлеме, выполненным в паре с ним в абсолютно индивидуальной дизайнерской расцветке. Уютно погруженные в глубоких пилотных кожаных креслах с орто-

педическим рельефом, словно черепахи в панцире, они степенно оперировали функционалом, среди экранов, приборов, множества кнопок и других органов управления, подсвеченных светофильтрами аттенюатора и сочетающимися в единую абсолютно безупречную по своей надёжности систему прогрессивной эргономики, выполненной из нержавеющей стали вперемешку с супер твёрдыми пластиками и скрипучей тугой резиной. Инженерную красоту, осязаемую фундаментальность охвата и притягивающий комфорт джойстиков управления силовой тягой и боковой аэродинамикой можно было сравнить, наверное, лишь только с конструктивным дизайном легендарных пистолетов «Walter P38» или «GLOK 17». Внутренние тонкие механизмы климатических систем абсолютно точно и мгновенно отражали любые изменения по голосовому требованию пилота. Тонкий свист агрегатных систем за толстыми слоями шумоизоляции салона вперемешку с характерным запахом заводского ароматизатора и нежной струёй чистейшего ионизированного воздуха, подающегося из специальных щелей подбородочной части гермошлема напрямую к органам дыхания, наряду с особым пониженным чувством скорости из-за внушительных габаритов машины и высокотехнологичной подвески, создавали непревзойдённый эффект стабильного полёта в каком-то космическом челноке далёкого прогрессивного будущего.

В половине восьмого утра, не выходя из интервалов расчётного времени, группа начала вхождение в зону Трансат-

лантических гор по направлению к точке сопряжения границ ледника Росса и равнины Бэрда, которая была выбрана из расчёта наиболее геологически приемлемого постепенного перехода из области возвышенного горного плато к нестабильному рельефу шельфовых ледяных пластов. Здесь уже требовалась определённая концентрация внимания, ведь путь выбирался один раз с учётом целого ряда факторов и показателей, поэтому Ганс сразу же взял на себя роль ведущего группы и начал планомерно прокладывать дорогу, используя целый ряд программных систем своего снотриггера, оцифровывающих в определённом алгоритме отсканированную ультразвуковым сонаром матрицу окружающего ландшафта и выбирающих наиболее подходящие параметры обратного маршрута, моментально записываемого в навигационные карты бортовых систем.

Скорость машин упала до предельного минимума в шестьдесят узлов. Двигаться в таком режиме сквозь пояс хребтов предстояло около часа, но Ганс решил, что надёжней будет постепенно продвигаться по моментальному расчёту компьютера, чем постоянно возвращаться с множественными разворотами всей группы и более весомым риском в потере общего времени. Скорость прибавлялась только на открытых участках, редко встречающихся между основным горным массивом, и без использования форсажа. Вся смесь была рассчитана исключительно на боевые манёвры при возвращении назад. Даже здесь пилоты шли молча друг за дру-

гом, что создавало настроение полного отсутствия эмоций и глубокого внимательного вовлечения в эпизодическое расчленение каждого отрезка пути. Такое долгое и томительное продвижение их группы в этом районе чем-то походило сейчас на момент легендарнейшего восхождения западно-европейской рысью Первой горнострелковой дивизии «**Edelweiss**» на Эльбрус под командованием капитана Хайнца Грота 21 августа 1942 года.

– **Alles!** («Алес!», «Всё!») – утвердительно произнёс Ганс в эфир свою первую реплику за столь долгий период общего молчания, когда впереди перед его сновигатором между двумя высокими холмами, наконец, открылась огромная белоснежная гладь равнины Бэрда.

Группа встала, выстроившись в стандартную шеренгу. Через некоторое время, после того, как Ганс окончательно завершил все этапы обработки и передачи цифровой информации с центром, он вновь произнёс:

– Итак, карта окончательно сформирована и загружена в навигационные системы всех машин. Во всяком случае, мы будем первыми, кто проверит на практике метод программного расчёта тактической боевой схемы отступления на заданной дистанции. Переходим к второй фазе операции. Группа «**Die Wachen**» может занять свою позицию. Эберт, Харман, вы знаете, что делать! Удачи вам, парни!

– **Sieg Heil!** («Зиг Хайль!», «Да здравствует Победа!») – донёсся короткий приветственный лозунг в ответ.

Ганс хорошо понимал, что в случае контропераций с противоборствующей стороны они могут уже больше никогда не увидаться. Одной из директив на первом оборонительном уровне была установка «Не выходить из боя до полного поражения противника». В ином осмыслении это специально завуалированное для международных норм гражданского права в мирное время выражение означало «в случае боевого столкновения биться до смерти». Одним из таких приёмов при отказе боевой части у немцев был таран на форсаже, когда машину направляли к цели как ракету на всех максимальных нагрузках и катапультировали себя только непосредственно перед самым ударом. С каждым новым этапом миссии группа всё плотнее приближалась к суровой действительности предстоящих событий. Задание носило настолько серьёзный характер, что абсолютно не подразумевало под собой варианты просто потолкаться друг с другом на снотвораторах у чёрта на куличках, а конечные цели имели неопостижимое судьбоносное значение для будущего целых государственных систем с фундаментальным изменением доминирующих позиций в глобальной ситуации технологического прогресса.

Группы разошлись... Теперь одной паре оставалось достигнуть заданных координат и просто ждать на месте, а второй необходимо было преодолеть ещё около ста миль по равнине Бэрда в сторону моря Росса, чтобы зайти на ледник в том же месте, через которое в прошлый раз группа следо-

вала на Конкордию, так как следующий такой же по протяжённости отрезок пути по самому леднику до разлома был уже проверенным и заложённым в карты, что позволяло двигаться по нему в свободном скоростном режиме. В конечном итоге группа «Die Maulwürfe» потратила ещё полтора часа на то, чтобы подойти вплотную к тем самым координатам, которые Фрэя передала Гансу ещё на Конкордии, и ровно в десять часов утра Ганс произвёл общее оповещение о том, что группа приступила к фазе штурма «Базы 211».

Началась разработка местности. Оба пилота покинули свои машины с приборами измерения электромагнитного фона, и через несколько минут был найден эпицентр магнитного излучения, который и создавал сбой компасов на сновигаторах российской группы. Ганс расстегнул молнию и вынул из нагрудного кармана карту. Затем оставив Йозефа стоять на месте и руководствуясь только уровнем разлома, он отошёл в сторону на двести шагов и, достав лазерный дальномер, нацелил его на Йозефа, замерив тем самым точное расстояние. После этого, медленно продвигаясь в том же направлении, он достиг необходимых ему величин, заданных по карте. В эфире прошла короткая реплика: «**Komm zu mir!**» («Ком цу миа!», «Подойди ко мне!»). Йозеф сорвался с места и подбежал к Гансу. Затем Ганс повторил ту же процедуру дважды, продвинувшись таким образом по двум перпендикулярам.

– Неси металлоискатель, – сказал он Йозефу, оставшись

на месте в конечной точке своих расчётов.

Йозеф немедленно побежал к своему сновигатору, быстро взобрался в кабину, достал оттуда затребованный девайс и, спустившись вниз, вернулся обратно. Разложив металлоискатель, Ганс начал производить им круговые движения во круг, как будто обводя себя циркулем с каждым разом увеличивая диаметр окружности.

– Есть! – не меняя серьёзности в интонации, произнёс он, и оставив металлоискатель на месте обнаружения сигнала, двинулся к сновигаторам, чётко и быстро перечисляя новые предметы для выполнения дальнейших действий, – реактив, горелки, альпеншток и сапёрные лопаты, больше пока ничего!

Они направились к своим машинам. Несмотря на сохранение непреступного хладнокровного спокойствия, каждый из них сейчас начинал ощущать постепенное нарастание внутреннего ажиотажа. Оба в течение всего пути следования до ледника понимали, что всё это может оказаться просто случайностью, и оба, обнаружив квадратный метр металла по координатам от стабильного эпицентра магнитных помех, также понимали, что это уже не просто случайность и фактор неопределённости в этот момент распался совершенно окончательно.

Обильно засыпав выявленный участок реактивом, и выждав десять минут, немцы приступили к интенсивной расчистке талого льда и рубке прорастающих свежих слоёв

альпенштоками. Затем они снова повторили всю операцию сначала, и с каждой новой очисткой сквозь толстый слой льда наружу проступала тёмная поверхность конструктивной геометрии явно технологического характера. Интенсивная борьба с почти вековым слоем льда постепенно переходила в свою максимальную стадию, и вот уже после третьей засыпки, режимы обогрева термокомбинезонов были полностью отключены. Ситуация ухудшалась тем, что постепенно пилоты опускались всё глубже и глубже, что значительно затрудняло работу вдвоём, пока на глубине около семидесяти сантиметров остриё альпенштока Йозефа не ударилось о твёрдую металлическую поверхность, издав характерный тяжёлый бункерный гул под ногами. Ещё через десять минут безотрывной борьбы перед глазами обоих немцев предстал Орёл Вермахта в виде металлической отливки на тяжёлой круглой крышке люка в квадратном подиуме его основания. Вглубь толщи льда вокруг едва просматривались множественные металлические пруты, отходящие в разные стороны от каждой из граней подиума. На секунду оба пилота замерли – под ногами у них сейчас была их собственная вековая история, которую первыми во всём мире теперь могли видеть только они.

– Подгоняем машины вплотную, выгружаем вещи! – уже более конкретно и громко произнёс Ганс, – нам потребуется растворитель ржавчины. Залей им полностью вот эту крышку, пока я буду отправлять отчёт, и щель вокруг люка тоже.

В нижней части люка под свастикой в когтях орла находился прямоугольный лючок с выемкой для нескольких пальцев. Ржавчина не столь сильно разъела поверхность металла за то время, пока люк не был покрыт толщей льда. Её практически и не было, но время и давление сыграло свою коварную роль, и сопряжённые части сильно слиплись друг с другом. Пока Ганс завершал свою процедуру в кабине, специальный низкотемпературный растворитель проел достаточный слой в щелях, выделяя при этом обильную жёлто-белую пену. Ганс спустился вниз и прогрел газовой горелкой крышку, несколькими ударами молотка отбил одну из её сторон так, что оставалось только разработать её настолько же заржавелые петли. Металлические сплавы Третьего Рейха идеально сопротивлялись времени и не проржавели глубоко внутрь. За крышкой открывалась полость, глубиной десять сантиметров, внутри полости располагались четыре металлических крестообразных тумблера, пронумерованных буквами и цифрами, напоминающими неоднократные эпизоды эпохального немецкого компьютерного квэста «R.H.E.M.» Залив растворителем все щели соприкосновения тумблеров и дна полости, Ганс с Йозефом, разделив всю окружность люка пополам, начали прогревать горелками внешний контур вокруг него, каждый со своей стороны. Металл постепенно нагревался, вокруг становилось теплее, из образовавшегося ледяного колодца повалил пар от талого льда. Из под крышки начали доноситься характерные потрескивания

ржавчины в щелях и резонирующие гулом глубокого пространства щелчки расширяющегося от температуры металла. Через двадцать минут прогрева Ганс простучал тупой стороной альпенштока примыкание крышки и обечайки люка по всей окружности. Теперь всё зависело только от состояния трёх пружин внутреннего запирающего механизма, которые взводились штурвалом при запирании крышки люка изнутри. А при его отпирании задвигали к центру люка три запорных стержня в момент срабатывания спускового механизма, который приводился в действие определённой комбинацией тех самых крестообразных тумблеров. Комбинация была известна, но возникала ещё одна проблема, связанная с системой безопасности. Дело в том, что при отпирании люка снаружи запорные стержни, выходя из своих пазов высвобождали чеку срабатывания системы самоуничтожения, которая была механически связана металлическим тросом в тонкой длинной трубке с полностью закрытым кубическим контуром, нашпигованным взрывчаткой, и где он точно находился внутри базы было абсолютно неизвестно, как неизвестно было вообще, в каком состоянии сейчас внизу находятся все остальные коммуникации, включая лестницу, по которой в соответствии с планом сначала необходимо было ещё спуститься на глубину двадцати пяти метров. Расчётное время до взрыва составляло пять минут, и в принципе этого времени было вполне достаточно для того, чтобы спуститься вниз, дойти до места расположения контура и ввести ещё

один код, отменяющий срабатывание спусковой системы самоуничтожения, который также был известен немцам. Но возникало сразу несколько второстепенных вопросов, имеющих между собой необратимо фатальную взаимосвязь. И основным фактором в данном случае выступала вековая сохранность всех механизмов этого зловещего подземелья, которое в силу хорошо знакомых Гансу с Йозефом особенностей немецкого военного менталитета, ни в коем случае не простило бы никому даже малейшей ошибки.

Во-первых, таймер был установлен из расчёта на точную осведомлённость о местонахождении детонатора на территории базы. Во-вторых, оставалось по-прежнему неизвестным, насколько легко откроется люк после срабатывания его запоров и сколько потребуется времени на выполнение этой процедуры. В-третьих, само состояние детонатора вызвало массу подозрений, даже если бы его удалось быстро найти. К этому добавлялись ещё два фактора: первый – состояние переходов и дверей внутри базы, через которые неизбежно пришлось бы пробираться вниз в поисках месторасположения детонационного узла и второе – это всё то же неумолимое течение общего времени выполнения миссии, которое не переставало постоянно свербить сознание, не давая долгого времени на раздумья. Оттягивание времени грозило провалом всей операции ещё на этапе отхода с базы в результате возможного вмешательства в ситуацию сил противника на более раннем этапе. Таким образом, группа

«Die Maulwürfe» попадала в некоторого рода капкан, который сжимал их сейчас с двух сторон, притягивая своим цейтнотом к неизбежности выполнения абсолютно смертельного трюка.

Всё это время Ганс хорошо знал, о вероятности такого исхода событий, но их начало, в сущности, было положено ещё на Конкордии, когда он получил координаты, случайно узнав об аномалии, и темп, в котором они приближались к этому фатальному моменту, постоянно не давал им как-нибудь отвлечься и разработать более техничную и безопасную схему. Эта ситуация постоянно ускользала от его плотного анализа в куче других проблем, вопросов, неоднозначности целого ряда выводов по самому существованию базы, и только теперь он понял, что этот коварный принцип сработал, тем самым требуя от него определённого рода платы за то, ради чего они пришли в это место. Ганс должен был прыгнуть в эту пропасть, другого выхода у него не было, как не было и времени, чтобы долго собираться с духом.

Йозеф же понимал лишь часть этой истины, но его задачи были абсолютно не делимы в той же смертельной связке с Гансом, поэтому он каждую минуту прибывал в психологической готовности к смерти, лишь только с другими установками, носящими строго подчинённый характер.

– Цепляем люк к лебёдке твоего сновигатора, – внезапно продолжил разработку дальнейших действий Ганс, вынимая из кармана план внутренних коммуникаций базы и развора-

чивая его на крышке люка, – смотри, здесь есть два направления и сразу пять разных комнат, разделённых дверными проёмами, деактиватор заряда наверняка должен находиться где-то в одной из них. Трубка идёт по потолку, это достаточно высоко, к тому же она проложена рядом с линией электропроводки. С лестницы под потолком я смогу сразу определить её направление. Спускаемся вниз друг за другом, заходим в каждую комнату вдвоём и сразу внимательно ищем линию, по которой она идёт. Надеюсь, что двери не заперты, но в любом случае альпенштоки и дополнительные фонари берём с собой обязательно. Гестапо обычно прятало такие устройства в мебельных шкафах и книжных полках, поэтому попутно внимательно проверяем всю мебель, которая стоит у стен. Я контролирую открытие люка и захожу первым, ты прямым за мной, всё остальное ты сам прекрасно понимаешь.

Ганс говорил сейчас именно о том, что, спустившись вниз, им с Йозефом назад пути уже не будет, если конечно они не смогут вовремя отключить систему детонации, и Йозеф это сразу понял.

– Хорошо, я всё понял, я готов! – произнёс он в ответ.

Они переставили «Juger Wolf» Йозефа таким образом, чтобы вытянутый трос лебёдки крепился к откидной ручке крышки люка под наиболее удачным углом. Йозеф сидел в открытой кабине, готовый в любую минуту по команде Ганса запустить привод лебёдки, а Ганс, зафиксировав трос и

сложив рядом всё, что необходимо было взять с собой, начал набирать комбинацию кода допуска. Послышались гулкие щелчки внутренних механизмов, тумблеры проворачивались с большим усилием и чувствительно били в ладонь отдачей тугих пружин при фиксации в конечном положении. «4»...«F»...«7»...«S»

– Тяни! – резко скомандовал Ганс, отпрыгнув в сторону от люка, как только почувствовал мощную ударную вибрацию от резкого схождения запорных стержней.

Лебёдка рванула трос на себя, носовая часть сновигатора, в которой она располагалась начала крениться вниз под силой сопротивления крышки. В какой-то момент Ганс с досадой подумал, что крышка не откроется и её придётся дополнительно отбивать альпенштоками, а значит, они потеряют большую часть времени. Но вдруг послышался грандиозный объёмный хлопок, похожий на громкое открытие бутылки шампанского. В этот момент Гансу даже показалось, что он почувствовал этот звук ударной волной. Лебёдка настойчиво и интенсивно намотала трос до крайнего положения крышки люка без остановок. Ганс засёк таймер на кибер-панели рукава и ринулся вперёд к образовавшейся абсолютно чёрной круглой дыре внизу с активированными фонарями гермошлема и включённым дополнительным фонарём в руках. В первую очередь он проверил лестницу, которая оказалась в идеальном состоянии, но для иного варианта рядом специально была приготовлена альпинистская верёвка, привя-

занная к подвеске второго сноувигатора. Ганс сразу внутренне повеселел, ведь это также означало, что и все остальные металлические конструкции внизу тоже прекрасно сохранились. Верёвку он также скинул вниз на случай непредвиденных обстоятельств и сам быстро погрузился внутрь шахты, предварительно несколько раз сильно ударив ногами по лестнице, для проверки её надёжности. Находясь ещё по пояс в шахте люка, он внимательно осветил фонарём каждый запорный паз – в одном из них навстречу ему из тонкого посадочного отверстия в упор, как воронёный ствол взведённого пистолета, торчал вышедший наружу круглый стержень механизма активации детонатора.

– **Scheisse!** («Шáйзэ!», «Дерьмо!») – с напряжением в голосе прошептал Ганс, скорчив угнетённую гримасу.

Уже подбежавший в этот момент к люку Йозеф прицеплял специальными ремнями на кнопках к внешней стороне правого бедра альпеншток. Ганс спустился в шахту почти на шесть метров, пока за нижним её краем не началась потолочная часть внутреннего пространства, здесь его поджидала неудача. По своей сути «база 211» была вырезана внутри огромного ледяного массива, и потолком здесь являлся лёд, в который засверливались анкера и монтировались линии проводки, длинные свисающие вниз на несколько метров крепежи ламп и другие коммуникационные элементы. Всё внутреннее пространство естественно было усилено металлическими и деревянными балками масштабного карка-

са, а также межкомнатными перегородками из дерева и толстой фанеры. В надежде вычислить необходимую линию трубки, внутри которой пролегал трос механизма детонации, Ганс столкнулся с масштабным обледенением всех потолочных линий под толстым слоем инея. Сложные инженерные системы проводки такой базы естественно множественно разветвляли эти линии по разным сторонам практически в каждом отдельном помещении, поэтому вычислить наверняка необходимую трубку, освещая её светом фонарей оказалось невозможным. Ганс посмотрел на время, прошло уже тридцать секунд. Он посмотрел вниз, спуститься надо было ещё около двадцати метров.

– Йозеф! Нам надо поторопиться! – встревожено сказал он, – линии напрочь покрылись инеем, придётся обыскивать комнаты порознь!

На этих словах, держась руками за круглые вертикальные поручни из нержавеющей стали, он обхватил их ногами и начал быстро съезжать вниз, скользя по гладким обмороженным инеем трубам с силой прижимая к ним конечности.

ГЛАВА XIII. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПРОШЛОМУ

Достигнув пола из армированных металлических листов, Ганс сразу же осмотрелся вокруг, чтобы соотнести реальную структуру окружающей обстановки с расположением поме-

щений на плане. По сути, он стоял сейчас посередине большого технического промежуточного зала, который являлся некоторым разделителем одного длинного прохода, но имел по одной стороне две двери, ведущие в другие помещения, которые на плане также имели дальнейшее продолжение и соединялись через несколько комнат в конце. Именно этот сектор Ганс и выбрал, как место наиболее вероятное для расположения в нём контура самоуничтожения, так как по немецкой логике хорошо спрятать было гораздо проще, чем далеко бежать. Не медля ни секунды, он подбежал к первой двери и попытался открыть её. Дверь поддалась с трудом, промёрзшая древесина напрочь покрытая плотным слоем инея создавала хорошую сопротивляемость механическим воздействиям. Когда Ганс сделал шаг внутрь сзади к другой двери по соседству уже подбегал Йозеф.

Комната, как и предполагалось, была административного типа: большой письменный стол-секретер, несколько стульев, множество настенных шкафов и полок с папками, книгами и прочей конторской атрибутикой. Не медля ни секунды, Ганс приступил к молниеносной отработке активного участка. Хлопая дверцами шкафов и ящиков, отбрасывая в сторону стулья с другими предметами интерьера и скидывая папки с полок, он услышал доносящиеся через стену интенсивные звуки взлома. Видимо в соседней комнате было меньше мест для обыска, а следующая дверь оказалась запертой или же её совсем заклинило от продолжительного

времени. Стремительно продвигаясь дальше без малейших пауз на одной волне этой разрушительно-штормовой динамики уже совершенно разгорячённый Ганс с наскака вышиб ногой следующую дверь. Здесь находилась картотека, вдоль всех стен плотным кольцом стояли двухметровые шкафы с выдвигаемыми ящиками, посередине стоял один обычный стол для удобства выемки и сортировки документов. Ганс быстро взглянул на таймер – прошла одна минута десять секунд с того момента, как он открыл крышку люка. В этот момент он мгновенно осознал, что целесообразней будет сразу проверить третью комнату, которая находилась дальше на предмет трудоёмкости поиска, так как для того, чтобы выдвинуть триста ящиков потребовалось бы в лучшем случае минут десять, а это было бы уже однозначным провалом, и что ещё хуже – смертью. Мысли пролетали как молния, а реакции были ещё быстрее и, казалось, даже опережали их. Всё происходящее сейчас даже больше напоминало драку с хорошо поставленными ударами и энергичным подавлением противника, уровень адреналина и скорость реакций зашкаливали с каждым следующим движением и вот с удара ноги уже полетела вперёд вторая дверь. Эта была третья крайняя комната, которая исходя из плана, также должна была сообщаться дверью со второй комнатой соседнего параллельного уровня, на котором сейчас работал Йозеф. Комната оказалась абсолютно пуста, лишь только одинокий стул стоял в стороне от выбитой двери, оторвавшейся от удара с верхней

петли и вылетевшей вперед на ребро.

– Йозеф, что у тебя?!! – закричал Ганс с острой тревогой в голосе.

– Ничего не могу найти! Уже всё перевернул верх ногами! – прокричал тот ему в ответ.

– Скорее сюда, здесь нужна помощь! – позвал его Ганс.

Практически через мгновение с ужасающим грохотом и топотом ног в комнату картотеки вбежал Йозеф.

– Скорее, здесь их около трёхсот! – торопливо выдёргивая на себя длинные металлические ящики, произнёс Ганс.

Йозеф не стал ничего обсуждать и сразу же приступил к тем же действиям, только с противоположной стороны. Немцы с силой рвали на себя затвердевшие в роликовых направляющих и покрывшиеся лёгким инеем металлические короба, один за другим начиная снизу. Внутри были какие-то папки, документы и прочая бухгалтерская или инженерная номенклатура, что в принципе вообще не имело никакого значения. Время стало безжалостно убегать, как последние песчинки из песочных часов. Ганс мельком взглянул на таймер, до взрыва оставалось полторы минуты. Внезапно он ощутил какой-то родной прилив чувств, как будто он упорно ищет то, что находится у него под носом. «Зачем в пустой комнате стул?» – острой ясностью, близкой к разгадке, возникла мысль у него в голове. Он резко бросился обратно в третью комнату, схватил стул и начал водить по всем стенам световыми лучами на уровне двух с половиной метров. «Так

и есть!» – вдохновляющее озарила его радость окончательной находки. На дальней стене прямо посередине была еле заметная горизонтальная дверца, абсолютно сливающаяся с общим фоном. Ганс снова взглянул на таймер – оставалась одна минута. Он встал на стул напротив найденного тайника и приоткрыл дверцу вверх. Его взору предстали четыре таких же тумблера, как и до этого на крышке люка. Ганс запомнил комбинацию специально на случай экстренного ввода в последний момент, чтобы не тратить драгоценные секунды оставшегося времени на возню с выемкой бумаг из кармана и раскладкой их в поисках нужной записи. «U9Z0» аккуратно и быстро набрал Ганс столь значимые для него в этот момент символы. Внутри за металлической стенкой что-то многозначительно щёлкнуло. Только теперь, ощутив прохождение критической точки, Ганс окликнул Йозефа, который и сейчас всё также продолжал яростно выдвигать ящики картотеки.

– Отбой, Йозеф! Процедура завершена! – громко крикнул он.

Послышались несколько скачущих тяжёлых шагов, – в комнату забежал совершенно заведённый Йозеф, чрезвычайно быстро и тяжело дышащий от переизбытка адреналина в крови.

– Ты деактивировал заряд? – с радостью и облегчением спросил он.

– Да, всё кончено! Мы победили! – немного опустошенно

повторил Ганс, сидя на стуле, опустив голову и приходя в себя от остаточного шока.

Общее состояние было таким, как будто их вдвоём сейчас только что пропустили через какую-то адскую шкатулку с внутренним механизмом насильственного выполнения издевательских физических упражнений.

– У меня такое чувство, Йозеф, что мной только что отыграли кукольный спектакль в театре марионеток, – задумчиво произнёс Ганс, спустя некоторое время.

Йозеф немного по-идиотски хмыкнул в ответ, совершенно не осознавая в данный момент логики естественных реакций, а просто постепенно успокаиваясь, стоя на месте, как вкопанный. Затем он наклонился вперёд и упёрся руками в колени, чтобы окончательно перевести дух и лишь спустя ещё некоторое время понял, что можно принести стул из первой комнаты и тоже сесть на него, как это сделал его напарник.

Так они просидели около десяти минут, постепенно переходя в абсолютно естественное и даже комфортное состояние. Система автоматического выравнивания внутренней атмосферы термокомбинезонов постепенно сбросила повышенную температуру разгорячённых до предела организмов. Теперь у них было время не только для того, чтобы привести в порядок системные данные, такие как, например, температура внутри базы и примеси в воздухе, но и от души насладиться серьёзным фактором преодоления наверно самого

опасного этапа на протяжении всей их миссии. В принципе им уже ничего не угрожало, а вокруг таился целый мир, который никто ещё не видел, и они сейчас были единственными, кто мог вдоволь насладиться историей столь скрытого и фундаментального сооружения.

Видеокамеры, встроенные в гермошлемы конечно же всё это время вели сохранение и передачу происходящего через спутник в командный центр на станцию Ноймайер, но всё это было лишь отдалённым не естественным прикосновением, которое имело исключительно документальный характер, совершенно не передающий истинных ощущений от пребывания здесь, среди настоящих, практически даже не тронутых временем, свидетельств существования и деятельности особо засекреченной антарктической миссии Третьего Рейха, воплотившей в реальность гениальный проект Адольфа Гитлера под названием «Новый Берлин».

Отдохнув и насладившись самыми воодушевлёнными чувствами своей первой нелёгкой победы в этой опасной миссии, Ганс и Йозеф отправились на осмотр и более тщательное ознакомление с внутренней обстановкой базы. Уже выходя из первой комнаты, они обратили внимание на знакомый образ висящего на вешалке для одежды автомата «MP-40». Выйдя в ремонтно-технический зал, в который они спустились снаружи и, обведя световыми лучами всё пространство перед собой, они увидели привычное для таких военных коммуникаций Третьего Рейха огромное изоб-

ражение Орла Вермахта на противоположной длинной стене.

– Куда пойдём сначала: налево или направо? – спросил Ганс.

– Пошли туда, – ответил Йозеф, указав рукой в правую сторону.

Учитывая строгий режим операции по времени и то, что сейчас они были не на романтической прогулке возле Брандербургских Ворот в центре Берлина, их ознакомительный маршрут проходил в довольно интенсивном темпе без особых остановок с постоянными обзорными движениями головой и приближением вплотную к трудно заметным объектам. Такой режим обхода был также спланирован и согласован заранее именно для того, чтобы оставить документальные видеоматериалы с максимальными подробностями, так как база по плану должна была быть в конце уничтожена с помощью того же самого кодового детонатора.

Пройдя небольшой коридор, они вышли к центральной основной части базы с причалами, где на огромном пространстве располагался уже естественно полностью замёрзший бассейн судового дока, заканчивающегося такими же замёрзшими огромными гидрозатворами батопорта для выхода судов в область разлома. В толще льда тупиковой стороны дока, как в застывшем бетоне, своей подавляющей боевой грациозностью и грозной силой непревзойдённого эпохального дизайна морских подводных судов, навевая чувство

некоторой элегической скорби, красовалась верхняя палуба с командной рубкой подводной лодки класса «7С» с промёрзшим скомканным флагом Вермахта на флагштоке и белой эмблемой на борту в виде Пингвина на льдине с бутылкой. Лодка использовалась не только, как транспортное средство, но и как мобильный генератор, питающий базу. На противоположной стороне причала располагался танк с дизельным топливом, от которого к заправочной секции на палубе до сих пор ещё тянулся кусок развалившегося от старости толстого замёрзшего топливного шланга.

– Полезем внутрь? – спросил Йозеф.

– Нет! К тому же это не безопасно, – категорически ответил ему Ганс, и, сделав небольшую паузу, добавил, – надо начинать искать хранилище с сейфами, всё остальное не важно. Не будем оттягивать время на обратный путь!

После этого он снова достал план расположения внутренних помещений базы и указал пальцем на отдалённую область через несколько секторов, разделённых коридорами, похожими на предыдущий.

– Думаю нам сюда, – предположительно произнёс Ганс, – это самый отдалённый участок с хорошей оборонительной способностью.

Они осторожно перешли на другую сторону причала по замёрзшему бассейну дока. В некоторых местах вновь образовавшегося под ногами ледника были глубокие чёрные трещины от неравномерного и долгого перераспределения

тепла, соли и давления при замерзании стоячей воды внутри неестественного слишком объёмного пространства, изолированного от периодически меняющихся снаружи погодных условий. Ближе к батопорту на обоих причалах сверху располагались огневые пулемётные точки, обложенные мешками с песком. На одной из них был виден свисающий с пулемётного станка дулом вниз «MG-42», как настоящий ветеран – свидетель тех событий, устало и покорно склонивший свою голову перед временем и историей.

Немцы подошли к арке небольшого тоннеля высотой пять метров, ведущего в другой корпус базы. Из тоннеля к причалу выходил рельсовый подкат для быстрой транспортировки тяжёлых грузов.

– Внимательней смотри под ноги, Йозеф! – внезапно сказал Ганс, – не известно, в каком режиме покидалась база. Возможно, консервируя её командование минировало подступы к главному центру, где должно находиться хранилище, а запирающий механизм крышки люка просто взвели и поставили на комбинацию ударного срабатывания запоров, захлопнув снаружи.

– Я понял! – прозвучал короткий ответ.

Через тридцать метров тоннель раздваивался, на образовавшемся встречном углу висел двухсигнальный семафор, снизу располагался ручной механизм стрелочного перевода. Уже с первых минут пребывания в центральной части базы «Новый Берлин» сразу отчётливо осознавался её конструк-

ционный фундаментализм.

– Да-а... Гитлер хорошо постарался! – размеренно произнёс Йозеф, постепенно продвигаясь вперёд по тоннелю, – будет жалко пустить это всё на дно.

– Ты просто не понимаешь, о чём идёт речь! – строго возразил ему Ганс, – то, зачем мы пришли сюда – это ключ к будущему Германии! Будущему целых поколений после нас. Неужели ты думаешь, что командование заставило бы нас так рисковать своими жизнями ради простого музея? При этом, если мы доведём поставленную задачу до самого конца, ни один ферзь Британской Короны не докажет потом, что эта база вообще когда-либо существовала!

Йозеф промолчал в ответ, именно в таких случаях он придерживался достаточно сухой и примитивной тактики максимально выполнять текущие рекомендации по делу, не отвлекаясь на посторонние размышления. Сбоку в стене оказалась пулемётная брешь, расположенная под углом к основной плоскости стены навстречу идущим, в двух метрах за ней был вход в расположение оборонительной огневой позиции. Из бреши торчал тот же «MG-42» на пулемётном станке.

– По-видимому, мы движемся в правильном направлении, – подметил Ганс, – особо охранялось именно это направление.

Через двадцать метров у самого выхода из туннеля по обоим его углам в стенах были выполнены аналогичные бреши

из расчёта огневой позиции с внешней стороны. Выйдя из тоннеля, немцы увидели висящие на обеих стенах по бокам от арки автоматы «МР-40» и стоящие рядом на полу ящики с магазинами к ним. Выход упирался в зал, по своему строению аналогичный тому, в который они спустились, только вместо технических приспособлений, станков и верстаков с инструментом здесь находился склад. Вверху была кранбалка, по всему периметру стояли большие деревянные ящики, бочки и сундуки инженерной, военной и продовольственной тематики. Чуть дальше располагались полки, на которых стояли коробки с консервами. Из под полуразложившегося картона, покрытого инеем, едва заметно ещё кое-где проблёскивали защитные напыления цветного металла на проржавевшем железе банок. За ящиками на большой стене прямо напротив арки сквозь иней проступали контуры огромной чёрной свастики внутри изображения Розы Ветров.

– А вот и грузовая дрезина, может, хотя бы прокатимся на обратном пути? – пошутил Йозеф.

Ганс молча остановился и снова достал из кармана схему расположения объектов.

– Лучше расскажи мне, как мы будем покидать базу при возникновении внезапной опасности, – строго спросил он в ответ, – меня интересует чёткий алгоритм действий в экстренном режиме!

Йозеф не смутился и сразу же начал определять по порядку все этапы экстренного отступления:

– Пара делится у выхода. Я быстро поднимаюсь наверх, пока ты фиксируешь груз к верёвке. Я поднимаю груз, пока ты вводишь комбинацию взвода механизма самоуничтожения на пять минут. Подняв груз, я запускаю сначала твой сновигатор, затем свой сновигатор, затем возвращаюсь к люку. К этому времени ты должен уже подняться наверх. Мы перегружаем груз к тебе – я подаю снизу, ты забираешь сверху. После этого мы быстро покидаем данный участок в области разлома на форсаже.

– Всё правильно, нам туда, – продолжил своё движение Ганс, указав пальцем в направлении между ящиками.

За одной из стен сплошного ряда стеллажей находились невзрачные металлические двери, похожие на входы в простые подсобные помещения. Ганс схватился за ручку одной из них и потянул на себя, – дверь напряглась, хрустнула и с тяжестью открылась, металл внутри петель подвергся частичному диффузионному слипанию в результате долговременной плотной посадки под давлением. Немцы осторожно зашли внутрь и ужаснулись, застыв на месте. Перед ними открылась комната десять на десять метров, в центре которой за большим обеденным столом на стуле сидела мумия офицера в форме «SS» во всём параде и с приоткрытым ртом смотрела на них своей смертельной гримасой. Рядом на столе стояла плоская пустая бутылка и коньячный бокал. Руки свисали к внутренним поверхностям бёдер, создавая, таким образом, печальную картину уставшей безысходности, про-

ведённой в последние минуты перед смертью. Вокруг вдоль стен была кухонная мебель, диваны, кресла, радиопередатчик на небольшом столе и граммофон в углу на тумбочке. На стене висела доска с обвалившимися и свисающими вниз кусками нескольких объёмных карт. В стороне на полу валялся разбитый глобус, вероятно офицер со злости ударил по нему перед тем, как покончить жизнь самоубийством, хотя возможно это мог быть и кто-то другой, кто не стал хоронить себя здесь, как фараон в египетской пирамиде. С другой стороны от мумии лежал журнал, по-видимому, это был вахтенный журнал командования базы. Ганс подошёл ближе и аккуратно стряхнул иней с петлицы, на которой проступил дубовый трилистник. Затем он также аккуратно открыл страницу с последней записью в журнале и, взяв его двумя руками, поднял ближе к себе и внимательно прочёл написанное.

– Ральф Зигерт... Бригадефюрер СС... – медленно произнёс он, – занимал должность начальника базы и старшего командира её боевых частей.

Ганс осторожно оттянул на себя пальцами воротник парадного кителя и вытянул оттуда за шнурок посмертный жетон, прочёл его и, отломав нижнюю часть, заложил вторую половину жетона обратно за воротник.

– Алюминиевый... – продолжил он с той же изучающей интонацией, – значит в звании был уже до сорок первого года, награждён Железным Крестом Второй степени.

– Может награды забрать для родственников? – предло-

жил Йозеф.

– Ни в коем случае! Пусть всё остаётся так, – ответил Ганс.

Затем он аккуратно вырвал последнюю страницу и, завернув в неё половинку жетона, запрятал в небольшой карман на своём рукаве, застегнув его молнией.

– Почему он остался здесь, Ганс? – спросил Йозеф.

– Высокие принципы нацизма и преданность делу НСДАП... Он не захотел возвращаться в поверженную Германию, а бегство было ниже его достоинства. До сорок первого года в званиях Бригадефюрера и выше были представители старой школы, очень фанатичные люди, ребята, можно сказать, из первых штурмовых отрядов. Такие евреев ещё в подворотнях Вены, Мюнхена и Берлина резали, как свиней.

– Как он умер?

– Отравился... Подмешал себе яда в коньяк и выпил.

– А почему он тогда так ровно сидит на стуле? Разве от цианида не корчатся в конвульсиях на полу?

– Значит, это был не цианид, а что-то седативное, усыпляющее.

Ганс нагнулся над столом и внимательно осмотрел его поверхность перед трупом. Поковырявшись немного, он поднял что-то перед глазами, в руке оказалась маленькая надломленная ампула. Ганс потёр её пальцем другой руки и прищелкнул.

– Морфий... – произнёс он, разобрав надпись на стекле, – всё, пора двигаться дальше! Помогите мне!

Эта комната являлась чем-то наподобие кают-компаний, замаскированной специально под хозяйственно-бытовое помещение для того, чтобы не привлекать к ней особого внимания, так как она являлась промежуточным звеном между основными секторами базы и скрытым хранилищем, рядом с которым необходимо было присутствовать старшим офицерам круглосуточно во время несения вахты. Поэтому здесь и располагалась радиостанция, так как в случае нападения из этой комнаты велись основные оперативные действия по защите или уничтожению артефактов, особо секретных документов и других материалов, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки врагу.

Ганс подошёл к платяному шкафу для одежды, который из всей габаритной мебели был здесь относительно транспортабелен, открыл его и внимательно осмотрел его внутренне пространство, после чего начал прощупывать и просматривать щели по обеим его сторонам.

– Надо его просто отодвинуть, – сделал он окончательный вывод, после анализа пространства между шкафом и стеной.

Они схватили его руками по бокам и отодвинули в сторону. За шкафом находилась небольшая скрытая дверь, по размерам сравнимая с гаражной калиткой, с аналогичной полостью посередине, закрытой лючком и тем же стандартным механизмом ввода кодовой комбинации четырьмя диаметрными тумблерами. Ганс достал из кармана сложенные листы и, просмотрев их, начал вводить нужный набор сим-

волов «3X5В». Внутренний механизм безотказно издал отчётливый щелчок, Ганс надавил толстую железную дверь от себя, и перешагнул внутрь. За дверью находилось хранилище с сейфами, комната той же высоты, что и предыдущая, только в два раза короче. Собственно само хранилище при строительстве и было продолжением помещения кают-компании. Его отделили, разграничив толстой стеной из металлоконструкций, металлических листов, деревянных балок и фанеры. Его пространство являлось единственной полостью на всей базе, уходящей в толщу ледника в этом направлении, поэтому инженерно просчитать лишнее пространство за стеной, сравнивая его с параллельными помещениями было невозможно. Внутри стояло три больших одинаковых сейфа, два из которых не открывались никогда, или любой из этих двух открывался дежурным офицером только в единственном случае, – когда враг стоял за спиной. В центре двери каждого сейфа располагался тот же самый механизм ввода кодовой комбинации в виде четырёх шестипозиционных тумблеров.

– Ты знаешь, Йозеф, – вдруг спросил Ганс с несколько заинтригованной интонацией в голосе, – что в директивах Вермахта существовали пункты, позволяющие старшим офицерам командования в некоторых случаях самостоятельно изменять коды допуска и места расположения объектов особой секретности?

– Ты хочешь сказать, Ганс, что они стали бы переставлять

местами такие тяжёлые сейфы в последний момент?

– Почему в последний, Йозеф?

– Но ведь последние радиошифровки, сделанные за неделю до смерти Гитлера не содержали такой информации, не так ли? Значит, они могли сделать это только в последний момент. И почему вообще тебе вдруг пришла в голову эта мысль?

– Понимаешь, Йозеф, перед тем, как сделать ход, я всегда просчитываю логическую цепочку в полном объёме. Уничтожить базу можно двумя способами: или с помощью контура самоуничтожения, который мы деактивировали в самом начале или открыв сейф с бомбой. Но, чтобы перекодировать устройство контура, пришлось бы частично разбирать стену, на что ушло бы много времени и это однозначно оставило бы следы. А вот для того, чтобы переставить сейфы местами, нужна только подъёмная грузовая тележка, которых на этой базе, наверное, не меньше пяти.

– Хорошо, Ганс, я тебя понял. Тогда ответь, зачем было это делать?

– Не знаю, Йозеф, мне просто не понравилась его прощальная запись в журнале, логически этот вариант просчитывается именно таким образом, общие директивы позволяли ему это сделать, именно поэтому я и задумался. А если я задумался, то я должен поделиться с тобой, как со своим напарником, который также может улететь в тартарары по этой причине.

– Давай так, Ганс... Возможно это не твоя чрезмерная предосторожность. Быть может, ты что-то почувствовал, войдя сюда, и твоя хладнокровная рассудительность была нарушена этими предчувствиями, связанными с письмом? Если это так, то мы открываем тот сейф, который указан в документах. Но если есть действительно просчитываемая причина, в которую явно упирается твоя логика, то назови мне её.

– Такой причины нет, но та лодка, которая вывозила отсюда последних людей, бесследно пропала, не оставив живых свидетелей, которые бы могли её знать.

– То есть ты хочешь сказать, что, уходя, они оставили здесь вот такую коварную ловушку с «пиратским трупом возле сундука», ключ от которого собирались передать лично оставшимся в Германии членам общества «Туле» или «Врил»? Это слишком запутанно Ганс. Ни «SS» ни «Кригсмарине» в тот момент не стали бы так усложнять и без того тяжёлую ситуацию.

– Наверно ты прав, Йозеф. Я просто посоветовался.

И Ганс, подойдя к первому сейфу, начал вводить шифр. «2»... «R»... «9»... «V» – механизм резко щёлкнул глухим шершавым звуком, дверца сама приоткрылась под действием специальных пружин. Ганс открыл её полностью, внутри было две полки, равномерно разделяющих всё внутреннее пространство на три части, высотой в пол метра. В самом низу были аккуратно сложены золотые слитки и пачки

денег, включая валюту иностранных государств. Полка посередине была полностью занята папками с секретными документами. Именно они больше всего интересовали немцев. На верхней полке находился армейский водонепроницаемый сундук цвета хаки, рядом с которым лежал заряженный автомат «МР-40», пистолет системы «Вальтер Р-38» с Имперским Орлом на рукояти и несколько ручных пехотных гранат, всё оружие, кроме гранат было поставлено на боевой взвод. Тут же на полке предусмотрительно лежали сложенные армейские сумки на случай экстренной эвакуации. Ганс начал доставать по одной папки из сейфа и аккуратно складывать их в сумки из плотного прорезиненного брезента, армированного толстыми кожаными ремнями. Сумки имели низкую вытянутую форму, несколько ремённых перетяжек по всей длине и могли переноситься при необходимости, как альпинистский рюкзак. Всего получилось две таких сумки. Перед тем, как упаковать металлический ларь, Ганс открыл его. Внутри в специально изготовленной контурной форме из прессованной ваты и мягкого плюша, дополнительно уложенный в тонкий шёлковый мешочек, находился небольшой медный кубок, внешне характерно отличающийся античной эстетикой. Он был довольно простой, но в тоже время отличался оригинальным выгравированным орнаментом. Вместе с кубком в ларе лежала твёрдая папка, в которой находился сложенный вчетверо древний манускрипт на греческом языке с гравюрой этого кубка.

– Думаешь, это и есть настоящая Чаша Грааля? – спросил стоящий рядом Йозеф, наблюдая происходящее со стороны.

– Кто его знает, – ответил Ганс, вращая кубок в руках, – поговаривают, что её совершенно случайно обнаружил какой-то никому не известный немецкий геолог на любительских раскопках в Греции вместе с этой рукописью. находку тот час же скрыли, чтобы не привлекать ненужного внимания масонов и Папы Римского. Геолог тоже пропал, и от всей этой истории осталась только одна легенда о том, что Чаша спрятана на секретной базе «Новый Берлин». Посмотрим, чем закончится эта миссия, Йозеф, но в любом случае то, что «База 211» невредима и спустя столько времени мы с тобой забираем отсюда все эти бесценные материалы, можно считать уже чудом.

– Золото будем забирать? Неплохой бонус получится к основной добыче, – поинтересовался Йозеф.

– Нет, золото мы оставим здесь вместе с нашим фанатично преданным товарищем, который так долго и добросовестно охранял это всё для нас и народа Германии! К тому же его здесь килограмм сто – сто пятьдесят, – мы сильно перегрузим свои машины, и это обязательно подведёт нас, когда нам потребуются высокая скорость на сложных манёврах.

– Ладно, тогда возьму на память этот пистолет. Очень хороший образец, жаль только без кобуры, ну да ничего, придётся купить на он-лайн аукционе.

– Я, кажется, видел одну в шкафу, который мы отодвига-

ли, посмотри в нём, – подсказал Ганс, закрывая и упаковывая железный сундук во второй мешок.

– Отлично! – произнёс Йозеф и, взяв одну уже упакованную сумку, отправился в предыдущую комнату.

Чуть погодя, взяв вторую сумку, за ним из хранилища вышел Ганс.

Немцы возвращались довольные, но, не смотря на это, Ганс старался поскорее покинуть это место. Чувство превосходно достигнутого результата провоцировало в нём крайнюю обеспокоенность сохранением драгоценной добычи и скорейшей её транспортировкой на Ноймайер без лишних приключений и проблем. Поэтому любые альтернативы этой задаче для него сейчас были излишними и абсолютно не интересующими, хотя бы даже в некоторой степени. Йозефу же было всё равно, потому что так было нужно, исходя из ритма текущей процедуры, который задавал сейчас Ганс. Он никогда не позволял себе нарушать общий план выполнения задачи чрезмерной назойливостью своего любопытства или других внутренних эмоций, не имеющих отношения к делу. Уходить вот так второпях, не осмотрев до конца всю базу, было конечно делом очень опрометчивым с точки зрения исследователей, но они вдвоём выполняли здесь далеко не исследовательские задачи, и сейчас им надо было психологически готовиться к продолжительному сложному бою, как к более вероятному исходу их миссии, чем сожалеть о навсегда утраченной, так и не прочитанной до конца странице ис-

тории.

Так и получилось... Поднявшись наверх, загрузив все вещи и запустив машины, Ганс спустился вниз и набрал комбинацию взвода режима самоуничтожения базы. Когда они отъехали на достаточное расстояние от места их дислокации, прозвучал каскадный залп взрывов. Остановившись, они обернулись, чтобы посмотреть, на оставшееся от скрытых внутри ледника коммуникаций место. Теперь это была лишь гигантская выбоина, площадью около десяти тысяч квадратных метров наполненная большими кусками плавающего льда. Всё остальное навсегда забрала себе вечно холодная чёрная глубина океана. Пилоты уходили с разлома на полной скорости, испытывая невероятные ощущения от эпичной картины той итоговой точки, которую они только что так фатально и необратимо поставили назло всем тем, кто долгое время пытался вмешаться в неоспоримое фундаментальное достижение Третьего Рейха и самых ярких представителей немецкой нации того времени. Они уходили без капли сожаления за свою историю и за невероятный труд этих людей. В их глазах сияло только будущее, только развитие и продолжение совершенствования высокотехнологичных форм, которые всегда со времён Альбрехта Дюрера и Иоганна Себастьяна Баха являлись сто процентным залогом прогресса Германии и её народа!

Когда до выхода с ледника на Равнину Бэрда оставалось около двух миль в радио эфире прозвучало тревожное сооб-

щение от группы «Die Wachen»: «Группе «Dia Maulwürfe»! С западной стороны к нам приближаются четыре сновигатора! Мы выдвигаемся им навстречу! До точки соприкосновения около десяти минут! В случае провокации сразу вступаем в бой! Конец связи!»

ГЛАВА XIV. АМЕРИКАНСКИЙ РАСКЛАД

– Итак... – начал Джек Райт постановку общей боевой задачи пилотам, построенным у стены прямо в коридоре, стоя с одной стороны напротив образованной шеренги и заложив руки за спину, – мною получено разрешение на перехват немецкой миссии, а именно четырёх пилотов, двое из которых вам уже хорошо известны, поэтому вы без моих объяснений сейчас понимаете, с кем будете иметь дело. Что каса-

ется второй пары, то уверяю вас, они натренированы не хуже и, в профессиональном отношении являются практическим аналогом первой пары бойцов. Так что держитесь там за всё, за что положено держаться, – бой будет характерный и меня в данном случае по понятным причинам интересует только победа, а не поражение! К слову эта победа нужна не только мне, а всем, кого вы знаете из нашего Управления Программой, да и всей Америке в целом. Основной целью для вас будет являться как раз первая пара, которая сейчас находится на шельфовом леднике Росса. По нашим предположениям, и они, скорее всего, верны, на борту одного из их сновигаторов находятся ценнейшие артефакты с так называемой секретной «Базы 211», которую мы с англичанами искали всю первую половину двадцатого века, но, к сожалению удача в итоге повернулась не в нашу сторону и сейчас мы с вами будем предпринимать попытки исправить эту ситуацию. Практически наверняка эти артефакты будут на борту сновигатора «Meerschlag» Ганса Майера, которого в одной боевой связке будет оборонять «Йозеф Кёхлер» на сновигаторе «Juger Wolf», пока тот будет стремиться уйти вперёд через коридор Трансатлантического хребта по Полярному Плато, затем Западной Равнине к себе на базу «Ноймайер». Его нужно сбить, остановить, в общем, всё, что угодно, лишь бы он не ушёл. Остальное мы с Биллом Фишером сделаем сами и это уже не ваша проблема.

Пилоты стояли по стойке смирно и внимательно слуша-

ли всё то, о чём говорил им Джек. Такие моменты не были для них чем-то особенно новым и часто происходили ранее при объяснении и корректировке стратегий на международных чемпионатах. Но именно сейчас они все столкнулись с совершенно иным подходом и внутренним настроем Джека, который уже всерьёз нагнетал тяжесть настоящей боевой операции, что несколько меняло психологическую картину происходящего и заставляло совсем иначе относиться к тем тактическим действиям, которые будут происходить. Сам Джек продолжал свой чёткий упорядоченный ряд определений текущих позиций, ходов и возможных вариантов в предстоящей схватке, задумчиво погрузив свой взгляд куда-то в пустоту и только иногда на мгновение возвращаясь, чтобы мельком бросить его на лица пилотов.

– Теперь поговорим о тактической расстановке противника... Первая пара не просто так заняла позицию между точками выхода из зоны гор к леднику и западным хвостом хребтового пояса. Они контролируют оба подхода к основному лагерю их действий. Присутствует фактор времени, который для них очень важен и который также важен для нас. Чем раньше мы вступим с ними в бой, тем меньше у них будет шансов выбраться из образовавшегося котла конфронтации к свободным позициям за пределами Трансатлантического хребта. В этом случае, они рассчитывают на то, что для подхода к ним мы будем использовать горный коридор, чтобы сократить время почти на час. Но при этом мы теря-

ем боевую эффективность, так как местоположение выхода из коридора просчитывается, и вас просто сразу расстреляют на выходе из него с двух сторон под таким углом, что вы даже не сможете открыть встречный оборонительный огонь. Поэтому придётся выходить на боевую позицию с западной части, чтобы подойти с полностью открытого для манёвров пространства, где ваша уязвимость будет полностью зависеть от вашего пилотирования машин. В данном случае я предлагаю вам взять как можно больший интервал боковой дистанции и подойти к ним широкой стеной, что позволит окружить их или же разбить на две части. И тот и другой вариант одинаково эффективен в плане удержания инициативы в перестрелках, а численное преимущество в соотношении четверо против двоих даёт хорошую возможность оптимального завершения боя с максимальным сокращением потерь. Огонь можете открывать первыми, впоследствии с точки зрения правовых норм для вас это не будет иметь никакого значения. Все эти вопросы не должны вас волновать, в вашу задачу входит предотвращение отхода немецкой группы на свою территорию с интересующими нас материалами на борту! У кого есть вопросы?!

В коридоре наступила пауза молчания.

– Что ж, – продолжил Джек, – ваше молчание меня в целом не удивляет. Обсуждать тут нечего и всё решит реальная обстановка на месте. Не буду тратить столь драгоценное для всех нас время и хочу пожелать вам крепкой удачи! Мы

с Биллом Фишером всё это время будем наготове и выдвинемся сразу же вместе с эвакуационной группой в расположение подбитого сновигатора Ганса Майера, другие спасательные вездеходы выдвинутся немедленно в эпицентр основного столкновения, так что вы не успеете замёрзнуть, ну если только не сломаете себе шею раньше этого времени. А теперь по машинам!

Группа пилотов развернулась по направлению к выходу из коридора и направилась в машзал технического модуля. Через десять минут четыре машины одна за другой без длительных интервалов с монотонным системным гулом и свистом исходящей ионизированной топливной смеси начали отходить с территории стартового полигона вдаль, постепенно ускоряясь и поднимая в воздух обильные тучи сухого снега, наметённого недавней пургой. Курс был взят к западному хвосту Трансатлантического хребта, расстояние до которого составляло двести тридцать миль. Пурга ушла на восток, и ветер к моменту выхода со станции уже совсем прекратился, поэтому видимость была прекрасная и на всём протяжении следования по пространству Полярного Плато позволяла удерживать максимальный темп скорости движения машин. Настроение у пилотов было серьёзным и в тоже время, не смотря на свободную раскованность и спокойствие в привычной процедуре пилотирования, внутри каждого из них сейчас присутствовал фактор некоторого беспокойства перед схваткой в ином не естественном для них формате. Ни-

кто не испытывал ни сопернического стремления, ни хоть малейшего намёка на командный ажиотаж, наоборот, чувство настороженности и тревоги было для них единственным спутником, хотя это и не являлось следствием внутренних философских переживаний о правоте противоборствующих сторон. Спустя сорок минут тишину в эфире нарушил голос «Little Coldy».

– Парни, вы как?

– Со мной всё в порядке, – донёсся невозмутимый ответ «Малыша Хью».

– Со мной тоже! А ты что так забеспокоилась? – прозвучал голос «Джокера».

– Вы меня в идиотскую ситуацию поставили, теперь я не могу понять, отвечать мне или нет? – вмешался «Снеговик» с долей негодующего сарказма.

– Всё в порядке, «Снеговик»! – продолжала «Coldy» сквозь смех, – может, обсудим тактику нападения, а то моё чувство уверенности не совсем адекватно реагирует на полученную от Джека информацию?

– Ты что сдрейфила? – моментально осёк её «Малыш Хью» и сразу же продолжил, – тут нечего обсуждать, обычный бой, как на соревнованиях. Подходим к ним вплотную, окружаем и разносим в хлам, затем едем дальше!

– Ладно! Хотя бы убедилась, что вы себя нормально чувствуете, – несколько недовольно, сохраняя серьёзную интонацию голоса, гордо ответила Джесси.

Диалог неожиданно продолжил «Джокер».

– На самом деле она права, «Хью», – хотелось бы знать заранее, как они будут реагировать при наступлении? Согласись, просто идти напролом и вести встречный огонь – это слишком простой и кратковременный манёвр, после которого они просто резко развернутся и сядут нам на хвост. В этом случае двое из нас сразу превратятся в мишени.

– Ну и что ты предлагаешь? Взять их в кольцо и водить вокруг них ковбойские хороводы? – немного раздражённо спросил «Малыш Хью».

– Именно! А почему нет? – ответил «Джокер», – лучше будет закрутить вокруг них кольцо сразу, используя одного нападающего для отвлечения внимания, а уже затем, когда они будут окружены, пикировать из него к центру, атакая со всех сторон. Таким образом, мы будем сохранять оптимально ограниченную площадь развёртывания боя, чтобы не тратить время в продолжительных погонях, удаляясь в разных направлениях.

– Хорошо, тогда заходим правым флангом вперёд, а левый фланг будем использовать для отвлекающей атаки. Я пойду крайним справа. Кто из вас будет отвлекать – решайте сами! – сказал «Малыш Хью».

– Ладно, я пойду крайней слева, – отозвалась «Little Coldy», – может, получится сбить кого-нибудь сразу.

– Что скажешь, «Снеговик»? – спросил «Джокер», подразумевая расстановку в центре ряда.

– Я использую дальнобойные орудия, поэтому мне лучше заходить на атаку с более отдалённой дистанции. Значит, пойду рядом с «Coldy», а ты тогда держись впереди за «Малышом Хью», – отозвался «Снеговик».

– Ну, вот и договорились! – уверенно произнёс «Джокер».

Настроение в группе заметно оживилось, к тому же до зоны огибания хребта осталось всего десять миль. На горизонте уже начала появляться вытянутая полоса горных массивов, заметно редееющая к своему хвосту. И вот, уже спустя пять минут ведущий в группе, которым был «Малыш Хью», начал постепенное отклонение влево на скорости сто девяносто узлов, заметно кренясь при этом одной стороной фюзеляжа вниз и поднимая вверх напористый поток снега, попадающий в турбулентную линию ионизированных рабочих масс, спиралевидно вытягивающихся за его сновигатором и постепенно выгибающихся на фоне белого снежного пространства такой же плавный поворот. За ним, немного сбавляя темп на вираже, шла «Little Coldy», за ней «Снеговик» и «Джокер». В этом месте группа постепенно переходила из области Полярного Плато на пространство Равнины Бэрда, до точки соприкосновения с немецкой оборонительной парой оставалось чуть меньше пройденного пути.

– Не сбавляем темп! – прозвучала в эфире команда «Малыша Хью».

Машины выровнялись по курсу и продолжили своё стремительное ускорение в направлении шельфового ледника

Россия, с каждой минутой всё больше и больше сокращая расстояние и время до своей неизбежной полярной дуэли, которая уже сейчас, ещё не начавшись, несла фундаментальное эпохальное значение для обеих её сторон.

ГЛАВА XV. ПЕРВАЯ СХВАТКА

Эберт Кляйбер сидел внутри своего «Juger Wolf» и спокойно ждал, наблюдая сквозь ветровое стекло кабины немногочисленное волнение пейзажа окружающей белоснежной пустыни и отдалённого пояса горных хребтов, которое заключалось лишь в лёгких ветреных порывах, поднимающих и закручивающих небольшие вихри снега то там – то здесь, а также на вершинах гор и между ними на скалах у их подножия. С достаточной степенью регулярной систематичности он то и дело обращал внимание на экран основного спутникового радара, масштаб которого был выбран с учётом слежения только за интересующей зоной в радиусе нескольких десятков миль. По всей Антарктиде от разных станций, так или иначе, могли постоянно перемещаться различного рода грузовые, строительные, научные и геологоразведочные экспедиции, поэтому отслеживать более объёмное по площади пространство было нерационально. Эберт и Харман, как собственно и Ганс были отставными офицерами ВВС Германии. Немецкое руководство не стало долго плутать в трёх соснах и по показателям результативности

всех пилотов Программы за первые два года её существования приняло решение комплектовать новые группы специалистами именно такого профиля. В Германии нашлось бы не очень много людей, чьих предков мужского рода в четвёртом поколении обошёл бы стороной боевой фронт Второй Мировой Войны, и так же как у Ганса с Йозефом, прадеды Эберта и Хармана являлись ветеранами. Прадед Эберта был лётчиком-истребителем «LuftWaffe» и в течение войны был награждён Железным Крестом. А прадед Хармана Клоца служил водителем танка «Тигр-I» в 3-ей танковой дивизии СС «Totenkopf» («Мёртвая Голова») и к концу войны был комиссован в тыл с тяжёлым ранением.

У Эберта были рыжие коротко стриженные волосы и вытянутое сухощавое лицо с острым носом, а Харман наоборот был круглолицым брюнетом с твёрдым волосом, поэтому носил короткую стрижку «Ёжик», но из-за ранней обильной седины чёрные корни только оттеняли основной пепельный фон его волос. Они поступили в Программу Полярной Навигации из разных частей, Эберту было тридцать два, а Харману тридцать пять. Оба являлись некурящими спортсменами: Эберт занимался плаванием, а Харман – боксом. Среди своих бывших сослуживцев они являлись одними из лучших: Эберт был пилотом вертолёта-штурмовика, а Харман – первым пилотом двухместного тяжёлого многоцелевого истребителя.

«Meerschlag» Хармана находился на расстоянии пяти мет-

ров от машины Эберта, это позволяло вести так называемый у пилотов Полярной Навигации «параллельный эфир» или «дублированный эфир», когда помимо основного радио эфира, на кибер-панели активировались трансмиттеры внутренней радиосвязи термокомбинезонов. Это позволяло слышать переговоры общей группы и параллельно общаться между собой, не засоряя основной эфир. Переход трансляции в основной эфир осуществлялся кратковременным нажатием кнопки прерывания внутренней связи на кибер-панели левого рукава, в частных случаях для левшей он выполнялся соответственно правой стороны термокомбинезона, который носил Эберт. Штурвалы его сновигатора также были синхронно отражены, что было технологически заложено в конструкцию всех машин в самом начале их проектирования главным инженерно-конструкторским бюро Программы Полярной навигации и заключалось в том, что электронно-цифровые джойсты штурвалов достаточно быстро демонтировались, вместо них устанавливался аналог другого типа под левую руку, а в программных настройках системы просто менялся режим управления.

Харман также сидел и молча наблюдал за происходящим снаружи, периодически посматривая на монитор штурман-локации в оперативно-дежурном режиме. В этот момент он размышлял о предстоящем осеннем отпуске, как он со своей женой фрау Хайке Клоц во второй половине сентября поедет из Берлина в родной Мюнхен на еже-

годный фольклорный фестиваль «*Oktoberfest*» («Октоберфест»), также среди мюнхенцев именуемый «*Weisn*» («Луг»). Они снимут номер в отеле на неделю и после дневных празднеств и развлечений, обоюдно подзахмелев, будут гулять вдвоём по хорошо знакомым ему Мюнхенским улочкам, а в последний день он от души оторвётся в «*Hofbräu-Festzelt*» (шатёр пивоварни «Хофброй», «**НВ**»)!. Внезапно его мысли оборвали несколько появившихся на мониторе точек.

– Эберт, ты видишь это?! Кажется, к нам пожаловали, – настороженно произнёс он.

Точки одна за другой появлялись в поле радара из-за края монитора и ползли вперёд, как жуки.

– Да, – отозвался Эберт, – это наши гости! Пора готовиться к встрече! Запускаемся!

Прорезиненные тумблеры защёлкали вверх, каскадно активировались подсветки включения больших системных кнопок на центральной панели. Из могучих недр корпуса машины начал доноситься системный гул, снаружи послышался свист турбин, в воздух ударом тяги из сопел подняло кучи взметённого снега, распространившегося вокруг туманным облаком. В эфире послышался громкий голос Эберта:

– «Группа «*Dia Maulwürfe*»! С западной стороны к нам приближаются четыре сновигатора! Мы выдвигаемся им навстречу! До точки соприкосновения около десяти минут! В случае провокации сразу вступаем в бой! Конец связи!»

– Принято! – прозвучал короткий лаконичный ответ.

Машины двинулись с места, динамично разгоняясь и выруливая по встречному курсу. Уже отъехав, каждый из пилотов практически одновременно с небольшим отставанием активировал боевой режим и сделал по одному выстрелу для контроля спусковой готовности орудий. В этот момент оба сновигатора походили со стороны на двух фантастических драконов, взметнувшихся с места в разгневанном негодовании и яростно плюнув вперёд огнём от того, что кто-то посмел их побеспокоить, покушившись на неприкасаемые территории. В бирюзовых пучках ионизированной массы тягового потока синхронно вспыхнули ярко-красные языки форсажного реактиватора, задувая своей повышенной тягой спиралевидный след дальше назад, вытягивая и заворачивая рваные края его двух хвостов наружу по всему диаметру. Внутри образовавшегося сектора двух противостоящих сторон, ещё не достигнувших границ соприкосновения возникла острая ощущаемая энергетика того, что боевое столкновение очевидно. Двигаясь навстречу друг другу на максимальных скоростях, пилоты внутри кабин начинали входить в состояние высокого адреналина. Скорость и частая ударно-поглощающая работа подвески на ухабах только добавляла ко всему этому взаимному устремлению самоотверженной фатальности и боевой нетерпимости перед схваткой. Казалось ещё чуть-чуть и стороны просто врежутся друг в друга, как две летящих навстречу кометы.

– Что скажешь, Харман?! – наблюдая изменения на радаре, спросил Эберт.

– Они выстраиваются, вытягивая правый фланг вперёд! Скорее всего, это манёвр на локализацию боевой зоны. Возможно, они хотят нас окружить, используя левый фланг для первой атаки, в качестве отвлекающего манёвра.

– Будем расходиться?!

– Не обязательно! Давай нападём вдвоём на второго в центре, смещая удар на крайнего по левому флангу. Задавим крайнего к поясу хребтов и уничтожим одного сразу.

– Отлично!

Вдали на горизонте показался первый американский сновигатор. Затем с некоторым отставанием второй, потом третий. С каждым мгновением момент первого удара был всё ближе и ближе.

– Ну всё, погнали! Я сделаю небольшой обманный манёвр! – прокричал напоследок Эберт и, вывернув машину влево произвёл несколько прицельных выстрелов из одиночных пушек по сновигатору «Джокера». Выстрелы прошли, не достигая цели, но эффект последовал характерный, – «Джокер» увёл машину вправо от гор по реакции. Ответного огня не последовало, пилоты продолжали сближение, а Эберт повернул свою машину вправо и устремился вместе с Харманом к третьему слева сновигатору «Снеговика». Правый фланг американцев уже прошёл линию соприкосновения и начал заходить назад, как вдруг от «Снеговика» навстречу

Харману прилетело два чётких разорвавшихся заряда прямо в переднюю часть. Харман даже вскрикнул в эфир от неожиданности. От встречного удара на высокой скорости в носовой части его сновигатора появилась трещина, цепляющая высокий поток воздушного сопротивления.

– У тебя всё в порядке?! – тревожно прокричал Эберт.

– Вот это скоти-и-ина! – прозвучал расстроенный ответ Хармана.

– Это их снайпер! Держись! – подбодрил Эберт, производя встречные выстрелы по его сновигатору.

Заработали «двойки» Хармана, по поверхности снега от него в сторону «Снеговика» начали взлетать вверх резкие фонтаны снега, двигаясь в сторону векторного направления его машины. Бой постепенно начал развязываться и переходить в затяжные перестрелки. «Снеговик» маневрировал и тоже отстреливался одиночными, но два фронтальных огневых рубежа по обеим сторонам поставили его в тупик. Бить по очереди вправо и влево из такого оружия чрезвычайно быстро приближаясь было невозможно, а прицеливаясь в одного он полностью терял контроль над противником с другой стороны. Встречная немецкая тактика не была просчитана и на расстоянии двести метров «Снеговик» получил в переднюю боковую часть хорошо прицеленный сокрушительный удар от Эберта. Сновигатор «Снеговика» на такой скорости подкинуло и перевернуло на крышу, теперь он просто скользил вперёд, оставляя за собой детали обшивки, корпуса

и разлетевшийся пополам спойлер.

– Готов, чемпион!!! – прокричал Эберт.

На лицах немцев появились довольные карательные гримасы. Столкновение прошло невероятно естественно, молниеносно и результативно. Оно было похоже на столкновение двух самураев с мечами, когда резкие быстрые взмахи катаной вдруг решают катастрофическую судьбу одного из них категорически и навсегда! Но успех группы «Die Wachen» не продлился долго, – «Little Coldy» оказалась для Эберта под недосягаемым углом для прицеливания и пошла напролом, открыв шквальный фронтальный огонь в правую часть уже хорошо потрёпанной первым выстрелом машины Хармана, который к этому моменту оказался не свеж с реакцией после двойного удара по «Снеговикам». Серия хлопков прошла по всей линии корпуса справа стороны сновигатора «Meerschlag», разметав кусками позади всю аэродинамику. Сновигатор Хармана резко повело влево.

– Я подбит! – прокричал Харман, – полностью отсутствует правое руление и стволы!

– Чёрт побери! – с досадой выругался Эберт, уходя на сильный поворотный манёвр вправо за сновигатором «Little Coldy», – А-а... Это эта сучка!!! Сейчас, постой я надеру тебе твою американскую задницу!

И Эберт спокойно и планомерно начал ускоряться на форсаже, садясь ей на хвост. В этот момент навстречу им, развернув свои сновигаторы, уже приближались «Малыш Хью»

и «Джокер». Ожесточённый момент нарастал, времени оставалось очень мало, оба американца держали боковую дистанцию достаточную для совершения удара по Эберту, но идущая впереди него «Little Coldy» пока всё ещё находилась в опасной зоне поражения. Прошла серия встречных устрашающих выстрелов, чтобы вынудить Эберта к манёвру в сторону и вывести его сновигатор на открытую для обстрела зону, но он не среагировал на эту провокацию. К тому же Харман ловко вышел из ситуации с полным отсутствием руления по одной стороне. Он выдвинул левые тормозные упоры и, используя совместно левую боковую аэродинамику и тормоз на полном форсаже, начал крутиться на месте, как на карусели, таким образом, имея возможность совершать дальнобойные выстрелы в сторону приближающихся американцев.

Участь «Little Coldy» была решена практически сразу, после того, как Эберт поймал её на короткой дистанции сзади. Для военного лётчика со стажем это была слишком простая и отработанная задача, учитывая дальнобойные пушки и отсутствие вертикального смещения цели. Через буквально одно мгновение все лопасти вместе со спойлером были превращены в ошмётки титановых сплавов, карбона и полимеров, а то, что произошло с внутренними контурами двигателей, из-за попадания в них встречного воздушно-динамического удара, не оставляло никаких шансов. Сразу же вслед за этим Эберту пришлось принять свой неизбежный и фее-рический расстрел с двух флангов одновременно, чтобы не

повредить лобовое стекло и не остаться с Харманом в одном сновигаторе, ожидая эвакуационный вездеход, он выполнил стандартный разворот на сто восемьдесят градусов, тем самым подставив под шквальный огонь заднюю часть своего сновигатора. Чуть поодаль в качестве дуэльного десерта, как хромая, но ещё покаркивающая ворона со сломанным крылом, продолжал крутиться на месте Харман, постреливая по сторонам из последних сил и возможностей. Его искорёженные муки прицельно завершил «Малыш Хью», подойдя на необходимое для этого расстояние.

Бой был завершён, на поле, как поверженные титаны, стояли четыре изуродованные машины, слегка дымящие из области сопел замкнувшими ионизаторами. Беспорядочно облитая разорванной гидравликой обшивка и снег напоминали кровавые сцены из голливудских хорроров, а обрывки торчащих шлангов аэродинамики ещё продолжали пульсировать, выпрыскивая в разные стороны технологические жидкости, как порванные артерии.

В немецком радио эфире прошло завершающее сообщение от Эберта Кляйбера: «Группе «Dia Maulwürfe»! Бой завершён с обоюдными потерями двое к двум. Два оставшихся противника «Малыш Хью» и «Джокер» не повреждены и продолжают атаку в вашу сторону. Боевой тип пары – «А». Группа «Dia Wachen» окончила своё участие в миссии «Новый Берлин». Конец связи».

ГЛАВА XVI. ВТОРОЙ УДАР

Когда Ганс и Йозеф получили последнее сообщение от группы «Die Wachen», до места вхождения в область гор, где начинался проложенный ими маршрут, оставалось двигаться около тридцати минут. Два же оставшихся пилота-перехватчика американской группы пошли наперерез их маршруту, чтобы как можно раньше предотвратить подход немцев к вхождению в данную зону, где обстрел преследуемой цели был значительно затруднён вынужденным интенсивным маневрированием. Но, так как точка базирования первой немецкой группой была специально удалена на достаточное расстояние от места входа в горный коридор, а скорость их машин до координат этой зоны компьютер бортовой навигации просчитывал с большой погрешностью, то сновигаторы «Малыша Хью» и «Джокера» начали выполнять неудачный крюк, постоянно увеличивая угол перехвата и уводя его точку всё ближе и ближе к линии хребта. В результате группы встретились у самого порога вхождения в область проложенного немцами маршрута сквозь горный массив, при этом необходимой для максимального эффекта первичной фронтальной атаки не получилось, и атака с самого начала приняла вид погони. Это ещё сильнее усложняло задачу в горной местности, так как двигаться в большей степени здесь

приходилось друг за другом, что ровно в два раза сокращало возможность применения оружия, а значит, попросту затягивало процесс перехвата, отдавая конечную его цель всё дальше и дальше по времени и расстоянию. И если первое сражение по своему характеру было быстрым и явным с эффектом прямого встречного столкновения, то второй удар, напротив, стал для обеих сторон чем-то вроде затяжной пытки в бесконечном лабиринте горных коридоров.

Первое, что сразу усложняло движение вслед за идущим впереди сновигатором, был длинный плотный снежный хвост, поднимаемый выбрасываемой тягой ионных двигателей и разносимый потоками ветра, достаточно интенсивными в горных коридорах. Вести стрельбу на таких дистанциях было практически невозможно, так как, постоянно маневрируя в стороны от крутых ухабов и склонов, опасных для переворота машины, пилот не мог поймать момент прицеливания в плавающем режиме. Вторым фактором являлось применение немцами метода программного расчёта тактической боевой схемы отступления на заданной дистанции, по которому в их навигационных системах была сформирована карта, позволяющая без труда продвигаться вперёд на максимально допустимой скорости, не отвлекаясь на выбор текущего маршрута. Двигаясь с высокой скоростью в такой сложной местности по уже проложенному на мониторе штурман-локации курсу, немцы не только полностью исключали вероятность заблудиться в горных коридорах или успе-

реться в тупик, что практически равнялось катастрофе, но и получали заведомо спрогнозированный расчёт на выполнение сложного боевого манёвра при выходе на открытый участок местности, который было невозможно просчитать противнику, опираясь на ультразвуковой сонар, не отражающий матричную сетку ландшафта через параллельно вдоль тянущуюся сплошную возвышенность. И, наконец, третьим, что уже совершенно выбивало американцев из колеи, была сама тактика боевого манёвра, которая также опиралась и была тесно взаимосвязана с принципами программного вычисления особенности текущего ландшафта, как приоритетного при прокладывании данного маршрута. Его суть состояла в том, чтобы использовать наиболее высокие, крутые и заснеженные точки вокруг входа в новый горный коридор именно для того, чтобы на обратном пути при выходе из него, осуществить возможность резкого разворота и обстрела верхних отметок склона, провоцируя тем самым снежный обвал и закупоривая выход огромными слоями густого рыхлого снега, в который сновигаторы идущего позади противника, врезались на скорости и вязли, как в пластилине, не успев среагировать. Естественно, что такие приёмы немцы заранее отработывали в горных районах и просчитывали каждую деталь до секунды. Первым выходил из коридора Ганс с одиночными дальнобойными орудиями и сразу же делал разворот на сто восемьдесят градусов. Выстрелы начинались ещё тогда, когда идущий вслед за ним Йозеф находился внутри

коридора. Таким образом, лавина снега накрывала подножия двух склонов сразу же, как только он выскакивал наружу. И это был не один тактический приём, который использовали немецкие пилоты, уходя от погони в районе Трансатлантического хребта. Американцы практически сразу приспособивались к приёмам противника и не давали дважды себя обвести, вырабатывая встречную стратегию. Оба радиоэфира разрывались в эти моменты. Но немцам необходимо было вывести врага из равновесия именно на данном участке пути, потому что за пределами горного массива их ожидало жёсткое преследование на открытом пространстве с высокой степенью ведения преследующей стрельбы. Поэтому необходимо было решить данную задачу на уровне численного соотношения. Следующий приём, который был разработан ими, использовался на горных развилках, когда из одного коридора путь раздваивался в разные стороны или же один из них выходил на открытый участок. Первый сновигатор Ганса выходил прямолинейно на небольшое расстояние, основательно упирался тормозными упорами полозьев в снег и максимальной тягой двигателей начинал нагонять по воздуху обильный снежный шквал в сторону выхода, который подхватывался интенсивными сквозными потоками ветра и полностью перекрывал видимость из него в сторону данного направления. Второй вслед за ним, как и положено выходил и практически машинально занимал прицельную позицию под некоторым углом к выходу из коридора. Таким об-

разом, у американских пилотов оставалось лишь маленькое пространство с допустимым обзором в виде щели, куда они, конечно же, пытались направить свои машины, и именно по этому месту в тот момент Йозеф начинал вести массированный обстрел непрерывными очередями из своих спаренных «двоек». В результате, на скорости можно было резко среагировать и уйти от обстрела только в другую сторону развилки, что собственно и происходило. Это не позволяло американцам свободно выходить в зону расположения немецких машин, а заставляло по инерции торможения углубляться внутрь иного направления и тратить драгоценное время в стеснённом пространстве на разворот, чтобы вернуться и продолжить погоню. Машины проскакивали слишком быстро, поэтому Гансу ни разу не удалось зацепить противника, с учётом низкого темпа стрельбы одиночными дальнобойными пушками.

«Малыш Хью» и «Джокер» в ответ пытались использовать выстрелы далеко вперёд по снежным склонам на поворотах и изгибах, где плоскость снежного пласта хорошо ложилась на прямолинейный прицел. Таким образом, они пытались затормозить идущий впереди сновигатор противника, вызвав ту же снежную лавину. Но, в итоге это только усугубило их положение. Во-первых, немцы были хорошо нетренированы и реагировали на происходящее очень быстро и правильно, резко кидая машину в сторону и заводя её на скорости высоко вверх на противоположный склон.

Поэтому весь осыпавшийся снег опять-таки доставался идущим позади, а именно самим американцам. А во-вторых, общая скорость движения не всегда позволяла делать такие выстрелы более удачными, совершая их как можно дальше вперед перед сновигаторам противника.

Не смотря на всё больше затягивающуюся погоню с мучительным и высаживающим психику напряжением от постоянных перегрузок организма во время совершения сложных манёвров, гонка выглядела очень подвижной, быстрой и интенсивной с множеством скачков, ударов, резких поворотов и торможений. Сновигаторы то и дело совершали на скорости сложные виражи, высоко заезжая на практически горизонтальные поверхности склонов, чтобы уйти от преград в виде снежных лавин или уклониться от серий догоняющих обстрелов. В воздух постоянно поднимались фонтаны снега при приземлении машин после трамплинов, коими здесь являлись многочисленные надуваемые горным ветром объёмные снежные бугры. Сама местность имела очень нестабильный по равномерному пролеганию снежной поверхности ландшафт, то там то здесь из под снега выступали скальные образования, которые для сновигатора были хуже разрывов воздушно-динамических зарядов. Их приходилось объезжать и зачастую снижать при этом скорость из-за слишком высокой концентрации таких выступов в одном месте. Гул энергетических установок и свист турбин разносился эхом между высоких и продолжительных холмов, тянущих-

ся вдоль отрезков пути плотной стеной, то и дело, взвизгивая форсажем или изменяя свой тембр и частоту, в зависимости от испытываемых нагрузок и воздушных сопротивлений. Закрученные спиралью бирюзовые хвосты инертных масс прорезали вздымаемый снег позади машин, как лазером, оставляя неизгладимый эффект клубного тумана повсюду. Особенно остро выглядели разрывы зарядов, попадающие внутрь такого свежего плотного следа от ещё не успевшего осесть снега, сквозь который вытягивалась линия закрученного ионизированного хвоста.

Внутри кабин в этот момент тоже творилась вакханалья. Раскалённый до предела радиоэфир зашкаливал напряжёнными тревожными переговорами и громкими предупреждающими криками, всё время повторяющимися по несколько раз одно и то же слово или сообщение. Бортовые системы то и дело предупреждали об опасности высоких перегрузок и экстренных режимах пилотирования, мигающие кнопки и тревожная звуковая сигнализация систем сменяли друг друга, возникая с определённой долей периодичности, постоянные рывки штурвалов и рычагов дополняла работа педалями и манипуляции с кнопками переключения различных режимов. Всё это вперемешку с высокой частотой толчков и хаотичных перемещений кабины в разные стороны от чередующихся между собой ударов, прыжков и резких поворотных манёвров, создавало наивысший предел интенсивности и сложности управления в тяжёлых условиях, несущих

щих неотъемлемую долю опасности и риска для собственной жизни.

Не смотря на то, что из-за нахождения в зоне преследующего обстрела Йозефу доставалась самая незавидная позиция из всех участников этого скоростного противостояния, на долю Ганса, как ведущего немецкой пары, выпадала самая высокая ответственность, не допускающая даже малейшей ошибки в следовании по проложенному курсу, так как при этом он обязан был постоянно удерживать максимально возможную скорость, а также в некотором роде являться штурманом для идущего позади Йозефа, заранее предупреждая его обо всех встречных опасностях на пути, вплоть до малейших мелочей, которые с учётом более худшей видимости позади остаточного снежного хвоста могли привести к самым фатальным и отягощающим последствиям.

Но вот, спустя сорок минут такого экстремально-скоростного продвижения внутри опасных горных лабиринтов, когда до выхода на Полярное Плато оставалось каких-то десять – пятнадцать минут пути, в очередном каскаде хаотичного обстрела один из зарядов всё-таки достал хвостовую часть «Juger Wolf» Йозефа, разорвавшись в области реверсного крыла. Это был «Джокер»... На одном из межгорных открытых участков они с «Малышом Хью» договорились перестроиться для того, что сменить режим преследующего огня. «Джокер» предложил приблизиться к ведомому немецкой пары на форсаже и провести по нему более интенсивный

обстрел из «двоек», что на порядок повышало вероятность случайного попадания в условиях хаотичной стрельбы. Их план сработал, – от резкого удара часть крыла отошла в сторону, его заклинило встречным интенсивным потоком ветра на высокой скорости и машину начало постоянно кренить в правую сторону из-за разницы воздушного сопротивления по её сторонам.

– Я подбит, Ганс! – послышался его тревожный крик в радиоэфире, – правый реверс заклинило на тридцати процентах! Испытываю серьёзный крен вправо, машина теряет скорость!

С горечью осознав неизбежную потерю напарника, Ганс резко бросил досадный взгляд на правый монитор бокового заднего обзора. Не дождавшись его ответа, Йозеф тут же продолжил:

– Всё! Иду на критический встречный удар с резкого разворота!

В этот момент он перевёл всю тягу на левую сторону и воткнул правые тормозные упоры в снег до предела. Машину с визгом и остервенение развернуло на сто восемьдесят градусов, подняв огромный столб снега, который тут же разнесло и вытянуло назад в текущем инерционном потоке встречного ветра, полностью закрыв обзор преследующим сновигаторам американцев. Через мгновение из растворяющегося снежного тумана показался нос стремительно движущегося вперёд сновигатора «Джокера». На кураже только что про-

ведённой успешной атаки он не сбросил скорость и не успел вовремя сообразить, что задумал его противник в ответ на удачное попадание. «Уходи вправо!!!» – единственное, что успел прокричать «Джокер» в эфир своему напарнику, перед тем, как попасть в шквальный расстрел в упор с неизбежным столкновением. Перед манёвром Йозеф успел активировать на панели управления режим фиксации боевой гашетки и, дождавшись появления врага, нажал на курок и выдернул рычаги катапультирования. Стеклопанель кабины отлетела в сторону, а выстрелившее вверх кресло пилота взорвало пиропатроны раскрывшегося парашютного купола, и Йозефу представилась исключительная возможность наблюдать финальное сближение двух сновигаторов с высоты двадцати метров, медленно спускаясь вниз на парящем оранжевом парафойле. «Джокер» же, получив в упор серию катастрофических для машины повреждений, увёл её влево, зацепив своим правым бортом левую сторону отстреливающего весь свой боевой ресурс «Juger Wolf». От сильного удара по касательной немецкий сновигатор развернуло и оставшимся правым орудием он ещё успел несколько раз попасть в упор с близкого расстояния в сопла энергетических установок затухающего американского «Antarctic Phantom», который, потеряв инерцию и скорость на разрушенной и просевшей подвеске начал зарываться в снег, как американский буйвол, поверженный индейскими стрелами и падающий вниз на подкошенные передние копыта. Судьба «Джо-

кера» в этой схватке была решена, а «Малыш Хью» стремительно пролетел мимо, едва успев уйти вправо от столкнувшихся машин, хаотично извергающих заряды, разрывающие снег вокруг.

ГЛАВА XVII. ФИНАЛЬНАЯ РАЗВЯЗКА

Как обычно и бывает после всех ярких событий, происшествий и поединков в самом конце остаются два главных героя один на один, и этот случай не стал исключением для тех, кто, так или иначе, был в курсе острого столкновения интересов двух мощных государственных систем, которые происходили сейчас на необъятных снежных просторах в центре огромного антарктического материка. Если бы кому-нибудь представилась возможность описать те эмоции, которые за всё это время испытали пилоты обеих команд, то он наверняка бы отказался в виду необъятности всех чувств и высочайшей степени переживаний, связанных с упорным внедрением в колоссальную систему острого противоборства двух профессиональных структур, окружённых плотным кольцом серьёзных идеологических противоречий, включая и собственное мнение, которое всегда почему-то должно было оставаться позади, как самый ненужный и незначительный фактор происходящего. Стоило ли бы при этом объяснять, что могли чувствовать два человека после всей этой тяжёлой и затянувшейся высокоскоростной полярной «резни»,

используя высокие технологии и сложные механизмы, оставив позади своих друзей и напарников, поверженных в смертельно опасном бою именно в тот момент, когда один из них, вырвавшись навстречу антарктической пустыни, стремился лишь к тому, чтобы поскорее убраться отсюда к себе на станцию целым и невредимым, а второй – догнать и уничтожить его, чего бы это ему ни стоило. Но в любом случае оба пилота вышли из зоны Трансатлантического хребта и теперь продолжали свою свирепую гонку, продвигаясь по Полярному Плато в направлении Западной Равнины, расстояние до которой от места выхода из области гор составляло пятьсот шестьдесят три мили. Естественно, что скорость, с которой двигались оба участника погони, была максимальной и не опускалась ниже ста девяноста миль. В таком скоростном режиме на преодоление этого расстояния им потребовалось бы чуть больше двух с половиной часов, и это было очень важным фактором, потому что порог допустимости продолжения этой схватки теоретически заканчивался именно на границе Полярного Плато и Западной Равнины. Естественно, что Брайн Хейс по кличке «Малыш Хью» не получал чётких указаний по поводу допустимых территориальных пределов для выполнения своей миссии, но в то же время он, как и все остальные хорошо понимал, что слишком удаляясь от границ своей станции «Амундсен-Скотт» и приближаясь к области расположения немецкой станции «Ноймайер» даже при положительном исходе операции, в

случае повреждения немецкого сновигатора с последующей его остановкой, он просто рискует потерять основную цель потому, что, в конечном счёте, её отобьёт эвакуационный отряд противника, который достигнет места поражения раньше, чем его собственный именно по банальной причине разницы расстояний.

Не смотря на, казалось бы, простую тактику исхода двух противостоящих позиций, оба пилота столкнулись с довольно сложным анализом стратегии продолжающейся погони в новых условиях. «Малыш Хью», двигаясь по открытой практически ровной снежной поверхности и периодически проводя огневые прицельные атаки сзади, используя для подхода к цели форсаж, осознал, что таким образом он тратит огромную часть драгоценной энергии, которая супротив высокому профессионализму Ганса Майера, просто улетала даром, в разы снижая потенциал к продолжительному преследованию. Поэтому через несколько серий таких атак, он прекратил свои попытки, чтобы в устоявшемся режиме скоростного преследования обдумать другую технику достижения необходимого результата.

Ганс Майер тоже сидел, как на иголках, каждую минуту держа на остром контроле приёмы резкого вступления в бой, которые сразу подразумевали под собой разворот и боевую атаку по противнику. В этом случае ошибки были не допустимы и цель однозначно должна была быть поражена, поэтому для тонкого расчёта, необходимо было постоянно про-

кручивать в голове целую серию тактических расстановок и вариантов, учитывая внутренние технические параметры и внешние факторы меняющегося ландшафта до мелочей, таких как лёгкие прыжки на небольших снежных сдвигах, надутых ветром и спрессованных временем. Одним из таких вариантов был как раз резкий разворот сразу же, после прохождения такого естественного трамплина, когда преследующий противник выходит на прыжок и не подозревает о внезапном манёвре впереди идущего сновигатора, при этом он, находясь уже в прыжке, теряет прицельную возможность, а с нею вместе и встречное отражение огня. Этот приём немцы отработывали неоднократно, его коварство заключалось в том, что машина после приземления и разворота уходила не прямолинейно назад, а плавно в сторону, таким образом, находящийся ещё в прыжке противник, шёл прямолинейно по всей прицельной линии и практически становился удобной пересекающей фронтальную линию огня мишенью. Практика показала, что любые манёвры противника после приземления слишком растягивались по времени, позволяя удобно обстреливать цель в хорошем горизонтальном интервале, двигаясь назад. Разворот был достаточно сложным и начинался ещё в прыжке с использованием боковой аэродинамики и выполнением частичного воздушного кручения. Основной проблемой при выполнении такого манёвра был быстрый и чёткий переход на реверс, чтобы при приземлении не потерять инерцию машины, уходящей в раз-

ворот на сто восемьдесят градусов. Каждая новая ступень снежного наста, выше полу метра, являлась для Ганса Майера натянутым спусковым курком, который оставалось только дожать до конца, но риск совершить хотя бы малейшую ошибку при достаточно стабильном движении с максимальной скоростью, держал его, как строгий ошейник немецкую овчарку, натянувшую цепь в атакующем рывке. Параллельно с таким напряжённым состоянием, он не прекращал анализировать общую ситуацию, приходя при её классическом анализе к единственному вопросу о том, у кого из них двоих с американцем больше топливных запасов и заряда батарей. К этому также добавлялись и общие познания о технических особенностях американских машин, которые обладали очень хорошей динамикой разгона и устойчивой стабильностью движения, что делало американцев чрезвычайно серьёзным конкурентом. Единственно, чего не мог просчитать Ганс, так это различного рода мелочей в управлении сновигатором такого типа, так как при всех возможностях и попытках, получить в распоряжение американскую модель «Antarctic Fantom» для этих целей у немцев так и не получилось. Приходилось рассчитывать только на исключительные свойства собственной техники и надеяться на то, что приоритет энергетической ресурсности находится на его стороне.

После часа раздумий над вариантами результативного удара, «Малыш Хью» так и не пришёл к какому-то определённом решению. Сказывалось вчерашнее веселье во вре-

мя церемонии закрытия, которое на фоне общего утомления не давало той самой искры в мыслительном процессе, затуманивая и притормаживая головной мозг, который при текущей нагрузке ощущался неким комком разбухшей ваты. Настойчивость характера и жвачка не помогали, а уже наоборот создавали излишнюю нагрузку на весь физиологический потенциал его черепной коробки. Единственным, что могло радовать, была техническая стабильность машины, позволяющая без лишних усилий удерживать позицию преследования. Но за одним часом, неизбежно наступил второй, а на такой скорости и сосредоточенности внимания время летело незаметно. И вот уже позади осталась граница расположения станции «Амундсен-Скотт», а за ней планомерно с каждой минутой всё ближе и ближе становился край Западной Равнины.

Эфир молчал... Единственным, кто реально мог что-то сказать сейчас Брайну, был Джек Райт, но для его уровня вмешиваться в ситуацию в такой момент было абсолютно бессмысленно и неуместно. Глядя на монитор спутниковой навигации в Офисе Системного Контроля вместе с Биллом Фишером и ещё несколькими парнями из его команды, Джек хорошо понимал, что текущая ситуация настолько же сложна по-своему статусу выполнения задачи, насколько и прост будет судьбоносный фактор её развязки. Здесь всё было, как в покере на двоих: или ты возьмёшь куш или в конце тебе просто придётся спокойно встать и выйти из-за стола. Ника-

кие советы или системные опросы в радиоэфире не помогли бы в разрешении данной ситуации, а скорее только усугубили бы её пошатнув внутреннюю напряжённую карму боевой обстановки в кабине пилота.

Примерно с каждым истекающим десятиминутным периодом вся американская сторона осознавала очевидное выскальзывание контроля над ситуацией из собственных рук. Долгое упорное наблюдение за сменяющимися друг друга стадиями миссии с вовлечённым в этот процесс фактором текущего анализа в итоге довольно подло и издевательски свелись к банальной надежде на чудо. «Чудо» Джек Райт не любил больше всего, его никогда не устраивало «чудо». Это был стопроцентный тактик с многоступенчатым принципом расчёта, и когда дело доходило до «чуда», он практически умывал руки. Но это ни в коем случае не позволяло ему проявлять хоть каплю внешнего эмоционального разочарования, чтобы ни в коем случае не пошатнуть командный боевой дух. Время продолжало идти, погоня не меняла темпа и общей формы, граница с Восточной Равниной была уже пересечена и общий исход в перспективе менял свою итоговую форму с той же плавностью, с которой всё дальше друг за другом продвигались два сновигатора к Земле Королевы Мод. В этот момент в том же направлении уже около двух часов от станции «Амундсен-Скотт» двигалась американская эвакуационная группа для перехвата инициативы на месте в том случае, если немецкий сновигатор удастся всё-таки остановить.

Хотя на территории Восточной Равнины, ближе к её центру в некотором смысле уже возникал территориально-политический фактор, когда нападение, захват и прочие действия с немецкими машинами всё чётче и чётче приобретали форму ярко выраженного нападения на всю Германию со стороны США, а не просто остановку пилота в плане проверки и личного досмотра с последующим разбирательством по причинам, носящим, как это водится в таких случаях, случайный характер.

Надежда и неизбежно возникающее капризное упорство американцев по естеству житейского проведения уже потеряли личину допустимого дипломатического предела и перемешались между собой в коктейль наглой затеи. Пилоты шли напролом друг за другом у самого края «Восточной Равнины» в нескольких милях от линии гор Пенсакола. Среди множества координатных точек движущихся объектов вокруг эпицентра событий, никто поначалу и не заметил, что навстречу движущейся паре сновигаторов через Землю Котса, незаметно прокравшись сквозь этот горный район, вышел неизвестный объект без спутниковой идентификации, который внезапно ускорился, и, сделав небольшой крюк, зашёл с тыла сновигатора «Малыша Хью», подобравшись к нему вплотную. Используя последнюю возможность Брайн Хейс начал вновь остро атаковать Ганса Майера, интенсивно оперируя форсажем при сближении с целью, пока вдруг устремлённому локомотиву его усилий и морально-

го напряжения не «сорвали стоп-кран» несколькими предупредительными дальнобойными выстрелами сзади вскользь по левому флангу. Ошарашенный от внезапного появления ещё одного участника в этой затянувшейся игре, «Малыш Хью» взглянул на левый монитор заднего обзора. Сквозь снежный хвост на скорости двести узлов, между прорывающимися интервалами пустого пространства в левую сторону как грозная маниакальная акула из тёмных глубин океана выплыл шведский сновигатор «Snoslag» Ларса Олофсона и снова повторил угрожающую прицельную атаку на подавление боевой активности. Это был беспрецедентный случай абсолютно независимой в политическом отношении развязки. Какие-либо правила не имели здесь своей актуальности с самого начала, и весь текущий инцидент по всем объективным показателям был положен на произвольное течение событий. Следующей такой серией уже активных ударов «Малышу Хью» разнесло бы в клочья всю тяговую способность его машины, поэтому, как и водится в таких случаях у адекватных бойцов, он просто вывернул штурвал вправо, переходя на ретирующий поворотный манёвр с плавным разворотом для того, чтобы лечь на обратный курс. Никто из действующих лиц в активной степени участия сейчас даже не догадывался, чем было это внезапное нападение шведского полярного викинга. Об этом даже не догадывался Уолтер Кик, если бы стоял у монитора спутниковой навигации в Офисе Системного Контроля и наблюдал за про-

исходящим вместе с остальными. Зато об этом хорошо знал «Чернокнижник», находясь сейчас за тысячи километров от всех этих событий в совершенно другом обществе и обстановке. Глубина этого вопроса лежала не только в политических интересах или приоритетных задачах технологического прогресса. Она упиралась в историю и культуру целого средневекового клана с его корнями и национальным наследием на протяжении почти целого тысячелетия. Сэр Томас Уиттл знал и с горечью осознавал, что сейчас в Антарктиде был положен ответ и проведена граница внутри западной системы между интересами ещё достаточно молодого американского дома масонов и так называемыми «наследниками магистров Тевтонского Ордена» старой Европы, которые очень ревностно относились к собственным артефактам и ни в коем случае не позволяли вторгаться в эти интересы тем, кто не имел на них достаточных исторических оснований!

Так закончилась великая история, получившая своё судьбоносное начало ещё в первой половине двадцатого века, ставшая продолжением развития технического прогресса в области освоения полярных материков и послужившая в дальнейшем одним из главных факторов развития новой фазы космических технологий будущего, которые легли в основу освоения космоса представителями следующих поколений. Фундаментальность текущего вклада в будущие процессы не осознавал ещё ни один человек на планете, но были люди, которые уже догадывались об этом или предполагали,

какими научными формами смогут оперировать их потомки, спустя десятилетия. Эпоха сновигаторов только расцветала и имела в будущем такой же яркий и насыщенный спортивно-приключенческий характер, но то, что стояло дальше событий на планете Земля на порядок превышало формы простого человеческого осознания. Эти вопросы в не столь далёком будущем должны будут лечь на плечи уже не главных героев всех произошедших событий в Антарктическом мире, а их детей и потомков, которым предстоит представлять великую идею «Полярной Навигации» не только как формат, но и как пример развития всей человеческой расы при освоении космического пространства Солнечной системы. И возможно, что эти шаги в будущем станут причиной для необходимости встречи и познания иных цивилизаций с раскрытием новых форм взаимоотношений и новых проблем, вытекающих из стремления человека познать необъятные просторы Вселенной.

ГЛАВА XVIII. НАСЛЕДИЕ ВЕРМАХТА

Стабильный жёлтый свет двадцати четырёх вольтовых лампочек прямого накала в клетчатых фонарях, упорядоченно свисающих с потолка, сквозь каналы зрительных нервов насильственно бурили психику Ральфа Зигерта именно сейчас, когда это было так неуместно, не вовремя и в то же время неизбежно. С самого утра, когда он проснулся его начало

нестерпимо мучить чувство наступающего фатального итога. Получив последние шифровки из Берлина, он целую неделю вынашивал это решение, как вынашивают раковую опухоль, постоянно напоминающую о неизбежном конце. Целую неделю, пока остатки штата собирались к отплытию, он вставал каждое утро и принимал смену у вахтенного дежурного, а вечером того же дня самолично делал записи в своём журнале по поводу всех произведённых на базе работ уже по отчёту другого офицера. Каждое утро и каждый вечер он смотрел им в глаза, фиксируя тонкости в мимике хладнокровных лиц офицеров «SS» и нестерпимо не верил в то, что там в его родной Германии пришёл конец великому делу Фюрера, великому времени расцвета немецкой нации и великой истории Третьего Рейха, в которой он начинал своё участие с самых её истоков. Его до дрожи мучила боль за то, что такой великий народ и такое великое дело приняли на себя угасающий итог поражения, в котором он просто не мог видеть своего места. Каждое утро, просыпаясь и выпивая на ужин чашку чёрного кофе, он насильственно запикивал внутрь себя ещё одну личность, ещё одного человека, который имитировал его обычное поведение, оставляя снаружи хладнокровное спокойствие и размеренную рассудительность. На самом же деле ему хотелось реагировать на всё резко и с нестерпимой яростью. Так выглядела последняя неделя его жизни, превращённая в адскую пытку. Ему никто не приказывал, нет. Последнее сообщение не содержало ника-

ких распоряжений, а просто раскрывало суть текущих событий в Берлине. По директивам Вермахта он не терял своего командного статуса и задач по строгому сохранению секретности. Естественным для выполнения этих условий была эвакуация оставшегося штата базы в страны латинской Америки под видом команды подводной лодки, потерявшей своё приказное подчинение, выполняющей наблюдательное пограничное дежурство без конкретных боевых целей, в случае её надводного перехвата флотом противника. Все подготовительные работы были выполнены, и база была подготовлена к консервации, оставалось только дожидаться окончания обеда, до которого решено было оттянуть время отплытия, чтобы лишний раз не нагружать этой процедурой единственного кока в стеснённых условиях подводного судна.

Сегодня был вторник – время заводить круглые настенные часы с военного парохода, которые висели прямо над входом в кают-компанию, поэтому Ральф следуя с камбуза мимо складских столов, где производилась сортировка, учёт и выдача продовольствия предусмотрительно оторвал от рулона большой кусок упаковочного пергамента, чтобы застелить им сидение стула, с которого совершал эту процедуру с регулярной систематичностью один раз в две недели. Сегодня вообще был необычный день, Ральф надел свой парадный китель с наградами и даже захватил с собой перчатки. Всё должно было быть торжественно, несмотря на трагическую энергетику в атмосфере общих всем уже известных со-

бытий.

Завершив процедуру с часами, Ральф поставил стул на место к торцу стола, который находился ближе к входной двери. Затем смял пергамент, выкинул его в корзину для мусора, стоящую рядом с кухонным гарнитуром и, открыв дверцу серванта, достал оттуда два коньячных бокала и бутылку коньяка. Всё это он размеренно и аккуратно поставил на стол и сел рядом у изголовья, где обычно сидел всегда лицом к дверям. Справа от него на столе лежал вахтенный журнал в чёрном кожаном переплёте. Ральф придвинул его к себе, открыл и нашёл страницу с последней записью. Вынув из бокового кармана на стол пенал, он открыл его и достал перьевую ручку, уже заправленную с утра чернилами. Сделав все необходимые служебные записи, касающиеся выполнения плана эвакуации, Ральф отступил от последней заполненной графы несколько строк вниз, и, открыв кавычки, начал писать:

«Я вспоминаю те времена двадцатилетней давности, когда мы собирались в пивных на выступлениях Гитлера и его соратников. Я никогда не забуду то прекрасное время зарождения новой жизни немецкой нации, нового строя, при котором Великая Германия наконец-то сделала свежий вдох и стряхнула с себя бремя семитских оккупантов и иностранных захватчиков! Я помню эти родные немецкие лица, я помню, как мы клялись перед Фюрером в верности своему делу и преданности соевой партии. Всего двадцать лет пона-

добилось нам, чтобы преобразить Германию и поднять её из пепла разорения и упадка до высочайших ступеней социалистического развития немецкого трудового народа! Люди встречали нас на площадях немецких городов с настоящими не поддельными улыбками! Я видел в их глазах радость и непринуждённое стремление к жизни! Они ликовали и приветствовали нас! Я всегда верил и продолжаю верить в великое дело Фюрера и НСДАП! Для меня никогда не будет другого смысла в жизни, кроме как служить делу процветания Третьего Рейха! Я не хочу возвращаться в другую Германию и именно поэтому я остаюсь здесь, на базе «Новый Берлин», строительство которой я курировал с самого начала и которой командовал на протяжении нескольких лет. Именно здесь для меня остаётся неприкасаемой та Германия, которую мы строили, в которую мы верили и ради которой умирали! И пусть моя смерть здесь станет символом сохранения этого непреступного статуса!»

Бригадешюрер «SS» Ральф Зигерт

Прочитав ещё раз своё прощальное послание пока на бумаге подсыхали чернила, Ральф аккуратно убрал ручку обратно в пенал и, закрыв журнал, отложил его в сторону. В этот момент из-за двери донёсся шум, дверь приоткрылась, и в комнату вошёл заместитель Зигерта по административно-штабной части штабсфюрер Гейнц Кальттенхопф.

– Всё готово, бригадешюрер! Команда построена в доке и

ожидает вас, – строго доложил он с армейской выправкой.

– Спасибо, Гейнц, – спокойно и равнодушно ответил Зигерт, но я не выйду к команде. Я не хочу официальности, для меня это слишком пафосно выглядит, думаю, вы поймёте. Давайте лучше выпьем с вами на прощанье коньяка.

– Конечно, бригадефюрер, – уже с другой более грустной и сконфуженной интонацией произнёс Гейнц.

Зигерт наполнил оба бокала до половины и передал один Гейнцу. В оперативном штате конечно же были ещё офицеры. Неделю назад, когда была получена последняя шифровка из Берлина, все шесть старших офицеров находились здесь на совещании, и именно тогда Зигерт сразу сообщил всем о своём намерении остаться. Для этого контингента людей, собравшихся вместе, такое заявление было понятным и категоричным и по своей сути, и по причинам, и по критерию абсолютной необсуждаемости. В тот момент это выглядело, как затянувшаяся тишина, которая как ключ или как какой-то внутренний выключатель сразу изменила настроение каждого из тех, кто долгое время работал с Зигертом рука об руку. Это было что-то наподобие тонкой границы между осторожностью и страхом. Скорбь и печаль перемешивались с осознанием серьёзности намерений на фоне хорошо известных всем внутренних качеств бригадефюрера, а также и ещё одного фактора. Дело в том, что пол года назад Ральфу Зигерту сообщили, что его жена погибла во время бомбардировки. Единственным, что смягчало эту ситуацию в некотором

роде, было отсутствие у них детей. Теперь Зигерта ничего не сдерживало на этом свете. Никто не задавал ему вопросов всё это время, как раз в виду той самой осторожности и только сегодня, уходя с камбуза он подошёл к дежурному вахтенному офицеру, которым был Гейнц и тихо сказал ему: «Пусть в конце ко мне зайдёт кто-нибудь один». Ральфу было тяжело, но ещё тяжелее для него было бы видеть в последний раз лица всех хорошо знакомых и уважаемых коллег. Для него было всё уже решено и слишком шумные похороны были излишними. Допив коньяк, Зигерт учтиво забрал пустой стакан у Гейнца и довольно легко и спокойно сказал:

– Всего хорошего, штабсфюрер, и спасибо за службу.

– **HEIL HITLER!!!** – в положенной форме чётко отдал честь Гейнц Кальттенхофф, придя в строгую позицию, топнув ногой и вытянув вверх правую руку.

– **Sieg Heil**, – с сохранённым положенным напряжением в голосе, ответил Зигерт, прощально поворачиваясь к столу и ставя на него один бокал.

Гейнц развернулся и вышел наружу, а Зигерт подошёл к мойке, вымыл бокал, протёр его насухо полотенцем и поставил на место в сервант. Затем он развернулся, подошёл к краю стола, взял свой бокал и посмотрел на глобус, который стоял рядом.

– **SIEG HEIL!!!** – прокричал он с явной злостью и истерикой в голосе, ударив со все силы по глобусу рукой наотмашь так, что глобус треснул и отлетел в сторону на пол.

Затем, вернувшись в прежнее спокойное состояние, он подошёл и сел на своё обычное место. Налив полный бокал коньяка, он вынул из внутреннего кармана парадного кителя ампулу, надломил её и вылил содержимое в бокал. Затем надел свои кожаные чёрные перчатки, последний раз взглянул на часы над входом, на которые точно также смотрел все эти годы, и одним залпом выпил весь коньяк. После этого он, закрыв глаза, отвалился к спинке стула, опустив голову и уронив руки вниз на колени, как будто от неимоверной усталости. Так он и просидел около пяти минут, пока не уснул навсегда.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ЭПОПЕИ «СКВОЗЬ ЛЁД И СНЕГ»